

Оказывается, кто-то пустил слух, что офицеры остаются в Омске и оставляют солдат. Это была проверка, где старший командный состав полка.

С отдачей Омска закончился большой период борьбы с советской властью, второй после нашего весеннего наступления, в который, казалось, еще возможно было добиться перелома в борьбе в нашу пользу. Трудно делать какие-нибудь определенные исчерпывающие выводы об этом периоде. Кто прав, кто виноват, что помешало создать лучшие условия для борьбы, когда все знали, что от успеха зависит все. Однако можно сказать, как и о первом периоде: 1) Фронт хотя и с осложнениями, но все же дал целое лето для подготовки к осеннему наступлению. 2) В сентябрьские дни, в течение целого месяца боев, он выполнял почти собственными силами наступательные задачи. Противник разбит не был, но ему не удалось безнаказанно послать части на фронт Деникина, и он был сильно потрепан. 3) Тыл почти ничего не дал; на реке Тоболе так и остались на фронте те же части, что воевали с 1918 года.

Мы не знаем, конечно, всех условий тыловой работы; обстановка была там чрезвычайно сложная: и вмешательство «союзников», и разные проекты, и тыловые осложнения, и работа эсеров и большевиков, и собственные неурядицы и бюрократизм, мечтавший о подготовке учреждений всероссийских. Но все же и в этой обстановке мы надеялись видеть какое-то осязаемое проявление воли, направляющей все к благополучному разрешению единственно важной задачи — победе над большевиками. Но увы, мы не чувствовали, что в тылу, во имя успеха дела, устраняются все препятствия. Мы видели часто обратное.

*К. Сахаров*⁴⁴

БЕЛАЯ СИБИРЬ⁴⁵

Борьба за власть

После долгих и трудных странствий, частью верхом, частью на телеге, через киргизские песчаные степи, приехали мы с женой из Астрахани в Уральск, дважды перейдя красный фронт. Впервые после почти годового пребывания в советской России и после шестимесячного заключения в большевистской тюрьме я попал в город, где свободно развевался Русский национальный флаг. Была осень 1918 года. По всей шире Руси от Карпат и до Тихого океана вспыхнули

восстания против большевиков. Самые разнообразные слои, классы и национальности русского народа поднялись против угнетателей и кровавых тиранов, захвативших власть в стране именем народа и для народа. Национальная Русь восстала против интернационала.

Эти восстания были разрозненны и неорганизованны. Это было чисто стихийное движение. Только на Волге и к востоку от великой русской артерии восстания русских людей нашли помощь и поддержку в Чехословацком корпусе, примкнувшем к ним в своем стремлении пробить путь на восток.

Отрывочные сведения обо всем этом доходили и в большевистский стан, достигали и Астраханской тюрьмы, где нас сидело свыше ста офицеров; сердца были полны надеждой, — казалось, что все мы, русские люди, довольно уже научены пережитой революцией, чтобы не делать снова ошибок, чтобы найти объединение для общей работы по очистке нашего дома — России от большевистской нечисти.

Уральск кишел наподобие растревоженного муравейника. Все население жило одним общим интересом — разбить красные полчища большевиков, отнять у них Саратов и Астрахань для соединения с Добровольческой армией генерала Деникина. Мобилизация в станицах проходила полностью, и все мужчины шли в ряды сражающихся; не хватало винтовок, шашек и пик — шли с вилами и косами, составляя особые отряды для поддержания первой линии.

Все политические лозунги были отброшены. Одна мысль управляла этим народным движением: покончить с большевизмом и тогда заняться разрешением вопросов внутреннего устройства. В этом казаки сходились с самарскими и саратовскими крестьянами и соединились с ними для борьбы против общего врага.

В Уральске впервые пришлось узнать отголоски правдивого положения на новом белом фронте. Грустными, похоронными аккордами прозвучали известия с Волги.

— Казань отдали большевикам...

— Сколько там погубили людей. Какие огромные запасы оружия и военного имущества оставили красным...

— Пал Симбирск...

— Самарское правительство не желает поддерживать казаков и Сибирскую армию...

Помню заседание Уральского казачьего круга и доклад на нем делегатов, вернувшихся из Уфы с так называемого Государственного совещания. Зал наполнен серьезными бородами казаками, только отдельными пятнами мелькают пять-шесть молодых безусых лиц; глаза у всех смотрят пытливо и напряженно; так искренне, с таким

страстным желанием найти правильный путь, путь объединения в работе-борьбе. И иметь в ней успех. Полная тишина и порядок, в отличие от всех шумных и говорливых собраний 1917 года.

Два казака, приехавшие из Уфы, делают доклад. Тихо и медленно говорят они по очереди; каждое слово их звучит в этой тишине так четко, как благовест ночного колокола.

«...Образовали Российскую директорию из пяти лиц: Авксентьев, генерал Алексеев, Чайковский, Астров и Вологодский; так как некоторым прибыть сейчас нельзя, то будут их заместители; сейчас состав такой: председатель Директории Авксентьев, члены: генерал Болдырев, Вологодский, Зензинов и Виноградов. Порешили на совещании, что вся полнота власти сосредоточивается у Директории. Все остальные правительства должны подчиниться ей... Мы подписали за уральское казачество это обязательство, чтобы Россия могла объединиться в борьбе против большевиков».

Ни слова возражения. В глазах и на лицах спокойная радость удовлетворенных ожиданий и окрепшей надежды.

— Согласен ли круг и одобряет ли действия избранных делегатов? — спрашивает председатель.

— Согласны, согласны... — проносится дружное эхо всего круга...

Из Уральска я отправился автомобилем в Бузулук, чтобы оттуда проехать через Самару в Уфу, в новый главный штаб для получения назначения.

Путь до Бузулука, сам этот городок Самарских черноземных степей, дальше тряский вагон до Самары, набитый пассажирами так, что в четырехместном купе нас уплотнилось десять человек, — все дышало какой-то сумятицей, взволнованностью, неуверенностью. Крестьяне бузулукского большого села Марьевка, где мы остановились на ночлег из-за поломки автомобиля, жаловались мне на чехов и на новое правительство учредителей за то, что те произвели жестокую экзекуцию этого села.

— Вишь ты, Ваше Благородье, или как тебя называть, не знаем, — у нас некоторые горлоотяпы отказались идти в солдаты, ну к примеру, как большевики они. А мы ничего, мы миром решили идти. Скажем так: полсела, чтобы идти в солдаты, а полсела против того. Пришли это две роты чехов и всех перепороли без разбору, правого и виноватого. Что ж, это порядо-ок?

— Да еще как-то пороли! Смехота! Виновных-то, самых большевиков, не тронули, а которых, хорошие мужики, перепороли. Вон дядя Филипп сидит, сидеть не может, а у него два сына в солдаты в Народную армию ушли.

Крестьяне сочувственно и безобидно засмеялись, а дядя Филипп неловко заерзал на лавке.

— Что ж, барин, и когда конец будет этому? Кто порядок-то установит? — обратился ко мне с вопросом старый крестьянин в армяке и лаптях.

Все сдвинулись ближе.

Я старался объяснить им, что теперь порядок можно установить только самим нам, всем сообща, покончив с большевиками. Слушали крестьяне молча, а в конце дядя Филипп ответил за всех:

— Эх, не то, барин, — нам бы какая власть ни была, все равно, — только бы справедливая была да порядок бы установила. Да чтобы землю за нами оставили. Если бы землю-то нам дали, мы бы все на Царя согласились.

— Да уж чего тогда бы лучше, — раздались голоса в толпе.

Меня, как жившего в Самарской губернии раньше, до войны, не удивил этот заключительный аккорд, так как тамошние крестьяне всегда отличались большим, почти святым почитанием Царя; все они большие хлеборобы, и редкий делал запашку меньше чем двадцать—двадцать пять десятин. Постоянная мечта их была разжиться землицей, прикупить ее; ну а здесь такая благодать — даром свалилась.

Но меня поразило, что наши дивные черноземные Самарские степи, эта житница России, лежали теперь почти не тронутыми. Десятки верст пробегал автомобиль, далеко, до самого горизонта, уходила волнистая плодородная степь, и только редкими местами попадался табор пахарей или плуг в работе среди черного блестящего вспаханного поля. В прежние годы в сентябре, бывало, вся степь была черным-черна, вся грудь ее распахана для нового весеннего посева. В селе Марьевка несколько тысяч населения и, несмотря на будни, почти все оставались дома. На мой вопрос о причинах такой перемены как раз теперь, когда они завладели всей землей, крестьяне ответили так:

— Видишь, барин, нам это не способно: одно дело, кто землю-то нам продал? Неизвестно. Какие они права имели землю-то отдавать? Ее распашешь, а потом отвечай. А другое дело война, — все равно пропадет. Ты посеешь, потрудишься, а Красная гвардия придет, половину стравит (истопчет), а другую половину отнимет...

В Бузулуке я увидел первый полк новой Народной армии. Без погон, со щитком наподобие чешского на правом рукаве, почему-то с георгиевской ленточкой, вместо кокарды, на фуражке. Вид полутоварищеский. Сам городок, обычно шумный, центр одного из наиболее хлебородных уездов России, жил теперь тихой, спрятанной жизнью, точно дом, из которого уехали главные хозяева.

В вагоне пришлось ехать вместе с несколькими офицерами. Двое из них сидели, а одному места не хватило, стоял. В углу же разместился какой-то железнодорожник с яркой желто-голубой «украинской» ленточкой в петличке и на утрированно хохлацком жаргоне разглагольствовал о «самостийной Украине». Слушал его поручик, слушал да и говорит:

— Вот что, пане добродию, вылезайте-ка из угла, — я хочу сидеть. Дорога-то ведь наша русская, да и Самарская губерния тоже России, ей в Украину не попасть.

— Как так? Позвольте, какое вы имеете право? — перешел на литературный русский язык желто-голубой железнодорожник.

— А такое, пане добродию, что я русский, значит, здесь дома у себя, хозяин. Вот поезжайте на Украину, там и посидите. Ну! Вылезайте!

Сконфуженно оглядываясь, под смех остальной публики вышел новоявленный украинец из купе и даже из вагона.

Ехали и делились впечатлениями, интересами текущих дней, событиями войны с большевиками. Офицеры Народной армии высказывали недовольство отношением к ним и их полкам Самарского правительства, что развели опять политику, партийную работу, скрытых комиссаров, путаются в распоряжения командного состава; начали чехословаков втягивать во внутреннюю политику, проводя среди них то же, что Керенский проводил в 1917 году в Русской армии для ее развала.

Выяснилось, что Самарское правительство учредителей пропагандирует всячески против Сибирского правительства и Сибирской армии, называя их «монархическими и контрреволюционными»; а в то время если что и можно было поставить в вину сибирякам, то это их слишком сильный крен в сторону социалистов-революционеров.

Оказалось, что много надежд возлагалось в то время русскими людьми на союзников. Как раз в то время прозвучали торжественно на весь мир ноты английская, французская, итальянская, японская и американская. Все они призывали русский народ к продолжению войны против Германии и «их прислужников и агентов большевиков». Все они заявляли о своей готовности активно поддержать в этом Россию и клялись, что не преследуют никаких личных целей, что ни одна пядь Русской земли не будет никем занята. До чего была сильна и наивна эта вера русских в помощь союзников! Одна девушка-курсистка, ехавшая из Бузулука на высшие курсы в Самару, уверяла, что на Волгу направляются пять японских дивизий, что «в Самару приехали уже триста японцев-квартирьеров»...

Подтверждались тревожные слухи с Волжского фронта. Передавали об ужасной социалистической панаме в Казани, где Лебедев и Фортунатов, два партийных работника, забрали власть в свои руки, митинговали с рабочими во время боев, вели переговоры с большевиками и... предали армию.

Самара произвела жуткое впечатление. Большой город, центр торговли Поволжья, с несколькимистами тысяч жителей, казался обреченным местом, ждущим своего приговора и часа. Огромная толпа, улицы полны народом, но все движется тихо, без обычного шума. Почти на всех лицах написано боязливое, тревожное ожидание и мольба о спасении.

Многие из слухов подтвердились. Я нашел здесь своего одноклассника по кадетскому корпусу, полковника С.А. Щепихина⁴⁶, который исполнял должность начальника штаба Народной армии при командующем Волжским фронтом, чешском поручике Чечеке, произведенном учредителями в генерал-майоры. Вот какими приемами искали они себе опору и сторонников!

Положение было хуже 1917 года; чехи под влиянием пропаганды уже разваливались, воевать не желали; Народная армия была крепка только офицерами и добровольцами, да и то в частях, к которым эсеры получали доступ, там исчезала дисциплина, а с нею вместе и боеспособность. Только отряды полковников Каппеля и Степанова оказывались всюду сильны и духом, и боевыми качествами, так как эти начальники не подпускали и близко к своим войскам социалистов.

Они брали Казань, Симбирск. Каппель проявлял прямо чудеса маневра со своим маленьким отрядом. Но в Казань, сейчас же по взятии ее, нагрянули эсеры и так все перепортили, что наши едва успели уйти, некоторые там и остались большевикам. Бросили одного сукна на пятимиллионную армию более ста аэропланов с огромным имуществом, массу пулеметов, патронный завод; в Симбирске оставили огромный инженерный парк всей Императорской Русской армии. А все оттого, что учредители мешали и противодействовали вывозу: боялись, что все это может попасть в руки Сибирской армии. А понятно, по Волге почти все можно было вывезти. От других офицеров пришлось слышать рассказы о таких же беспорядках в Хвалынске, Вольске, Николаевске. Офицерство и добровольцы были возмущены до крайности.

— Мы не хотим воевать за эсеров. Мы готовы драться и отдать жизнь только за Россию, — говорили они.

— Такое предательство, хуже 1917 года, — горячо рассказывал мне капитан, трижды раненный в Германскую войну и два раза уже

в боях с большевиками. — Как только успех и мало-мальски прочное положение, они начинают свою работу против офицеров, снова натравливают массы, мутят солдат, кричат о какой-то «контрреволюционности». А как опасность, так офицеры вперед. Посылают прямо на уничтожение целые офицерские батальоны.

Когда я приехал в Самару, оттуда шла уже спешная и довольно беспорядочная эвакуация, управляемая чешскими комендантами.

— Завтра (это было 19 сентября 1918 года) будут брать места в поездах уже с револьверами в руках.

* * *

С большими трудностями и неудобствами, бесконечно долго простаивая на самых маленьких станциях, добрались до Уфы.

Здесь на вокзале стоял оцепленный чешскими часовыми поезд, состоявший из шести классных пудмановских вагонов. Часовые никого не пропускали, образовав на платформе около вагонов большой свободный полукруг.

— Чей это поезд? — спросил я одного чеха.

— Нашего генерала Дитерихса.

— Какого Дитерихса, русского генерала?

— Ну да, а теперь он нами командует, наш генерал.

— Могу я его видеть?

— Да, только его сейчас здесь нет, он поехал в город автомобилем на совещание с Директорией.

Отправился я в штаб Верховного главнокомандующего генерала Болдырева, члена Директории. И штаб, и Директория, и все ее канцелярии помещались в большой «Национальной» гостинице. Здесь сразу пришлось окунуться в обстановку, напоминавшую до жуткости недоброй памяти дни лета и осени 1917 года. Та же беспорядочная снующая без дела толпа, масса юрких штатских брюнетов с горбатыми носами, всюду грязь, неубранный сор, стучат пишущие машинки, здесь же доступный для всех телеграф с армейскими аппаратами Юза.

Шел длинными коридорами, ни от кого не мог добиться толку, как пройти к начальнику штаба. Наконец в самом конце коридора, при входе в ресторанный зал, один офицер мне помог.

— Да вон он сидит у стола, генерал Розанов⁴⁷, начальник штаба.

Опять старый знакомый, еще с довоенного времени, с которым вместе сражались в памятных героических Люблинских боях августа 1914 года. Тепло встретились. Оказалось, что генерал Розанов только несколько дней сам прорвался через большевистский фронт.

— Шел в красной рубахе, как простой крестьянин. Сначала свои пускать не хотели, взяли под подозрение.

Рассказал коротко ему и мои злоключения у большевиков в тюрьме, случайное спасение и как дважды пробирался через их фронт.

Здесь же встретил своего давнего приятеля, полковника Генерального штаба Д.А. Лебедева, который работал на Дону вместе с генералами Корниловым и Алексеевым, а теперь пробрался сюда из Добровольческой армии через Москву. Затем вскоре подошел уральский казак, генерал-майор Хорошкин⁴⁸, оказавшийся однокашником по кадетскому корпусу. Оба они были в Уфе уже несколько недель, с самого Государственного совещания. Несколько часов проговорили мы; оба они по очереди, один дополняя другого, нарисовали мне обстановку, военную и политическую, среди которой родилась Российская Директория.

Из рассказов еще многих очевидцев тех дней и из тогдашних уфимских газет устанавливается такая картина. После начала восстания, когда отряды русских офицеров и добровольцев, поддержанные чехословаками, свергли иго большевиков и рассеяли их красноармейские полки, образовалось много местных правительств. В Самаре знаменитый Комуч (Комитет членов Учредительного собрания, или, как тогда больше называли, учредилочки), в Уральске — казачье правительство, в Оренбурге — атаман Дугов с Оренбургским казачьим кругом, в Екатеринбурге — Уральское горное правительство, образованное евреем Кролем⁴⁹ и имевшее всего один уезд территории, в Омске — Сибирское правительство, в Чите — атаман Семенов, на Дальнем Востоке, в Харбине и Владивостоке одновременно три правительства: генерала Хорвата⁵⁰, еврея Дербера⁵¹ и коалиционное. В то же время отряды чехов были рассродоточены по всей линии Великого Сибирского пути, от Волги до Тихого океана, их военное начальство и политический комитет отдавали свои распоряжения и пытались также управлять. Получалась полная разногласица и сумбур. Тогда было созвано в Уфе Государственное совещание для выбора единой авторитетной российской власти.

В совещание вошли представители большинства перечисленных правительств, все наличные члены первого эсеровского Учредительного собрания, партии меньшевиков, эсеров, умеренных социалистов, кадетов и представители от некоторых казачьих войск. Состав крайне пестрый, не выразивший народных масс (как и все собрания, начиная с марта 1917 года) и с сильным преобладанием партийных социалистических работников; последние определенно вели линию этого совещания за признание Комуча как правительства всероссий-

ского. Но на это не шли остальные члены совещания — несоциалисты. Дело чуть не расстроилось.

Вот тогда-то выступили на сцену чехи. Их политический руководитель доктор Павлу заявил на этом совещании от имени Чехословацкого корпуса, что если не будет образована единая власть, то чехи бросают фронт; причем было произведено им еще одно давление на совесть собравшихся и заявлено: чехи полагают, что единственным законным и революционным правительством будет то, которое признает Учредительное собрание первого созыва и которое будет в свою очередь признано и поддержано этими «учредителями». Для всякого русского было ясно, что под этим подразумевались социалисты-революционеры, то есть партия, ввергшая под руководством своего лидера Керенского в 1917 году Россию в бездну разрушения, позора и Гражданской войны.

Заявление Павлу, однако, заставило всех пойти на открытые уступки, оставив в тайне свои истинные намерения. Очень быстро было достигнуто соглашение, которое и подписали все участники Уфимского Государственного совещания. В качестве всероссийской власти признавалась избранная этим же совещанием Директория из пяти лиц под председательством Авксентьева, ближайшего сотрудника и партийного товарища Керенского. Далее следовал пункт, что Директория ответственна в своих действиях перед Учредительным собранием первого созыва и что, как только соберется определенное число членов его (помнится, 250), Директория обязана передать всю полноту власти этому кворуму учредиловцев.

Директория вступила во власть, то есть начала на бумаге отдавать распоряжения, писать к народу воззвания, выпускать международные декларации. Собиралась образовывать кабинет министров, причем еще на совещании было обещано взять готовый аппарат министров от Сибирского правительства в Омске. Почти все соглашение сделано в угоду Комучу, который примазался к Народной армии, восставшей на борьбу против большевиков. Имея в своем составе более шестидесяти процентов иудеев, учредиловцы, с присущим своей партии апломбом, не постеснялись еще раз назваться избранниками русского народа, не остановились перед преступной игрой еще раз на русской крови. Какое самодовольство звучало в словах — фронт Учредительного собрания!

И как раз теперь, когда все было сделано по их вожделениям, когда власть вторично после революции попадала в руки той же партии, она показала себя совершенно неспособной к какой-либо не то что творческой, а просто плодотворной работе. Падали один за другим го-

рода на Волге. Отданы Хвалынский, Вольск, Сызрань, Самара, дальше отступили и очистили Кинель, Бугульму и подходили к Уфе. Вся местность, громко называвшаяся «территорией Учредительного собрания», оказалась уже к началу октября в руках большевиков.

Директория спешно укладывала чемоданы и готовилась к переезду. Куда? Вот вопрос, вставший перед всеми. Сначала хотели в Екатеринбург, как центр Урала и, так сказать, независимый город. Но, казалось, слишком близко от боевого фронта и слишком ненадежно. Решено было ехать в Омск, в столицу Сибирского правительства, хотя здесь как-то сама собою напрашивалась всем мысль, что Директория едет в гости, на готовое к сибирякам, у которых был уже сконструирован работоспособный аппарат управления, образована сильная армия; мобилизация среди крестьян и рабочих Сибири прошла так успешно, что была несомненна полная поддержка Сибирского правительства всем населением.

В Уфе я на несколько лет расстался со своим верным другом — моя жена решила ехать в Саратов к оставшимся там детям, чтобы попытаться их вывезти ко мне на восток. Надежным путем была доставлена она в Кинель, где проходил тогда отступавший чешско-учредилковский фронт, оттуда на лошадях направилась в Самару. Исчезла надолго в кровавом тумане, которым социалисты-большевики окутали русскую землю.

По приезде в Омск Директории и разноцветной толпы беженцев сразу обнаружилось течение масс не в ее пользу; с другой стороны — Директория оказалась настолько несостоятельной, что почти никто с нею не считался. Один раз, например, вечером в гостиницу «Европа», где стояли члены Директории, явились несколько человек из партизанского отряда Красильникова⁵² с криками, что они пришли арестовывать директоров. Этот скандал удалось локализовать только самому Верховному главнокомандующему генералу Болдыреву; но никаких мер воздействия, никакого наказания виновных фактически в государственном преступлении Директория провести не могла. Власть была до того бессильна, что на вопросы генерала Болдырева к некоторым из кадровых офицеров: «Какое место Вы желаете занять?» — он получал в ответ: «Я не желаю вовсе служить здесь, с эсерами»...

В массах народных к Директории относились совершенно безразлично, слои интеллигентные — неодобрительно, а армия на фронте буквально начинала ее ненавидеть и глухо волновалась, спрашивая, за кого же и для чего она будет проливать кровь и жертвовать жизнями, раз нет веры и нет малейшей очевидности, что новая мифическая власть может спасти и оздоровить Россию.

А признаки, подтверждавшие этот печальный вывод, все спускались и увеличивались. Директория была в Омске более двух недель и все еще не могла створиться об образовании общего российского аппарата министерства. Делами продолжал управлять Сибирский кабинет, причем один из его самых энергичных членов, сибирский военный министр генерал Иванов-Ринов поехал в Читу и на Дальний Восток, чтобы там на местах наладить формирование армии и дело снабжения ее нашими русскими запасами и присланными от союзников. В Омске шли долгие переговоры, различные персональные перестановки в проекте состава кабинета. Но дело не двигалось.

В конце сентября приехал в Омск из Харбина адмирал Колчак в качестве частного человека и даже в штатском платье. Я был у него на третий день приезда, и мы проговорили целый вечер. Адмирал рассказывал мне подробно о своих поездках в Америку и Японию, о положении на Дальнем Востоке, о роли разных союзников-интервентов, причем смотрел он на все мрачными глазами. Он тогда, еще в октябре 1918 года, высказывал мысль, что союзники преследуют какие-то скрытые цели, что поэтому мало надежды на помощь с их стороны.

— Знаете ли, мое убеждение, что Россию можно спасти только русскими силами. Самое лучшее, если бы они совсем не приезжали, ведь это какой-то новый интернационал. Положим, очень уж бедны мы стали, без иностранного снабжения не обойтись, ну а это значит попасть им в зависимость. Я намерен пробраться в Добровольческую армию и отдать свои силы в распоряжение генералов Алексеева и Деникина, — закончил адмирал Колчак.

Около того же времени прибыл особым поездом, с пулеметами и целой командой, одетой в новенькую солдатскую форму с сине-белыми погонами, член Комуча Роговский. На вопросы, что означает такой приезд и каково назначение сине-белого отряда, Роговский давал ответ:

— Я прибыл в качестве министра полиции нового кабинета, а отряд мой есть кадр новой полиции, которую я начну образовывать по всей территории.

— ?!!

Оказалось, что председатель Директории Авксентьев дал в Уфе обязательство своей партии обеспечить портфель министра полиции для члена Комуча, которым и был намечен Роговский. Шито было слишком белыми нитками. Несомненно, что если Роговский обратит всюду свою полицию, партийную эсеровскую, то фактически вся власть в стране попадает в руки опять этой злосчастной партии.

На это никто не шел. Соглашение, почти достигнутое с сибиряками, вновь расстроилось.

В те дни часто произносилось незнакомое для меня имя генерала Нокса, причем многие говорили: вот подождите — придет Нокс... Как будто его приезд, этого английского генерала, мог многое изменить, создать и дать опору. Я недоумевал, искал объяснения и не мог найти.

— Погодите, вот придет Нокс — увидите, — отвечали мне.

* * *

Вскоре генерал Нокс прибыл в Омск в особом довольно скромном поезде в сопровождении небольшой свиты. Ему сделали почти царскую встречу, Директория в полном составе была на вокзале, город и станцию разукрасили флагами, национальными и новыми сибирскими, бело-зелеными. Шпалерами стояли и парадировали молодые сибирские войска, одетые в шинели из мешочного холста.

В этот день, проходя по мосту через речку Ом, я встретил двух офицеров в английской форме. Один из них был полковник великобританского Генерального штаба Нильсон, мой хороший знакомый по Могилевской Ставке в августе 1917 года, настоящий офицер; другой русский полковник П. Родзянко⁵³, принятый на службу англичанами. Обрадовавшись друг другу, обменялись первыми фразами — так много воды утекло с памятных нам Корниловских дней. Нильсон взял с меня обещание прийти к нему на чашку чаю в тот же день вечером.

Надо сказать, что между офицерами всех армий, настоящими офицерами, существует особая связь, стирающая в обычное время даже национальные грани. Недаром социалисты называли офицерство враждебно-презрительно «кастой». Да, каста-корпорация, общество культивированной чести, самопожертвования и даже подвига. Без этого не может существовать ни одна армия, а значит, и ни одна страна. Этот дух культивировался веками и представляет одно из самых ценных составных человеческой цивилизации. Дух этот общий, присущий всем нациям. Оттого-то и чувствовали себя офицеры разных армий как бы членами одного ордена, братьями по духу, носителями одних традиций. Очевидно, оттого-то на русских офицеров и направился первый и полный ненависти удар со стороны разрушителей старой мировой христианской культуры, социалистов.

Генерал Нокс оказался очень общительным человеком, типичный англичанин, высокого роста, с моложавым не по летам лицом, в высшей степени smart, довольно хорошо говорил по-русски. От него

я узнал, что Англия готова помогать антибольшевистским русским армиям оружием, патронами, всяким военным снабжением и обмундированием на 200 000 человек; кроме того, посылает в Сибирь несколько сот своих офицеров в качестве инструкторов на помощь нам, русским офицерам. Для активной помощи направляются два батальона английских войск, Мидльсекский и Хэмпширский, и целая дивизия в полном составе из Канады. Прямо в глазах зарыблило от таких цифр. Чисто великобританский жест. Ведь это все обещало действительную помощь в восстановлении нашей Родины, Великой России, и давало нам полную надежду.

В поезде генерала Нокса встретил нашего русского генерал-майора Степанова⁵⁴, тоже старого знакомого еще в Ставке в дни совместной борьбы против развала армии комиссарами и комитетами Керенского. Генерал Степанов приехал с Ноксом из Владивостока, подтвердил все сказанное им и от себя добавил много интересного о личности этого генерала, его исключительно дружественных чувствах к России, о его планах, как лучше осуществить эту помощь нам.

В это время с фронта приходили тревожные вести. С одной стороны, чехи отказывались воевать, ссылаясь на усталость и на то, что они хотят ехать драться против немцев на Французский фронт; а с другой стороны, наша новая, молодая Русская армия, теперь объединенная номинально под командованием генерала Болдырева из частей Сибирской и Народной армий, волновалась все больше и больше неопределенностью в Омске, медлительностью формирования правительственного аппарата. Раздавались оттуда уже открыто голоса о необходимости установления единоличной военной власти, при которой эсеры не могли бы снова делать свои кровавые опыты над армией и страной.

— Дайте нам работать, не мешайте нас в политику, — было общее желание офицерства.

Полковник Д.А. Лебедев объехал фронт, побывал у генералов Дитерихса, Ханжина, Голицына и Гайды; все ему говорили о необходимости скорейшей замены Директории единоличной военной властью. Но кем? Будь здесь генералы Алексеев или Деникин, — тогда все сходилось на них...

В Омске образовался политический центр, в который вошли все общественные и политические деятели от народных социалистов и правее. Этот политический центр пришел также к выводу, что Директория не способна сдвинуть воз и довести его до места, что необходимо ее заменить единоличной военной властью.

Действительно, бедная Директория была подобна классической курице, высидевшей утят и бегавшей беспомощно по берегу, когда

ее претензии плавали, ныряли и плескались на водном просторе. Роды кабинета министров происходили очень мучительно. Наконец, стал помогать, засучив рукава, и генерал Нокс, — подействовала его угроза, что работа по снабжению не будет начата, пока не установится власть. Долго камнем преткновения был самозванный министр полиции Роговский со своим сине-белым отрядом. Председатель Директории Авксентьев выкручивался вовсю; говорил, что он обязан был пойти на это назначение в Уфе, иначе бы соглашение не состоялось, чехи ушли бы с фронта.

— Да они и так уходят! А потом, все равно они с сентября уже не воюют и всю местность от Волги до Уральских гор отдали большевикам, — отвечали ему.

Тогда Авксентьев попросту умолял согласиться на Роговского, обещая недели через две его «прогнать» и заменить другим, приемлемым лицом. Долго спорили из-за этого пункта. Наконец пришли к соглашению Роговского не назначать; на этих условиях кабинет сформировался, и А.В. Колчак вошел в него как военный и морской министр. На радостях Директория устроила пышный банкет, достали даже вина. Говорилось много речей на всех языках, раздавались призывы к дружной, энергичной работе, трещали фразы о демократиях всего мира; директора и общественность на карачках ползали перед высокими иностранцами.

Социалисты-революционеры к этому времени основали свои штаб-квартиры в Уфе и Екатеринбурге. В первом городе они пробовали мутить среди нашей Русской армии, устраивая митинги и формируя русско-чешские батальоны «защиты Учредительного собрания», а в Екатеринбурге они близко объединились с родственным им по составу чешским национальным комитетом и действовали здесь вовсю, разлагая чехословацкие полки. Все эсеры сгруппировались теперь около Виктора Чернова, их вождя и одного из самых вредных деятелей, который шел всю революцию впергонки с Керенским; обладая безграничным личным честолюбием, Чернов не останавливался ни перед чем, чтобы перешеголять своего конкурента и товарища по партии.

И вот в середине октября, как раз ко времени этого банкета, был выпущен в Уфе «манифест» партии социалистов-революционеров ко всему населению России, подписанный В. Черновым и его ближайшими сотрудниками; в этой листовке повторялось в сотый раз, что «завоевания революции в опасности», что «новое правительство и армия стали на путь контрреволюции»; а потому все население призывалось к оружию и к повсеместной партизанской войне против правительства и его армии.

Неслыханная и небывалая подлость! Ведь это самое правительство — Директория — было избрано и составлено самими эсерами; они подписали на Уфимском совещании обязательство всячески ее поддерживать. Кроме того, председателем Директории был их же человек, член их партии Авксентьев, и два члена Директории, Аргунов и Зензинов, были тоже партийные эсеры. Выходило, что или они трое повинны в этом предательском воззвании, как члены партии, или предательство направлено и против них. Эта прокламация-манифест широко распространилась и попала в армию. Волнение поднялось страшное. Требовали суда над преступниками.

Посыпались обращения к новым министрам, к Авксентьеву, к генералу Болдыреву; те возмущались и говорили, что примут меры. Но ничего не делалось, а Авксентьев на поставленный прямо вопрос не мог дать никаких объяснений; так и осталось невыясненным, участвовал ли он в этом воззвании, которое было на руку только большевикам. Впрочем, о выходе своем из партии Авксентьев, Зензинов и Аргунов не заявляли, да и по сей час состоят в ней.

Кабинет министров присоединился к мнению армии и политического центра о необходимости и своевременности замены Директории единоличной военной властью и обратился к генералу Болдыреву, как Верховному главнокомандующему, с предложением взять полноту всей власти на себя. Болдырев соглашался с мотивами и жизненной необходимостью такой замены, но отказался ее осуществить, ссылаясь на несвоевременность. А волнения в армии все разрастались, увеличивались и неуверенность в завтрашнем дне, в способности Директории быть действительной, твердой властью.

В конце октября мне пришлось объехать большинство частей нашего фронта. Я ездил вместе с генералом Ноксом, будучи командирован Ставкой Верховного главнокомандующего. Чехи всюду были выведены с фронта в ближайший тыл. Русские молодые части стояли в передовой линии, одновременно ведя бои и формируясь. Работа, которую несли русские офицеры, была выше сил человеческих. Без правильного снабжения, не имея достаточных денежных средств, при отсутствии оборудованных казарм, обмундирования и обуви приходилось собирать людей, образовывать новые полки, учить, тренировать, подготавливать их к боевой работе и нести в то же время караульную службу в гарнизонах. Надо еще прибавить, что все это происходило в местности и среди населения, только что пережившего бурную революцию и еще не перебродившего; работа шла под непрекращающиеся вопли социалистической пропаганды вроде приведенного выше воззвания Чернова.

Под влиянием такой пропаганды в сентябре и октябре было сделано несколько попыток восстаний среди воинских частей тыловых гарнизонов. Офицерам приходилось жить почти безвыходно в казармах, чтобы предохранить людей от провокаторов и пропаганды. Не надо забывать, что вся Россия представляла собой тогда бурлящий котел, не было ничего установившегося, настроения масс не определились и легко поддавались самым неожиданным колебаниям. Жизнь тысяч этих скромных безвестных русских работников, строевых офицеров, была в постоянной опасности.

В Челябинске видел смотр и парад 41-го Уральского горных стрелков полка. После месяца работы полк представился как настоящая воинская часть; видна была спайка офицеров и солдат, хорошее знание строевого учения, умение нести боевую службу в поле. Но внешний вид был очень жалкий: более чем у половины людей отсутствие шинелей и сапоги — одна сплошная заплата. Командир полка, молодец-полковник Круглевский⁵⁵, настоящий заботливый командир, делал все, что мог, добывая снабжение и у интендантства, и у состоятельной части населения.

— Приходится, — говорил он, — прямо выпрашивать. Ведь у меня половина людей осталась в казармах, не в чем выйти. На несколько человек одна пара сапог, по очереди ходят на учение, в столовую и на двор.

В Челябинске же встретился с М.К. Дитерихсом, впервые с осени 1917 года, когда он вернулся в Ставку после неудачного похода на Петроград генерала Крымова⁵⁶. Работая вместе с Дитерихсом и под его начальством с 1915 года, я хорошо знал его раньше и теперь прямо не узнал: генерал постарел, исхудал, осунулся, не было в глазах прежней чистой твердости и уверенности, а ко всему он был одет в неуклюжую и невоенную чешскую форму, без погон, с одним ремнем через плечо и со щитком на левом рукаве. Он состоял начальником штаба у командующего чешскими войсками генерала Яна Сырвогого.

— Много пережить пришлось тяжелого, — сказал мне М.К. Дитерихс, — развал армии, работа с Керенским, убийство Духонина⁵⁷ почти на моих глазах. Пришлось скрываться от большевиков. Потом работа с чехами.

Мрачно и почти безнадежно смотрел генерал Дитерихс на предстоящую зиму.

— Надо уходить за Иртыш, — было его мнение. — Вы не можете одновременно формироваться и бить большевиков, да и снабжения нет, а англичане когда-то еще дадут. Чехи... — Он махнул рукой. — Чехи воевать не будут, развалили их совсем.

На следующий день я был на похоронах доблестного солдата, чешского полковника Швеца. Он повоевал на Германском фронте, затем поднял восстание против большевиков и сражался неутомимо с ними. Полк его обожал. Но развал шел среди всех чехов, и, когда коснулся полка Швеца, тот пробовал бороться, сдерживать массу, один из всех продолжал со своим полком вести боевые действия на фронте. Но вот полк отказался выполнить боевую задачу, решительно потребовал увода в тыл и образования комитета. Полковник Швец собрал солдат и говорил с ними, грозил, что он обращается к ним в последний раз, требуя полного подчинения и выполнения боевого приказа. Полк не подчинился. Тогда полковник Швец вернулся в свой вагон и застрелился. На похоронах его в Челябинске собралась многотысячная толпа и было не мало искренних слез. На могиле этого героя политиканы, русские и чехи, говорили звонкие речи и лили крокодиловы слезы... Может быть, они и не сознавали тогда, что истинными убийцами этого честного солдата были они, виновники развала. Много пришлось видеть разных людей и картин чехословацкого воинства в Сибири, но чтобы не отвлекаться, оставляю это для отдельной главы.

Из Челябинска я проехал вместе с генералом Ноксом в Екатеринбург, в город, который стал для русского народа местом величайшей святости и небывалого позора. Еще сидя в большевистском застенке, летом 1918 года, мы прочитали в местных «известиях» официальное сообщение московского Совдепа об убийстве Государя; там же была заметка, в которой комиссары лживо и лицемерно заявляли, что Царская Семья перевезена ими из Екатеринбурга в другое, «безопасное» место.

Больно ударила по душе эта ужасная, злая весть всех русских офицеров и простых казаков — более ста человек было нас заключено в городской тюрьме Астрахани. Как будто отняли последнюю надежду и вместе с тем надругались над самым близким и дорогим, надругались низко, по-хамски, как гады. Даже красноармейцы, державшие в тюрьме караул, и астраханские комиссары казались в те дни сконфуженными, — ни один из них ни словом, ни намеком не обмолвился о злодеянии; точно и они чувствовали себя придавленными совершившимся ужасом и позором.

Генерал Нокс имел неофициальное поручение от своего короля донести возможно подробнее об Екатеринбургской трагедии. С стесненным сердцем входили не только мы, русские, но и бывшие с нами английские офицеры в Ипатьевский дом, в котором Царская Семья томилась два последних месяца заключения и где преступная рука посягнула на Их священную жизнь. Нас сопровождал и давал под-

робные объяснения чиновник судебного ведомства Сергеев, который и вел в то время следствие по делу Цареубийства. Из его слов тогда уже вставала картина жуткой кровавой ночи с 16 на 17 июля.

Когда белые впервые заняли Екатеринбург, все цареубийцы и их главные сообщники бежали заблаговременно; кое-кого из мелкоты — нескольких красноармейцев внешней охраны, родственников убийц и даже сестру чудовища Янкеля Юровского — удалось захватить и привлечь к следствию с первых же дней; с самого начала все дело было взято в свои руки группой строевых офицеров, и ими-то и были получены первые нити, по которым установлено почти полностью преступление.

Весною 1919 года во главе следствия были поставлены генерал Дитерихс и следователь по особо важным делам Н.А. Соколов, которые с помощью специальной экспедиции тщательно обследовали всю местность вокруг города по радиусу в несколько десятков верст. Обшарили почти все шахты, собирали каждый признак, шли по самому малейшему намеку, чтобы рассеять мрак, нависший над концом Царской Семьи. Мне пришлось быть еще два раза в Екатеринбурге и беседовать с обоими; вывод их был тот же, который сообщил нам осенью 1918 года Сергеев: в ночь на 17 июля нового стиля Государь Император Николай Александрович и Его Семья были зверски умерщвлены в подвале Ипатьевского дома.

Кроме Сергеева, тогда же довелось подробно говорить с доктором Деревенько, лечившим Наследника, с протоиереем Строевым, который был большевиками дважды допущен в дом заключения служить обедню, и еще с рядом лиц, живших в Екатеринбурге. Навсегда осталось в памяти то общее из их рассказов, что светит, как венцы мучеников из старорусской Четвы минеи; каждый штрих, всякая подробность говорили о том величавом смирении, с которым Царственные Узники переносили тяжелый крест страданий, всевозможные лишения и даже надругательства большевиков. Все осмотры и ознакомления с материалами следствия за этот приезд в Екатеринбург легли в основу донесения об убиении Царской Семьи, посланного тогда же генералом Ноксом в Лондон.

Дом екатеринбургского горнопромышленника Ипатьева — небольшой особняк на площади против собора — был окружен двумя стенами; вторую, сплошной деревянный забор вышиною более сажени, большевики построили специально для того, чтобы еще более отделить Высоких Заключенных от внешнего мира. Караулы неслись самые строгие, причем наружный, вокруг дощатого забора, был из красноармейцев, внутренний же состоял из чекистов-инородцев (иудеи и латыши)

и нескольких человек русских, самых отъявленных мерзавцев, каторжан. При этом внутреннем карауле имелись два пулемета, стоявшие всегда наготове в окнах верхнего этажа, чтобы отразить возможное нападение. Комиссары жили все время под опасением, что русские люди освободят своего Царя из их хищных кровавых рук.

Настроение народных масс Екатеринбурга хотя и было придавлено террором, но поднялось бы и смяло кучки святотатцев во главе с Янкелем Юровским, если бы только в народ проникли слухи о возможности того страшного конца, который эти выродки готовили Царской Семье. Оттого-то комиссары не доверяли красноармейцам внутреннего караула, по той же причине они постарались покрыть такой тайной свое злодеяние и затерять следы его. Лишь через несколько дней после 17 июля 1918 года пополз шепотом рассказ о том, что неслыханное совершилось. Но наряду с этим выросли тогда же легенды, будто Царская Семья вывезена из Екатеринбурга, что кто-то и где-то видел Их проезжающими в направлении на Пермь.

Записываю отрывочные воспоминания того, что запечатлелось тогда в Екатеринбурге. Несомненно появятся подробные отчеты следствия, вероятно также, что люди, жившие в этом городе лето 1918 года, дадут полную картину тех тяжелых недель и страшных дней. Здесь уместно отметить лишь, что с первых же часов занятия бельями Екатеринбурга были приложены все усилия, чтобы не только открыть правду, как бы ужасна она ни была, но и собрать все предметы-реликвии, сохранившиеся от Царской Семьи; все собранное было потом опечатано и при описях отправлено на английский крейсер «Кент». За время правления Директории все это делалось по частному почину русских людей, не встречало не только сочувствия, а иной раз так даже чувствовалось скрытое противодействие; но настроение офицерства, солдат и крестьянской массы было таково, что эти разрушители Государства Российского не смели открыто препятствовать. После того как эсеровская Директория была заменена единоличной властью адмирала А.В. Колчака, следствие пошло в порядке государственного дела. И только тогда чешский генерал Гайда принужден был спешно выехать из Ипатьевского дома, который он занимал для своего штаба.

Задача будущего поколения — открыть все полностью: и великий, единственный в мировой истории, подвиг мученичества нашего Государя и Его Семьи, и неслыханную мерзость Их мучителей-убийц, и низость безвольного непротивления тех, кто мог в те дни противостоять убийцам. Все будет открыто. И недалек тот день, когда перед обновленной Россией развернется вся картина и встанут и засияют

образы Царственных Великомучеников. Но многое еще придется пережить до того и нашей стране, и нам, современникам...

В Екатеринбурге в то время, в октябре 1918 года, были два энергичных генерала — русский В.В. Голицын, формировавший 7-ю дивизию горных стрелков Урала⁵⁸, и чех Гайда. Очень молодое длинное лицо, похожее на маску, почти бесцветные глаза с твердым выражением крупной, хищной воли и две глубокие, упрямые складки по сторонам большого рта. Форма русского генерала, только без погон, снятых в угоду чешским политикам. Голос его тихий, размеренный, почти нежный, но с упрямыми нотками и с легким акцентом; короткие, отрывистые фразы с неправильными русскими оборотами.

Гайда проводил такую точку зрения:

— Русский народ совсем не может иметь теперь, немедленно, парламентаризма. Я в этом убедился, пройдя всю Россию и Сибирь в два конца. И от революций все устали, хотят только порядка. По моему мнению, России нужна только монархия и хорошая демократическая конституция. Но теперь нельзя. Надо скорее военную диктатуру. Я поддержу своими полками, если найдется русский генерал, который возьмет власть на себя.

Так говорил Гайда в октябре 1918 года в вагоне у генерала Нокса. Но и он был бессилён удержать свои части на фронте и поневоле требовал замены их дивизией генерала Голицына. На наших глазах эта смена и происходила. Русские полки и батальоны, которые пришлось видеть на фронте, поражали своей малочисленностью, скудным снабжением, плохим обмундированием.

Непостижимо, как могли при тех условиях наши отряды и молодые полки не только держаться на фронте, но и вести наступление, очищать от большевиков огромные пространства Сибири и Урала. А это было так, сама действительность тому свидетельство. Горячая любовь к Родине, выносливость русского человека да всеобщая ненависть к большевикам делали это дело. А выносливость прямо единственная в мире! Легкие, ветром подбитые шинели, рваные сапоги, отсутствие белья. В передовой линии генерал Голицын представил Ноксу одного молодого капитана, как наиболее отличившегося и дважды раненного. И у него не было второй нижней рубахи на перемену. Никогда не забуду этой картины, как розовый, хорошо упитанный английский генерал, одетый щеголем, похлопал по плечу этого героя капитана с худым, изможденным лицом и впалыми глазами:

— Ничего, ничего, мы вам дадим белья.

Как огнем, вспыхнуло краской лицо капитана, сверкнули гордо глаза.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

— Покорно благодарю, мне ничего от вас не надо. Вот солдатам, если привезли, дайте.

Полураздетую армию одеть было необходимо.

— Наши интенданты — красные, — говорили генералы Голицын и Вержбицкий⁵⁹, — что от них заберем в боях, то и имеем; с тыла ничего еще не получали.

Дух и внутренняя спайка среди этих частей были замечательные. Офицеры и солдаты жили в общих землянках, зачастую обер-офицеры стояли в строю и в бою как рядовые. Тяжелая боевая служба среди начавшейся уже зимы неслась в высшей степени добросовестно, без отказа. Жила среди всех нас большая вера в справедливость своего дела. Между всеми было полное доверие; никаких недомолвок, недоговоренностей. Та отчужденность и подозрительность к своему офицеру, которую старательно привили и раздули наши политиканствующие социалисты в 1917 году, исчезли совершенно и заменились нормальными отношениями, чувством взаимной дружбы, что ведь так естественно между сынами одного народа, между офицером и солдатом одной армии.

Маленький, весь сплошной нерв, генерал Вержбицкий, стоявший со штабом у самых передовых частей наиболее опасного направления, так говорил генералу Ноксу на вопрос его о снабжении и о нуждах:

— А вот, Ваше Превосходительство, посмотрите сами. Одеты в лапти и зипуны. Винтовки? Есть и винтовки, — у красных отняли. Патроны? Патронов мало. Ну ничего, добудем, добудем, Ваше Превосходительство... Обещаете дать? Что ж, спасибо, большое спасибо. Не откажусь.

Он побарабанил нервно маленькой крепкой рукой по столу и после молчания продолжал:

— Это все герои, Ваше Превосходительство, они прошли от самого Иркутска, очистили Сибирь и Урал. И дальше пойдём. Надо весь Урал очистить.

И он здесь же на карте развил основу стратегического плана; ясно и просто показал положение красных и их затруднения из-за малого количества путей в горах Урала, оценил направления, силы.

Все генералы и офицеры жаловались на неустройство тыла, что политические распри там отзываются тяжело на боевой армии, что необходимо как можно скорее установить такую власть, которая могла бы наладить порядок в тылу; все они представляли себе и верили, что это по плечу только единоличной военной власти.

По возвращении в Омск я получил назначение во Владивосток, чтобы там на Русском Острове собрать 500 офицеров и 1000 солдат

и подготовить из них кадр для будущего корпуса, причем генерал Нокс обещал всевозможную помощь этому делу.

В Омске волнения и политический муравейник продолжали кипеть все больше. Черновское воззвание оставалось без всякого ответа. Вследствие этого были даже сделаны попытки отдельных офицеров и воинских частей арестовать его сообщников, но благодаря чехам и попустительству Директории Чернов спасся и ускользнул с другими эсерами... прямо в советскую Россию, к большевикам.

Политический центр на своих заседаниях, даже мало и скрываясь, пришел к решению, что необходим переворот и вручение всей власти одному лицу — адмиралу Колчаку.

Вместе с генералом Степановым и Ноксом 2 ноября я выехал во Владивосток.

* * *

При проезде по железной дороге, — а ехали мы с остановками в некоторых городах, — создавалось такое впечатление, будто едешь не по одной стране, а попадаешь из одного удельного княжества в другое. Центральной власти, какого-либо объединения и единого управления на общее государственное благо, на общее дело не было. Местная власть действовала всюду на свой образец, преследуя только те задачи, которые ей казались нужными и важными.

Это отражалось на всем. Всего хуже было то, что даже те запасы, которые имелись в обширной Сибири, не могли распределяться правильно между ее частями; каждый думал только о своем районе, как бы обеспечить его нужды. То же явление наблюдалось и в отношении армии.

Русь! Однажды тебя погубило такое раздробление на уделы, свернуло с твоего исторического пути и ввергло на несколько столетий в темное татарское иго. Много страданий пережила тогда родная страна и гибель нашей чисто русской, славянской культуры. Только живой инстинкт народа, соединив его вокруг Московского Великого Князя, спас Россию, воскресил страну; она окрепла и веками сумела образовать Великое Государство Российское. Не для того же, чтобы снова распасться на отдельные уделы и ввергнуться в гибельное состояние расчленения, подпасть под иноземную власть, новое иго, горше татарского.

В Иркутске был губернатором (или, как тогда еще называли, губернским комиссаром) Яковлев, партийный эсер, ведший очень ловко свои дела, но личность очень темная, по отзывам местных людей.

Меня посетил старый боевой друг, полковник Лабунцов⁶⁰, раненный в одном бою со мною, под Люблином, и брат по Георгиевскому кресту. Он развернул ужасную картину того, что творилось во всей округе; Яковлев положительно развращал народ и молодые войска, всячески затрудняя их работу; он не отводил казарм и квартир, умышленно тормозил дело снабжения. Население здесь волновалось, местами вспыхивали восстания, которые раздувались всячески исподтишка губернской властью.

В то же время про Читу и управление атамана Семенова шли самые лучшие рассказы из разных источников; то, что мы увидели, въехав в Забайкалье, подтверждало эти рассказы. На станциях порядок, правильное движение поездов, удовлетворение нужд всех слоев населения. Город Читу проехали ночью, не останавливаясь.

Были уже и тогда люди, которые, наоборот, с пеной у рта доказывали, что в Чите творились безобразия; эти люди постоянно связывали имя атамана Семенова с японцами. Среднего мнения не было — или полная похвала, или неистовая брань и подтасовка фактов; с самого начала здесь плелась интрига и провокация. Мне лично пришлось познакомиться и узнать близко атамана Семенова только в феврале 1920 года, уже тогда, когда я с армией пробился через всю Сибирь в Забайкалье. Об этом я буду подробно писать в одной из последующих глав.

А здесь сделаю некоторое отступление, чтобы была яснее связь некоторых дальнейших событий. Еще когда я был в большевистской тюрьме в Астрахани, все мы, читая коммунистические газеты, встречали чаще всех имена Корнилова, Дутова и есаула Семенова. Невыразимая злоба и самая отборная ругань сопровождала каждое упоминание их на столбцах совдепской прессы. Для нас же, заключенных и обреченных на смерть русских офицеров, эти имена были отдаленными родными огнями, которые освещали мрак большевистского ужаса, окутавший всю Россию. Они поддерживали в нас надежду на возрождение Родины. Атаман Семенов начал есаулом, по своему почину, за свой риск и страх, борьбу против разрушителей-большевиков, и вел он эту борьбу неослабно, не выпуская из рук оружия. Он оказывал поддержку всем остальным антибольшевистским борцам, шел с ними на соединение. Но, понятно, передавать дело эсерам или другим бессильным людям для нового опыта и провала атаман Семенов не хотел и не мог. Поэтому он хотя и признал номинально Директорию, но твердо держал власть в своих руках.

В Харбине и полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги управлял генерал Хорват, старый и опытный администратор,

знавший отлично местные условия и весь край, пользовавшийся большим авторитетом даже среди китайцев. Он признал Директорию, но, понятно, продолжал вполне самостоятельно управлять Дальним Востоком.

Грустно было видеть русское положение в Харбине мне, бывшему здесь в последний раз в 1905 году, перед заключением Портсмутского мира. Город шумел теперь праздной, хорошо одетой и сытой толпой; сюда стеклась, кроме невольных беженцев от большевиков, масса спекулянтов и укрывавшихся от воинской повинности; преобладали горбатые носы и говор с бердичевским акцентом. Китайцы, прежние «ходи», смотрели и держали себя вызывающе, выказывая как бы свое превосходство над нами в нашем несчастье.

Владивосток — жемчужина России. Как говорил генерал Нокс, это самый красивый и живописный город в мире по своему расположению, только неблагоустроенный и грязный.

— Если бы он попал в хорошие руки, — добавил он.

Упаси Господи! Будут и русские руки хорошими, будут еще, может быть, самыми лучшими; для Владивостока и для всей Русской земли — во всяком случае.

Владивосток представлял из себя какой-то хаос, еще не установившийся после свержения там большевиков; беспорядок и неустройство здесь были самые большие из всех мест. Какая-либо русская власть, которая могла бы наладить жизнь и урегулировать отношения, отсутствовала. Был губернатор Циммерман, был комендант крепости полковник Бутенко⁶¹, но оба оказывались бессильными и тратили все время и силы на то, чтобы лавировать между самыми разнообразными и противными друг другу элементами, что нахлынули сюда.

Дело было так. Большевиков выгнали из Владивостока чехи под командой генерала Дитерихса при помощи и поддержке японских частей; на помощь к чехам направлялся и отряд русских офицеров, но чехи их не приняли и даже требовали разоружения. Тотчас же вслед за свержением советской власти во Владивостоке образовалось, с одной стороны, правительство эсеров, еврея Дербера и земское, а с другой стороны — междусоюзнический совет из неполномочных и случайных иностранных офицеров, оказавшихся во Владивостоке; миссии тогда еще не прибывали. Когда русский отряд полковника Бурлина⁶² все же пришел во Владивосток, приехал также сюда генерал Хорват, чтобы объединить власть во всем крае Дальнего Востока, то этот случайный «союзнический» совет по настоянию эсеров потребовал разоружения отряда Бурлина. На Рус-

ской земле разоружали русскую воинскую часть, состоявшую почти сплошь из офицеров! И этот позорный акт совершился. И совершили его именем союзников России, опираясь на их авторитет и силу. Когда через несколько недель начали прибывать настоящие представители союзников, то дело решили поправить и оружие вернули.

Самозванное правительство Дербера, не опиравшееся ни на один слой населения, пало само собой, безболезненно. Во главе управления Дальним Востоком стал генерал Хорват, который и переехал из Харбина во Владивосток. Сюда же был назначен Ставкой генерал Ю.Д. Романовский⁶³ как представитель центральной власти при иностранных союзнических миссиях. Здесь же находился в это время и генерал Иванов-Ринов, который по сформировании в Омске нового кабинета перестал быть военным министром, оставаясь номинально командующим Сибирской армией.

Во Владивосток прибывали да прибывали союзники. Здесь были воинские части японцев, высадились английские Мидльсекский, а затем и Хэмпширский батальоны, канадские войска и американцы. Был образован международный совет, причем главное командование союзными войсками и председательствование на этом совете было номинально вручено, как старейшему, японскому генералу Отаки. Фактически же распоряжался каждый по-своему, мало считаясь не только с русскими людьми, но и с русскими интересами.

Больные и обидные воспоминания! Как раз в пути между Читой и Маньчжурией было получено известие о заключении перемирия на Французском фронте между союзниками и центральными империями, о революции в Германии, о бегстве кайзера и т. д. Долгожданная победа была достигнута; четыре года страданий и великих жертв принесли свои плоды. И русская кровь, пролитая так обильно на полях всего света, служила вместе с другими тем фундаментом, на котором теперь должны были утвердиться мир, право и справедливость. Ведь из-за них воевало человечество?..

Английские офицеры шумно радовались победе. Они выражали с чисто офицерской искренностью мнение, что без России и ее жертв никогда бы им не получить этой победы. Да, верно, истина. Но из-за этих-то великих жертв и из-за медлительности, из-за затяжки войны, из-за того, что от России потребовали слишком большого напряжения, наша страна не выдержала и впала в такое несчастье, в степень губельного разорения. А понятно, если бы Россия не вступила в войну или, вступив, не жертвовала так беззаветно, то Антанте никогда не выиграть бы войны.

Как теперь отнесутся к нам бывшие союзники? Во что теперь выльется их призыв к русскому народу? Вот вопросы, которые вставляли перед нами. Понятно, все, что обещалось, будет выполнено; несомненно, останутся прежние отношения к вам, как к нашим близким союзникам, — так отвечали англичане. Но то, что пришлось видеть с первых шагов во Владивостоке, било не по самолюбию даже, а по самой примитивной чести. Каждый иностранец чувствовал себя господином, баринном, третируя русских, проявляя страшное высокомерие. Было впечатление, что теперь, когда долгая война окончилась, им совсем не до нас; что они делают величайшее одолжение, приехав сюда, оставаясь здесь.

Надо отдать справедливость, что лучше всех относились японцы; их офицеры и солдаты проявляли самую большую, почти полную корректность; чувствовалось даже искреннее, чуткое и дружеское понимание нашего несчастья и временного характера его. Хуже всех было отношение домашних, так сказать, интервентов, войск, сформированных из наших бывших военнопленных. Лучшие здания в городе, все вагоны, места в поездах отдавались иностранцам; наши соотечественники как бы согнули спину и тащили на себе их, ожидая спасения. Ведь была обещана помощь, призывали к совместной войне с немцами и большевиками. Немцы выбыли из строя врагов, в Версале собралась мирная конференция, но другой-то враг, большевики, остались. И русские люди ждали от интервентов помощи, верили в нее.

В первой половине ноября прибыл во Владивосток со своим штабом французский генерал Жанен. Ступил он на Русскую землю, приветствуемый как избавитель, как заранее признанный герой. На приветственные речи Жанен отвечал определенно и довольно ясно, обещая поддержку, самую активную, выражая веру в успех общего дела. Сюда же прибыл французский батальон, что-то около взвода их колониальных цветных войск, да одна батарея. И вслед за английскими батальонами французы двинулись по железной дороге на запад, к нашим боевым линиям.

Когда генерал Нокс объезжал фронт, его повсюду встречали не только дружелюбно, но торжественно. Выставались почетные караулы, оркестр играл английский гимн, предоставлялось все лучшее, что только было у самих. На его слова о помощи заранее благодарили, почти везде просили прислать хоть взвод английских солдат — необходимо было показать нашим солдатам и офицерам, что давние обещания союзников о помощи — не одни слова. Атаман Дутов в тяжелые дни Оренбурга прислал телеграмму ему в Омск: дайте мне

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

одну роту французских или английских войск, и я отстою Оренбург, а то казаки уже не верят словам о помощи союзников. В ответ мы слышали, что помощь будет, но не сейчас, что надобно подождать, не все еще готово; войска еще в пути. Мы ждали и верили.

* * *

В это время в Омске разыгрывались центральные события, имевшие важное влияние на весь дальнейший ход борьбы. Адмирал Колчак, как военный министр, объехал фронт, посетил войсковых начальников и убедился, что организация армии и ее снабжение поставлены в условия совершенно неудовлетворительные; не было ни общего плана, ни согласованной работы, не было надежды при существующем порядке наладить интендантство. Кроме этого, А.В. Колчак получил уже лично теперь заверения от войсковых начальников, что дальше так идти не должно, что армия может сама сделать переворот, а это было бы гибельным для фронта; что в Директорию совершенно никто не верит, ждут замены ее единой властью и хотели бы видеть ее в лице адмирала. Вслед за тем выехал на фронт Верховный главнокомандующий, член Директории генерал Болдырев; и они разминутись — генерал Болдырев ехал в Уфу, а адмирал Колчак возвращался из Екатеринбурга в Омск.

А в новой столице в то же время шли совещания кабинета министров, на которых решалось, как следует произвести смену Директории; о том, что ее надо сменить, вопрос был уже решен, так как выяснилась не только совершенная бесполезность и бессильность этой власти, но и ее чрезмерный склон на сторону социалистов-революционеров, то есть той партии, которая ей же объявила войну и призвала к ней население. Ясно было, что при оставлении у власти Директории произойдет взрыв; вспыхнут восстания, которые не только погубят начатое успешно Сибирским правительством дело, но ввергнут страну в состояние анархии и еще худшего большевистского разгула, чем было до лета 1919 года.

Совет министров пришел к решению передать всю полноту власти адмиралу Колчаку как Верховному Правителю и Верховному главнокомандующему. Это было вечером 17 ноября, а в ночь на 18 ноября полковники Сибирского казачьего войска Волков⁶⁴ и Катанаев⁶⁵ со своими казаками окружили квартиры председателя и членов Директории и арестовали их. Так что, когда совет министров пришел к адмиралу Колчаку объявить о своем решении и просить взять на себя тяжкое бремя высшей власти, Директории фактически

ки не существовало; она вся была арестована, а генерал Болдырев находился в Уфе.

Мне известно совершенно достоверно, что адмирал А.В. Колчак не только сам не добивался власти, но и уклонялся от нее. Личность Верховного Правителя вырисовывается исключительно светлой, рыцарски-чистой и прямой; это был крупный русский патриот, человек большого ума и образования, ученый путешественник и выдающийся моряк-флотоводец. Александр Васильевич Колчак как человек отличался большой добротой, мягким и даже чувствительным сердцем; его волевой характер, надломленный революцией, был очень вспыльчив. Настроения быстро менялись под давлением незначительных событий и первых известий, амплитуда колебаний от полной надежды до упадка ее проходила легко и быстро. В дни подъема настроения влияние его на людей было почти неограниченно; прямой, глубоко проникающий взгляд горящих глаз умел подчинить себе волю других, как бы гипнотизируя их силой многогранной души. Адмирал принял на себя тяжесть власти как подвиг, руководимый чувством самопожертвования во имя чести и спасения Родины; и все дальнейшее его служение до конца было проникнуто сильной любовью к России и высокоразвитым сознанием долга.

18 ноября 1918 года адмирал Колчак был поставлен перед совершившимся фактом. Он подчинился ему и принял на себя всю полноту верховной власти.

Последовал чисто комический конец Директории. Арестованные Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский провели тревожную, долную беспокойства ночь. Когда их наутро посетили прокурор и следователь, чтобы начать дело против офицеров, арестовавших их, то бывшие директора предстали бледные и дрожащие, прося спасти их жизнь. Им было заявлено, что им нечего бояться, что офицерам, произведшим арест, грозит военно-полевой суд. На вопрос прокурора, что хотели бы директора, они заявили:

— Отправьте нас поскорее в безопасное место.

А пока не отправят, просили держать их под арестом и под стражей, так как «иначе их может убить толпа». Вот как верили эти правители в народ, во главе которого имели наглость встать.

Всем им выдали деньги в иностранной валюте для поездки за границу и на жизнь там и отправили. Генерал Болдырев проехал прямо во Владивосток, а оттуда в Японию; остальные не рискнули ехать через Сибирь, а пробрались каким-то кружным путем через Китай. Все они дали честное слово жить за границей тихо и в политическую жизнь России не вмешиваться. Но это слово оказалось «клочком бу-

маги». Почти с первого дня появления за границей все они начали свою деятельность, мутя еще больше ту международную тину, что с первых дней революции создавалась около имени «Россия».

Полковники Волков и Катанаев были преданы военно-полевому суду, который вынес им оправдательный приговор, приняв во внимание то, что настоящими государственными преступниками были директора, — так как выяснилась их связь с большевистскими организациями, — и что офицеры действовали исключительно в интересах страны и народа. Около здания суда весь день стояла густая толпа, приветствовавшая оправданных офицеров радостными криками и устроившая им овацию.

Верховный Правитель в первый же день вступления на свой пост издал указ к войскам и населению, разъяснявший обстоятельства и самый порядок вручения ему власти. Были посланы извещения о том же всем союзным представителям. Затем последовал короткий и точный приказ, запрещающий какую-либо пропаганду среди войск и населения, призывавший всех к работе, самой горячей и дружной, для возрождения Родины; с первого же дня почувствовалась другая рука, честная и прямая, тогда казалось, и твердая, которая поведет армию именно на спасение русского народа и его прав, а не для пресловутых и ложных завоеваний революции.

Затем была опубликована декларация, основ которой покойный А.В. Колчак держался до самого конца; сущность была в том, что он берет на себя всю полноту власти, чтобы сбросить большевистскую тиранию, восстановить право народа и его свободу, дать порядок и возможность каждому заниматься его трудом. После этого им было обещано передать в Москве всю власть вновь избранному народом Национальному Учредительному собранию.

Как раз на другой день после переворота я приехал в первый раз с Русского Острова во Владивосток, утром зашел в штаб крепости и там узнал об этих событиях из полученного по телеграфу указа. Наверху, над штабом, помещалась британская военная миссия. Я заглянул к генералу Ноксу, который встретил меня очень взволнованный и сказал, что теперь будет плохо, что союзники могут даже прекратить помощь.

Пришлось долго доказывать и убеждать в естественной последовательности этих событий, в их неизбежности, что об этом, в сущности, было известно в Омске еще до нашего отъезда, напомнить ему поездку на фронт, все встречи там, даже слова чешского генерала Гайды; объяснить, что Директория фактически не могла остаться, так как тогда развалилась бы армия. Генерал Нокс обещал поддержку и

сейчас же поехал к Жанену. Что они говорили и какое было сначала отношение союзников к совершившемуся перевороту, мне неизвестно. Но без сомнения, не такое трагическое, как представлялось с первого раза главе британской военной миссии. Даже чехи, по спинам которых взгромоздилась на высокое место Директория, даже и они только частично поволновались, но и пальцем не двинули.

Через несколько дней после ареста Директории была сделана из Куломзина, рабочего предместья Омска, попытка произвести восстание, организованное и подготовленное эсерами. Бунтовщикам удалось было захватить тюрьму, выпустили оттуда преступников, надеясь с их помощью развить действия; но с этим легко и быстро справились, восстание ликвидировали. Характерно и показательно, что английский батальон, стоявший в Омске, пришел в эту ночь, чтобы охранять адмирала Колчака, к его дому.

Черновское наследие в Уфе и оставшиеся там еще кое-кто из членов Учредительного собрания выпустили от себя манифест, снова призывая народ и армию к восстанию, пробовали опереться на чехов и поднять русские части. Но эта попытка не удалась совершенно, хотя и доставила несколько неприятных дней. Пришлось посылать специальный отряд из Челябинска в Уфу, так как чешские начальники не позволяли арестовывать бунтовщиков. И большинство их ускользнуло за линию фронта на соединение с большевиками.

Едва ли найдется кто-либо сомневающийся в том, что руководило с самого начала и руководит действиями социалистических партий и их работников. Им важна не Россия и не русский народ, они рвались и рвутся только к власти, одни более чисто убежденные, фанатики, чтобы проводить в жизнь свои книжные теории, другие смотрят более практически, и им важна власть, чтобы быть наверху, иметь лучшее место на жизненном пиру. Борьбу между собою социалисты большевики и эсеры поднимали исключительно из этих побуждающих мотивов, до России и народа им по-прежнему дела было меньше всего. И вот, когда они увидели, что в этой борьбе власть попадает к самому народу, к наиболее активной, подготовленной и искренней его части, они кончили на время свои семейные счета и эсеры пошли помогать большевикам. Русская армия была не только на стороне новой власти, она долго ждала ее, желала и, так сказать, сама вызвала эту власть к жизни. Страна всюду и сразу подчинилась ей.

Генерал Хорват, бывший во главе всего края Дальнего Востока, послал от себя телеграмму в день переворота, что он признает законность его: всецело подчиняется Верховному Правителю. Генерал Иванов-Ринов, как командующий Сибирской армией и атаман Сибирского каза-

чьего войска, телеграфировал всем высшим войсковым начальникам и атаманам, что в дни напряжения народной воли и силы к освобождению Родины от предателей-большевиков необходима немедленная и полная поддержка Верховного Правительства в тяжелом деле, принятом им на себя.

Целый ряд общественных организаций, городских учреждений, многие сельские сходы присылали в Омск телеграммы с выражением своей радости в перемене и уверенности в успехе дела, все предлагали Верховному Правителю свою готовность поддержать его в русском национальном деле; вскоре последовали многочисленные адреса и депутатии от крестьян, рабочих, железнодорожников с выражением тех же чувств к новой власти.

Молча примирились с переворотом и союзные миссии, а через них и правительства Антанты. Признания своего они в эти дни не высказали, да не высказали его и до конца, в течение целого года. Факт с этим «признанием» — необъяснимая на первый взгляд и, во всяком случае, странная сторона отношения наших бывших союзников к Русскому делу, а следовательно, и к русскому народу.

Оказывалась самая действительная материальная помощь, то есть присылались в нашу армию орудия, винтовки, боевые припасы, обмундирование, обувь и проч. Сибирь полна была иностранными представителями, и военными, и гражданскими; были здесь и иностранные войска, все же как-никак помогавшие нам, — они несли охрану железной дороги. Выходило, что союзники не только признают, но и помогают новому русскому правительству, как своему союзнику. А вот само слово «признание» громко, прямо и открыто не произносилось. При этом надо заметить, что акт этого официального признания висел все время в воздухе как призрак, то приближаясь, то удаляясь, то подходя снова почти вплотную. Он, как болотный блуждающий огонь, дразнил и манил к себе. Естественно, что, чем дальше, тем больше разгоралось желание Омского правительства быть признанным; под конец это сделалось чуть ли не главным, руководящим стимулом его усилий и действий.

Много зла принесла такая двойственная неопределенная политика уже тем одним, что иностранцы использовали ее для своих целей, чуждых русскому национальному делу; не раз получались от союзных миссий такие заявления: сделайте то и то, так как наше правительство находит это необходимым для признания. Так было не раз с выпуском «либеральных, демократических» деклараций; хотя и не столь ясно, но такое же давление было при избрании неправильного операционного направления для главного удара на Пермь, Вятку, Котлас. Но как бы

то ни было, союзники фактически, неофициально признавали новое правительство, помогали ему и желали удачи.

Русские армия и народ подчинились повсеместно, кроме Читы и стоявшего во главе ее атамана Семенова. Этот эпизод надо рассказать несколько подробнее, чтобы понять само возникновение его, подкладку этого непризнания и неподчинения.

* * *

К тому, что сказано было об атамане Семенове, следует добавить, что между ним и адмиралом Колчаком были недоразумения еще в ту пору, когда адмирал был в Харбине, перед приездом в Омск, летом 1918 года. Эти недоразумения возникли из-за того, что адмирал потребовал тогда подчинения себе Маньчжурского отряда⁶⁶ атамана Семенова, отряда, который был им сформирован совершенно самостоятельно, куда входили добровольцы, всецело преданные атаману и верившие в него. Последовал отказ, в ответ на что получилась угроза не давать в будущем отряду никаких снабжений. Затем, на одной из станций, где одновременно оказались поезда адмирала и атамана, адъютант последнего напутал и не доложил ему; в результате вышла неловкость и обида в том, что атаман не явился к адмиралу.

Теперь, после переворота 18 ноября 1918 года, в Омске были получены сведения о том, что атаман Семенов не собирается признать адмирала Колчака как Верховного Правителя и главнокомандующего. Не знаю, какие были основания для такого заключения, но мне известно следующее: атаман Семенов не получил ключа к шифру между Директорией, ее Ставкой и Владивостоком. Когда произошел в Омске переворот, Чита не могла расшифровать телеграмм, видела в то же время, что между Владивостоком и Омском идет усиленный обмен их. Наконец атаман Семенов получил короткую телеграмму без шифра, что Директория смещена и власть единолично перешла в руки адмирала Колчака. Атаман Семенов запросил тогда подробности переворота, а также кто именно вручил адмиралу власть. Но в то же время, как мне рассказывал позднее сам атаман Семенов, дожидаясь ответа, он приказал заготовить и подписал телеграмму о признании власти адмирала Колчака как Верховного Правителя. Но в Омске поспешили и сделали очень большую оплошность; атаман Семенов, не имея ответа на свой запрос и не успев отправить своей телеграммы о признании, получил по телеграфу же знаменитый и так шумевший приказ № 61. Этот приказ гласил, что атаман Семенов единственный отказался признать Верховного Правителя, не подчи-

нился ему и поэтому отрешается от всех должностей, как «изменник Родине».

Пусть каждый поставит себя на место атамана Семенова и ответит себе, что он испытал бы при подобных обстоятельствах. Офицер, который с первых дней большевизма начал против него борьбу и создал большой отряд из ничего, затем очистил целую область от красноармейских банд, установил порядок, начал раньше всех других получать поддержку от союзников, — такой офицер объявляется изменником. И главное, в тот час, когда он готов все сделанное им принести как составную часть целого Русского и подчинить только что появившейся власти.

После приказа № 61 атаман Семенов отменил телеграмму о признании и вместо нее послал другую, что он готов был подчиниться, но теперь этого не сделает, так как считает себя, своих помощников и свой отряд незаслуженно оскорбленными и опозоренными. Действительно, офицеры и казаки всех частей Забайкалья были сильно возмущены приказом № 61 и волновались.

Загорелся костер чисто русской вражды и деления на два лагеря. Большие русские патриоты, единомышленники по убеждениям и действиям, разошлись и заняли непримиримую позицию. А тут нашлось немало досужих людей, готовых подкидывать дрова в огонь. Полетели доносы о задержанных якобы Читой поездах с военным снаряжением и боевыми припасами для армии, о случаях самоуправства. Люди, которым было выгодно и раньше очернение атамана Семенова, работали вовсю. Клевета шла главным образом из вражеского стана, от большевистских агентов и их сторонников; действовали ловко и скрытно, так что казалось, будто обвинения идут из нейтральных, непартийных источников и из союзных кругов.

Сначала в Омске решили заставить атамана Семенова подчиниться силой, открыв против него военные действия. Был сформирован отряд под командой генерала Волкова. Не успел последний доехать до Иркутска и приступить к выполнению плана, как японцы заявили, что они не могут допустить столкновения в Забайкалье, а если Волков начнет военные действия против Семенова, то японцы оставят за собой свободу действий и, вероятно, выступят, чтобы помочь Чите.

Совершенно неожиданный результат конфликта. Само собой разумеется, что на разрыв с японцами, одними из союзников, и на враждебные действия с ними пойти не могли; Омск отставил приказ о наступлении на Читу. Японское вмешательство как бы предупредило новое братское кровопролитие. Но после этого японцы продол-

жали вмешиваться в конфликт, а досужие люди, кому это было на руку, стали говорить, что даже они его создали, раздувают и поддерживают.

Одно из несчастий нашего лихолетья, и именно на белой, анти-большевистской стороне, заключалось в так называемых иностранных ориентациях. Были: японская ориентация, английская, американская, появилась привезенная с Юга России германская ориентация. Не приходилось мне встречать в Белом движении ориентации на французов; слишком уж много с этой стороны было печальных фактов, отвергнувших совершенно симпатии русских людей и масс. Достаточно назвать Одесскую эпопею, когда русская армия и целый большой город оказались в безвыходном положении, попали совсем неожиданно, в два дня, во власть большевиков вследствие странных, если не сказать хуже, действий французского штаба в Одессе. Затем политика французов в Малороссии со стремлением создать самостоятельность Украины, рассказы о возмутительно скверных отношениях к русским беженцам и офицерам. Еще в Сибири это не так было заметно, а все русские, приезжавшие из Добровольческой армии и из Европы, не могли говорить о французах без пены у рта — так переболело оскорбленное чувство.

Упомянув о каком-либо мало-мальски выдающемся русском человеке, начинали прямо с того, что «он такой-то ориентации». Редко приходилось встретить мнение, которому одному надлежало быть в эту пору, в годину народного испытания и святой борьбы за Русь. Только одна ориентация может быть у русских людей — чисто русская, ориентация на Россию — и должна быть у всех. Остальные отношения вытекают уже из нее; если иностранная нация желает искренне восстановления и возрождения России — она наш друг; если она к тому же помогает нам в борьбе против большевиков — она наш союзник. Так ясно и естественно.

Но на деле было иначе. Это коренная ошибка, происходящая от слишком мягкого и доверчивого русского характера да от старой привычки смотреть на Европу снизу вверх. Но и иностранные миссии старались не мало над этим, чтобы на вербовать побольше своих сторонников и ревниво смотря за их симпатиями.

После того как Омское правительство отказалось от плана подчинить Читу силой, начались переговоры. Атаман Семенов выставил одно условие: пусть будет отменен приказ № 61, и он всецело подчинится. Из Омска же шло требование — сначала подчинение, а затем уже отмена приказа № 61. Оттуда были посланы в Забайкалье комиссии для выяснения, насколько справедливы обвинения в задер-

жании атаманом поездов с военными грузами, и для проверки всей его деятельности. Комиссии долгое время сидели в Чите, были допущены к полному контролю — и в результате выяснили, что все обвинения являлись выдумкой или клеветой. Ездил в Читу генерал Иванов-Ринов, была телеграмма от атамана Дутова с просьбой кончить конфликт.

Но к несчастью, долго еще тянулась эта история, отвлекая много внимания, людей и сил, тормозя невольно общую работу. Не раз делались Верховному Правителю представления от целого ряда лиц, от совещаний высших начальников о необходимости кончить дело примирением. Но переговоры затягивались и часто прерывались оттого, что японская миссия находила для себя возможным выступать и ставить условия; так, ими указывалось, что необходимо при ликвидации конфликта сохранение за атаманом Семеновым всей власти в Забайкалье на правах командующего армией, они-де заинтересованы в этом вследствие долгой и крупной помощи, оказанной ими за все время в этой области и материально, и военными действиями. Необходимо отметить, что части японской армии с ее традициями представляли лучшие и наиболее дисциплинированные среди иностранных войск в Сибири. И не раз они выполняли первое слово, сказанное в начале интервенции, об активной помощи. Кровь японских офицеров и солдат была пролита на полях Сибири вместе с Русской армией; отношение японских войск к нашему населению было не только вполне лояльное, но отличалось предупредительностью и сочувствием. К несчастью, их дипломатия всех видов полна была такой же неясностью, запутанностью и перекрецивалась со скрытыми международными замыслами, которые и до сего времени подернуты дымкой двусмысленности.

Наконец, в исходе зимы произошла отмена приказа № 61, конфликт был кончен и примирение состоялось. Но трещина осталась, и, как будет видно ниже, осталась она до самого конца.

* * *

Не все было благополучно и на остальном обширном пространстве Сибири. Партии социалистов-революционеров и меньшевиков ушли в подполье, спрятались, тщательно замаскировались, но не прекратили свою губительную работу. А где было можно, там они действовали и в открытую.

Таким обетованным местом для них являлся Владивосток, благодаря интернациональному характеру, приобретенному этим городом с

1918 года от массы наехавших туда интервентов. К декабрю 1918 года здесь были уже полностью все военные миссии, прибыли высокие иностранные комиссары, в Сибири сосредоточились войска японские, британские, американские, немного итальянских и чехи, а на рейде стояли военные суда всех наций. При этом чем дальше шли переговоры в Версале, тем неопределеннее и запутаннее было отношение здесь этой разношерстной массы. Как-то вышло, что войска бывших союзников, прибывшие в Сибирь; чтобы образовать общий с русскими фронт против немцев и большевиков, теперь на этот фронт не шли, — война с немцами была кончена, а «вмешиваться в наши внутренние дела» союзники не желали.

Вместе с тем во Владивостоке некоторыми из союзных представителей допускался прямой контроль именно над чисто внутренними распоряжениями русской власти, здесь как раз и было вмешательство в наши внутренние дела. Особенно отличались этим два лица одной из дружественных наций, генерал Гревс и его начальник штаба полковник Робинсон. Так, с их стороны последовал форменный протест, когда генерал Иванов-Ринов арестовал ряд вредных лиц, бывших в связи с большевиками (Медведев, Огарев и др.) и ведших пропаганду среди населения, призывавших его открыто к восстанию против правительства. Господа Гревс и Робинсон заявили, что они не могут допустить этого ареста и настаивают на освобождении, оставляя в противном случае за собой свободу действий. Затем с их стороны последовал новый протест, когда из Омска военный министр хотел сместить коменданта Владивостокской крепости полковника Бутенко, офицера, в сущности, неплохого, но впавшего слишком в сильную ориентацию на эту нацию и объединявшегося раньше с эсерами. Когда полковник Генерального штаба Чубаков, служивший в этой иностранной миссии и работавший одновременно в противоположительственных партиях, был вызван в Омск для отчета в своих действиях, то от генерала Гревса, представителя дружественной нации, последовал ряд телеграмм с отказом. В конце концов он потребовал гарантий личной безопасности Чубакова и непредания его суду. А после этого Чубаков перешел, при первом удобном случае, на сторону большевиков и в Красноярске вошел крупным лицом в чрезвычайную следственную комиссию (большевистская Чeka). Можно было бы написать несколько томов, приводя все случаи подобного «невмешательства», — так их было много. Были даже документально установлены сношения с американской военной миссией некоторых шаек, восставших с оружием в руках в районе Сучанских копей и бывших фактическими большевиками.

Много, может быть, и невольного зла причинили России эти представители интервенции, Гревс и Робинсон, но немало зла причинено ими и своему отечеству; ибо по их действиям судили русский народ и общество о всей стране их. А в связи с другими агентами и мелкими представителями ее в Сибири, извращенно представлявшими здесь интересы своей страны, мнение о ней среди русских составилось крайне отрицательное. Это отразилось и на местной прессе; газеты день ото дня все едче и остроумнее писали о действиях этих интервентов и о их хозяйничанье на Дальнем Востоке. И вот в один день начальник миссии Гревс приехал к генералу Иванову-Ринову как помощнику Хорвата и просил, нельзя ли подействовать и надавить на газеты для прекращения неприятных фельетонов. Это уж совсем не вязалось с его прежними протестами, что он и его войска прибыли во Владивосток защищать всяческие свободы. Но надо оговориться, что эти газеты были правого лагеря. Нет сомнения, что многие из этих господ действовали по незнанию и полному непониманию того, что происходило в России, ни наших настроений, ни верований и надежд; но был, несомненно, и умышленный, организованный вред.

В декабре, будучи по делам во Владивостоке, я заехал отдать визит полковнику Робинсону, посетившему на Русском Острове мою военную инструкторскую школу. Робинсон вышел, радостно улыбаясь во всю ширину лица, и начал меня поздравлять; когда, видимо, на моем лице отразилось недоумение, он быстро скрылся и вернулся с переводчиком. Начался разговор.

— Поздравляю Вас, генерал, скоро будет конец вашей Гражданской войне. Мы получили известия из Версаля.

— ?!

— Союзники решили пригласить на Принцевы острова все русские партии: от большевиков, от генерала Деникина, от адмирала Колчака, от Юденича и из Архангельска, а также и от народа.

— С какой целью?

— Чтобы вы могли сговориться и кончить войну.

Долго мне пришлось доказывать полковнику Робинсону всю нелепость этого плана и его неосуществимость; почти полтора часа затянулся мой визит, а в конце его почтенный полковник Робинсон с ясной улыбкой заявил мне:

— Нет, все это не так. Вот послушайте, что мне пишет миссис Робинсон из дому о том, как там у нас говорят ваши русские. — И он вытащил из письменного стола пачку писем своей жены. — А миссис Робинсон у нас пишет даже в газетах!

Аргумент такой веский, что отбил у меня охоту говорить с ним когда-либо впредь.

Весьма характерный случай среди этого разговора. Зная несколько английский язык, я следил внимательно за словами Робинсона и за тем, как переводчик переводил ему мои мысли. В одном месте почти в начале разговора, когда я разъяснял Робинсону задачи нашей армии и всего дела борьбы, я обнаружил, что переводчик отклонился в сторону и плел уже от себя. Я остановил его и по-английски сказал, что моя мысль была совсем не та. Переводчик смутился и задал мне невольный вопрос:

— А вы разве говорите по-английски?

Он тоже был русский, но Моисеева закона — из Польского края либо из Шклова. И большинство переводчиков в Сибири были из того же изгнанного племени. Как они путали и перевирали, часто явно умышленно. Один английский офицер, капитан Стевини, отлично говорящий по-русски, — он воспитывался в Москве, — передавал мне такой факт. Только что пришел на одну большую сибирскую станцию эшелон войск одной державы; их офицеры встречены нашими; радужные рукопожатия, улыбки, и начинается разговор при помощи переводчика. Наши говорят, он переводит по-английски, — те ответят или зададут вопрос, он к нашим обращается по-русски.

— И так врал, так извращал все мысли и слова, — докончил капитан Стевини, — что я подошел и по-английски предупредил иностранных офицеров.

Переводчик-еврейчик переводил, например, слова старого боевого русского полковника о том, что все устали от партийной борьбы и от словоговорения, так: «Все почти русские офицеры сочувствуют социалистам-революционерам и хотели бы, чтобы у власти стали снова они». Нечего сказать, хорошее и довольно правильное впечатление составлялось при таких условиях у американцев!

Во Владивостоке образовалась штаб-квартира социалистов-революционеров, оставшихся в Сибири; другая часть их перекочевала в Москву и там открыла другой свой центр. Связь шла через Европу с одной стороны, а с другой — при помощи большевистских агентов через фронт. Во Владивостоке же они работали почти в открытую, готовили и проводили тот план, который погубил дело русских людей, направленное к возрождению Родины.

Отсюда они раскинули по всей Сибири свою сеть. Прежде всего были устроены опорные пункты, которые образовались в самой администрации. Верховный Правитель получил от Директории в наследство аппарат, далеко не готовый и не совершенный, но со значитель-

ной дозой введенных в него партийных социалистических деятелей. Как уже сказано раньше, губернатором Иркутска был эсер Яковлев, и он оставался незаменимым до последних дней. Он умел, когда нужно, явиться в золотых губернаторских погонах, в черном пальто с красной подкладкой, по-военному тянулся и часто прибавлял титул; а вечером того же дня он шел к своим «товарищам» в синей блузе, и они при его участии делали в его губернии свое дело. И сделали его.

В другом важном центре и университетском городе, Томске, был губернатором тоже партийный социалист-революционер, Михайловский, который именовал себя поручиком и даже носил военную форму, надев вместе с нею и личину самого искреннего благожелательства к армии и лояльности. У Михайловского начальником контрразведки, то есть тайной полиции, был еврей Д., бывший коммунистский деятель. В Томске была и другая контрразведка, военная, с талантливым товарищем прокурора Смирновым во главе; Смирнов прямо задыхался, с невероятными трудами открывал заговоры, находил склады оружия, посылал обстоятельные и обоснованные доклады, но им ходу не давали.

До самой весны 1919 года министром внутренних дел был также социалист, Грацианов, приходившийся вдобавок сродни губернатору Михайловскому. Между прочим, было занято крепко эсерами в Томске почтово-телеграфное ведомство. Благодаря этому многие важные телеграммы, особенно шифрованные, извращались и замедлялись, а также обо всех распоряжениях заблаговременно предупреждались их партийные деятели. В центральной конторе у чиновника Рыбака нашли в стене склад оружия, подготовленный и спрятанный на случай восстания в тайнике; был произведен арест, начался процесс, который, увы, ни к чему не привел.

Следующей цитаделью их был Красноярск, где имелась эсеровская тайная типография и где работал, скрываясь под чужой фамилией, один из наиболее вредных иудеев, Дербер. Как будет видно дальше, катастрофа, погубившая все дело, и грянула одновременно в предательском тылу армии, в Томске, Красноярске, Иркутске и Владивостоке. И ведь это все было известно раньше, русскими людьми были обнаружены эти гнезда интернационала, но не было силы вырвать их с корнем и обезвредить.

Дальше работа социалистов-революционеров направилась в народные массы; для этой цели они избрали такие безобидные и полезные учреждения, как кооперативы. И центральные управления, и местные отделения были наполнены их людьми и ответственными партий-

ными работниками. «Синкредит», «Центросоюз» и «Закупсбыт», три главных кооператива в Сибири, были всецело в руках эсеров. Этим путем распространялась литература, добывались деньги, велась пропаганда на местах и подготавливались восстания. Наконец, были направлены усилия проникнуть в действующие армии. К сожалению, и это удалось им сделать; не всюду, в одну лишь армию вошли они, но и этого было достаточно, чтобы замкнуть круг.

Борьба за власть не была окончена. Временно она отошла лишь на второй план, чтобы подготовить силы и ждать удобного момента. И в то же время всячески мешать живой работе русских людей, сплотившихся около Верховного Правителя, чтобы спасти Родину и дать своему народу не эфемерную, а истинную свободу идти и развиваться своим историческим путем. А работа была и без того тяжелая, чрезмерная, требовавшая героических напряжений.

Армия и тыл

Не прошли даром волнения в Уфе. Наши части на этом направлении были очень слабы численно; они состояли из остатков Народной армии, сведенных теперь в неорганизованные отряды под начальством молодого способного генерала Каппеля; затем здесь же действовали полки и батареи, сформированные в Уфимском районе из добровольцев и мобилизованных; они вместе с чешскими частями входили в отряд генерала Войцеховского. Насколько эти части были исключительны, можно судить по тому, что в волжских батареях Каппеля номерами были офицеры, они же иногда составляли целые роты, которые дрались и умирали, как ни одна воинская часть в свете.

Уфимские и камские полки имели в своих рядах больше крестьян, — население этих районов определенно встало все против большевиков. Как пример могу привести 30-й стрелковый Аскинский полк, сформированный из жителей волости этого названия; полк дрался выше похвалы, а волость давала не только пополнение людьми, она снабжала полк одеждой, обувью, обозом и пищевыми продуктами. Вот как русский народ хотел сбросить большевистское ярмо и как умел он жертвовать. Или другой полк, 15-й стрелковый Михайловский полк, стяжавший себе боевую славу как один из первых; он был сформирован и пополнялся жителями Михайловского уезда, посылавшими подкрепления по первому слову.

Генерал Каппель с волжанами делал чудеса. Он несколько раз отбивал попытки красных взять Уфу тем, что сам переходил в наступ-

ление, искусно маневрируя своими небольшими отрядами, и выигрывал блестящие дела, нанося большевикам тяжелые поражения. В то же время уфимцы с чехами сдерживали натиск на других направлениях. Но вот чехи ушли в тыл. Волнения в Уфе и пропаганда социалистов поколебали фронт. И в конце декабря, как раз перед рождественскими праздниками, Уфа пала. Наши отступили на восток к горным проходам через Уральский хребет. Здесь удалось удержать фронт в течение всей зимы.

Но необходимо было немедленно влить какие-то свежие части для устойчивости, необходимо было волжанам дать время хоть немного отдохнуть, сформироваться, пополниться, одеться, чтобы весной можно было начать с ними наступление. Еще более настойчиво требовалось ввести в армию определенный порядок, перейти от хаотической отрядной организации к правильному делению на корпуса, дивизии и полки, создать небольшие работоспособные штабы и органы снабжения.

Можно себе представить всю трудность этой сложной задачи, которая стояла тогда перед Верховным главнокомандующим и его Ставкой. Его начальник штаба генерал Д.А. Лебедев справился с честью с этой задачей; ему случалось вести работу иногда целые сутки, зачастую завтракая и обедая у себя в кабинете. Приходилось работать без усталости и без малейшего откладывания дела, ибо жизнь требовала быстрых решений и каждый пропущенный день мог свалить все хрупкое тогда сооружение. Шла лихорадочная деятельность среди бурлившего, не установившегося еще русского моря; надо было одновременно разбираться и вести дело с разнообразными военными представителями интервенции, говорить с ними, выслушивать их бесконечные требования и вводить их в рамки.

Все силы, действовавшие на фронте против большевиков, были разделены на три отдельные армии: Сибирскую на Пермском направлении с базой в Екатеринбурге, Западную на Уфимском направлении с базой в Челябинске и Оренбургскую, действовавшую на юге. Армии были составлены из тех войск, которые действовали и раньше на этих направлениях, с подачей им из тыла всего мало-мальски боеспособного, что можно было к этому времени собрать. Во главе армий были поставлены: Оренбургской — атаман генерал Дутов, Западной — генерал Ханжин, а командовать Сибирской армией был назначен генерал Гайда, поссорившийся к этому времени с чехами и поступивший на русскую службу. Почему именно выбор остановился на этом иностранце, так мне и не удалось выяснить точно; было это сделано А.В. Колчаком, отчасти как бы в благодарность за то, что Гайда в свое время один

из первых определенно поддержал его и проявил не только полную лояльность, но и преданность.

Все три генерала получили права командующих отдельными армиями, то есть почти равные правам главнокомандующего, для того чтобы дать им более возможности и свободы проявлять инициативу в устройстве и увеличении их сил. Для той же цели армейские районы были определены до реки Иртыша, давая огромные пространства для производства людской, конской и повозочной мобилизаций, для устройства всяких мастерских и образования запасов путем использования средств района. Работа шла очень живо, почти лихорадочным темпом. Армии сами формировали новые части, составляли запасные для подготовки пополнения, вели ему учет, расходовали его соответственно с нуждами фронта, имеющимися средствами снабжения и планом действий; налаживали все сложное снабжение.

Ставка регулировала эту работу, вводя ее, насколько было возможно, в общие нормы, уравнивая излишки, пополняя все штаты, многие законоположения, налаживая совершенно расстроенный аппарат для подачи из Владивостока получаемого от союзников вооружения и боевых запасов. Надо сказать, что ведь те нормы, по которым была построена наша старая Русская армия, разваленная социалистами в 1917 году, в большинстве своем теперь требовали изменения; с одной стороны, за время Германской войны в них нашлось много неправильного, неоправдавшегося и тогда опытом, с другой — были в них и анахронизмы, уже отжившие свой век, восстановление которых было бы реставрацией их вопреки здравому смыслу и жизненным требованиям.

Путь для работы лежал теперь такой: взять из старого все лучшее, освященное успехами Русской армии, связанное с нею исторически, вытекавшее из естественных условий и особенностей русского народа; необходимо было в дополнение к этому ввести все, что требовалось самой жизнью и новыми условиями, вызванными войной. Ибо отрицать это новое, не принимать его во внимание, держаться слепо старых образцов было бы так же безрассудно, как и другая крайность — полное отрицание своих исторических норм и старание изобрести что-то совершенно новое, ничем даже не напоминающее прежнего.

Работа должна была идти по твердому пути, сопрягая эти два условия, необходимые для ее успеха; и те результаты, которых удалось добиться за зиму, говорят сами, красноречивее всяких словесных доказательств, за то, насколько правильно и напряженно велась эта работа. Фронт был удержан на уральских проходах к западу от

Аши-Балашовской; все попытки красных прорвать его отбивались. В то же время армия пополнялась, росла, приобретала правильную организацию.

Волжский корпус генерала Каппеля вывели в тыл в район города Кургана, на Tobол, чтобы отличные боевые кадры его пополнить, подучить, одеть и снабдить всем необходимым. Последнюю задачу взял на себя генерал Нокс, обещавший все, что нужно для волжан, подать в первую очередь. Пополнение людьми и конским составом должна была сделать Ставка, так как Волжский корпус был оставлен в ее распоряжении. Тут сказала некоторая автономность армий; ни Сибирская армия, ни Западная не давали пополнения людьми, так как каждая была занята всецело пополнением и формированием «своих» частей; лошади были получены из Западной армии, несколько с опозданием она же дала и часть людей. Часть же пополнения генерал Каппель был принужден взять из пленных красноармейцев, которых после некоторого обучения поставили в строй.

Вскоре произошло событие очень радостное, но имевшее большое влияние на уклонение в неправильную сторону. 23—24 декабря была взята Пермь войсками Сибирской армии; операция была проведена среди лютых морозов с малыми для нас потерями и дала блестящие результаты. Это явилось как бы компенсацией за потерю Уфы и показало, что работа над созданием армий идет успешно. Запасы, взятые в Перми, склады и военные заводы давали, кроме того, возможность пополнить многие пробелы в снабжении наших войск. А эта сторона, невзирая на всю проявленную энергию и работу, оставляла желать много лучшего. Не говоря уже о том, что наше воинство было одето так разнообразно, как великое ополчение 1613 года, многого прямо не хватало такого, без чего жизнь и служба становились невозможными; было мало полушубков, валенок и даже шинелей, чувствовался острый недостаток в винтовках и патронах. На Сибирскую армию щедро даны были награды. Генералы Гайда и Пепеляев⁶⁷ получили чины генерал-лейтенанта и Георгия 3-й степени; многие из офицеров были произведены в следующие чины, причем Гайда, начавший с этих пор проявлять большую самостоятельность, отдавал иногда приказы о производстве прямых из поручиков в подполковники.

Штаб-квартира Сибирской армии была в Екатеринбурге. Это — центр горнопромышленного уральского района, население которого отличается довольно большой зажиточностью, сохраненным крепким семейным укладом, религиозностью, монархическим настроением, честностью и в большинстве прямым, хотя и нетвердым характером;

это не был материал для большевиков, наоборот, с первого дня восстания местные жители присоединились к белым и шли целыми семьями и волостями в новую армию адмирала Колчака. Одним из ярких примеров этому служат знаменитые Ижевская и Воткинская⁶⁸ дивизии, составленные целиком из рабочих двух больших заводов этих названий и примкнувших к ним волостей; эти дивизии до сих пор борются против большевиков в Забайкалье, пройдя пешком через Урал и Сибирь более четырех тысяч верст.

Все эти простые и хорошие русские люди были поставлены после революции перед совершившимся фактом крушения старого порядка, прежних устоев и перед задачей искания нового, лучшего. В своей доверчивости они шли вначале за тем, кто умел и брал на себя смелость громче и красивее говорить, беззастенчивее обещать. Все это было учтено социалистами-революционерами, которые еще с 1917 года много работали над пропагандой в этом крае. Выметенные отсюда большевиками, они теперь, после освобождения Урала, устремили опять на него свои усилия и попытались снова раскинуть здесь свою сеть.

Не знаю, какими путями, — пользуясь ли старыми связями с чехословацким Национальным комитетом или играя на чрезмерном честолюбии Гайды, — но им удалось проникнуть в его армию; были введены партийные работники в самый штаб, среди них такой, как известный затем по Владивостокскому и Иркутскому восстаниям штабс-капитан Калашников. Они сумели захватить в свои руки целиком осведомительный отдел, важный тем, что он заведовал всей информацией, имел в своих руках типографии и все средства пропаганды.

И отсюда поплелась сеть по всей Сибирской армии. Исподволь, весьма искусно, тщательно и скрытно для постороннего глаза шла эта подготовка. Те генералы и высшие чины гражданской администрации, которые боролись против этой преступной работы, устранялись с пути под разными предлогами, включительно до клеветы и подстроенных обвинений; так было с екатеринбургским губернатором, затем так же был убран начальник военно-административного отдела Сибирской армии генерал Домонтович⁶⁹, работавший в Екатеринбурге с первых дней восстания. Пробовали эсеры провести такой же план и в Западной армии, но в самом начале, в середине мая, удалось их попытки совершенно искоренить.

Эта подпольная деятельность эсеров дала свои плоды гораздо позднее и обратила военные неурядицы фронта в полную катастрофу армии, привела к разгрому всего дела, возглавляемого адмиралом

А.В. Колчаком. Теперь же, в начале его блестящего и полного надежд периода, они как мыши подтачивали и буравили тот корабль, на который забрались сами, спасаясь от разбушевавшейся стихии бурного и взбаламученного ими же Русского моря.

Все люди на этом корабле были заняты одной мыслью и одним делом — как вернее и лучше привести его в гавань государственности. Работа кипела, и на всем пространстве беспредельной Сибири, от Урала до Владивостока, творилось самое нужное дело, создание армии. Офицерство снова понесло на служение Родине свои жизни, свою кровь и все свои силы. Как показала весна и быстрое движение на Волгу, эти жертвы и усилия были направлены не даром. Да, так показали весна, и лето, и осень 1919 года. Но после того наступила зима, и вместе с нею крушение всего большого дела, величайшая катастрофа, какую когда-либо испытывала Русь. В числе многих причин, вызвавших ее, была полная отчужденность тыла от фронта, полное несоответствие работы в тылу.

* * *

В военной науке существует очень правильное положение, что ошибка, допущенная в стратегическом разворачивании, трудно поправима до конца кампании. Это положение применимо и в деле организации, особенно при устройстве заново большого разрушенного государственного организма. Подходя к описанию, как устраивалась и налаживалась работа центральных аппаратов в Омске, необходимо указать на допущение одной кардинальной ошибки, начатой еще блаженной памяти Директорией и ее Ставкой, ошибки, принятой как бы по наследству и новой властью, допущенной дальше ею при новой работе.

Для бедной и неустроенной восточной России начали создавать аппарат во всероссийском масштабе; строились те многоэтажные постройки министерств, департаментов и управлений, которые рухнули в феврале—сентябре 1917 года в Петрограде. Люди, которые пришли к Верховному Правителю и получили его доверие и полномочие, принялись воздвигать из обломков старых дореволюционных учреждений громадную и совершенно не работоспособную машину.

Мне всего ближе пришлось ознакомиться с деятельностью военного министерства и главного штаба. Когда совершился переворот, то вся первая творческая работа выпала на долю небольшого штаба Верховного главнокомандующего во главе с его начальником, генералом

Д.А. Лебедевым; и мы видели, как справлялись он и его ближайшие сотрудники с тяжелым делом в самые ответственные первые недели работы. Под их руками армии принимали вид живых и сильных организмов — на исторически верных и необходимых основаниях строились новые, самой жизнью вызываемые формы.

Уехавший во Владивосток и Харбин генерал-майор Н.А. Степанов был адмиралом Колчаком назначен военным министром; долго он не ехал, проводя целые недели в Харбине и, видимо, опасаясь проезда через Читу, так как генерал Степанов был один из самых упорных и непримиримых противников атамана Семенова и «японской ориентации». Наконец перед Рождеством он появился в Омске, привезя с собой на пост начальника главного штаба генерал-майора Марковского⁷⁰.

С самого первого дня их деятельность может быть охарактеризована так. Вытащены из пыли 24 тома Свода военных законов, все старые штаты и положения, поставлены во вращающуюся этажерку около министерского письменного стола. Как только жизнь выдвигала какой-либо вопрос, — а это было на каждом шагу, — доставался соответствующий том и искалось готовое решение, «старый испытанный рецепт», но увы, зачастую испытанный и забракованный жизнью, а в условиях разрухи Гражданской войны прямо нелепый.

Все сделанное уже Ставкой, та живая, организационная работа, которая создавала армию, все ее начинания были забракованы как плод незрелый и не подходящий под узкие старые рамки. Была сначала сделана попытка подчинить военному министерству все касавшееся вооруженных сил, чтобы можно было все подвести под эту ферулу крутящейся этажерки со старинными томами законов и штатов. Но Верховный Правитель на это не пошел и разделил сферу власти так: действующая армия с территорией по Иртыш подчинялась (в военном отношении) начальнику штаба Верховного главнокомандующего, все гарнизоны и запасные войска, вся местность к востоку от Иртыша — военному министру.

Возник дуализм, который приобрел еще более острую форму благодаря личным свойствам действовавших лиц. Д.А. Лебедев, молодой сравнительно офицер Генерального штаба, не искал власти и не дорожил ею, преследуя исключительно цели боеспособности армии и стремясь вызвать для того к деятельности все живые силы. Н.А. Степанов оберегал свой престиж, вместе с главным штабом цеплялся за власть и усматривал в каждом начинании, несогласном с его воззрениями, чуть ли не личные против него выпады. Появились трения. Мне лично говорил несколько раз адмирал А.В. Колчак:

— Страшно трудно. При каждом важном вопросе мне приходится сначала мирить Наштаверха с военным министром, разбирать личные обиды последнего.

Но убрать его он не решался, питая дружеские чувства еще по совместной работе в Харбине; когда же просился уйти с поста генерал Лебедев, Верховный Правитель и слышать не хотел, говоря, что он больше всех в него верит и знает на деле его способность вести работу. При этих условиях мало было надежды на согласованную работу тыла и фронта.

Военное министерство и главный штаб распухли до чудовищных по величине размеров; вышли к жизни все прежние отделы, отделения, столоначальники. Создано было военное совещание из семи-восьми дряхлых летами генералов, на обязанности которых лежало рассмотрение всех законопроектов и штатов. Долго, многоречиво и весьма добросовестно делалось это; спешные законопроекты лежали целыми неделями, отклоняясь иногда по пустякам, а иной раз так перекраивались, что не оставалось живого места. Но зато на вновь отпечатанных штатах и положениях красовались внизу фамилии членов этого совещания, совсем как на старых, дореволюционных, великороссийских, даже и фамилии похожие были подобраны.

Многэтажные здания, полные офицеров и чиновников, работали также очень много и усердно; писали из одного отделения в другое и в Ставку отношения, составляли проекты, доклады и объяснительные записки. Как один из многих примеров, мне показывал начальник организационного отдела полковник Оберюхтин — человек весь горевший желанием работать, приносить пользу и делать живое дело — проект о подготовке офицеров и унтер-офицеров, составленный вначале не только жизненно, но даже талантливо. Три месяца этот проект ходил от стола к столу, и за это время образовался объемистый том. На первом проекте была резолюция военного министра «доложить и пересоставить». На втором, пересоставленном, стояло указание согласовать с такими-то статьями такой-то книги прежних законоположений. Затем шли третий, четвертый, пятый, шестой варианты доклада и объяснительные записки с объемистыми резолюциями; наконец, на последнем красовалась надпись начальника главного штаба: «Повременить!»

Еще более грустная по результатам была судьба большого проекта о формировании в тыловых районах Сибири действующих частей для фронта. Был составлен опять-таки вполне жизненный и выполнимый проект и план, по которому армия должна была получить три с половиной дивизии в апреле 1919 года и столько же в августе. Надо

было придерживаться этого плана и вести, не мудрствуя лукаво, самую простую работу, а для своевременности было необходимо отдавать соответствующие приказы, соблюдая расчет времени плана. Получилась бы полная обеспеченность боевого дела, даже если бы этот план выполнили только частично. Но его постигла та же участь бесконечных переделок, передокладов, исправлений и, наконец, полного отставления; время шло и тратилось самым недопустимым образом. Не было ничего создано и в отношении военно-административного устройства тыла, опять по той же причине. увлечения ложноклассическими образцами прежнего бюрократического порядка.

Восстание для свержения большевиков в Сибири было произведено строевыми офицерами и потребовало от них сразу разрешения многих вопросов; был разрешен в числе прочих и этот: отказались от системы военных округов и ввели вместо них корпусные районы с применением территориальной системы. Во фронтовом, армейском районе такой порядок и укрепился, что и давало те силы, которыми фронт вел борьбу. Одним из первых дел нового военного министерства были отказ от корпусных районов и замена их военными округами; массу времени потратили на это и ничего не добились. Получились громоздкие штабы: штаб Иркутского округа имел свыше ста тридцати офицеров, Омского округа — более ста семидесяти. Войск же было только то, что осталось от прежних корпусных районов.

На бумаге отказались и от территориальной системы комплектования войск. Аргументы были веские: ввиду беспокойного состояния страны и непрекращающейся пропаганды нельзя надеяться, что поддерживать порядок в районе будут войска, составленные из местных жителей. Но существовавшие в Сибири условия транспорта, наличие единственной железнодорожной магистрали при чисто сибирских колоссальных расстояниях делали фактически невозможным применение другой системы, кроме территориальной, особенно при том недостатке времени, какой тогда ограничивал все наши действия. В эти дни резче и определеннее, чем в какой-либо другой войне, вставала вся правда великих слов Императора Петра I: «Потеря времени смерти невозвратной подобна».

Это — с одной стороны; с другой — надо было предпринимать для успокоения населения и для привлечения всех его симпатий на сторону правительства другие меры. Нельзя было вести священную, освободительную войну против большевиков, не доверяя населению, своему же народу; тогда лучше было и не заваривать каши.

Ведь фронт сумел собрать полумиллионную армию из тех же народных масс; там некогда было разводить теорию и отчеканивать

проекты: жизнь требовала быстрой творческой работы. И то, что эта полумиллионная армия образовалась, существовала, вела успешные бои, доказывает лучше слов: 1) с этой работой справились и 2) массы увидели и поверили, что война, на которую их призывают, ведется за Россию и за благо всего ее народа. Надо понять тоже и запомнить, что такого числа «белогвардейцев» собрать было невозможно, что невозможно было также гнать массы в армию насильно; не было для этого средств, да и не было желания, так как все вожди армии искренне отдавали себя на служение России, и только России. Но России прежде всего русской, устроенной на ее самобытных, исторических основаниях, великой и самостоятельной. Сложна была психология армии во всем Белом движении, но одно несомненно: настроения лучших ее представителей, а за ними и массы, было чисто национально.

Нельзя пройти еще мимо одной стороны, характеризовавшей узкобюрократическую деятельность нового военного министерства. Оно считало себя обязанным стать на страже интересов старшинства в чинах офицерского корпуса и не нашло ничего лучше, как достать из архивной пыли старые «списки по старшинству». По этим спискам и делались почти все назначения. Ни боевые заслуги, ни талантливость, ни доказанная работоспособность и даже подвиги не могли поколебать новых олимпийцев, считавших необходимым для возрождения России прежде всего воскрешение старых, отживших форм. Даже и внешне вид главного штаба принял тот же чванливый, недоступный и отталкивающий характер петербургских канцелярий.

Наряду с этим пренебрегались истинные интересы офицерства; зачастую представления к производству в следующие чины за боевые отличия, за выслугу лет, еще в Германскую войну, месяцами лежали и ждали резолюции военного министра. Сначала даже потребовали было обязательного наличия послужных списков по всей форме и со ссылками на все приказы, хотя бы до 1880-х годов. И долго держались этого правила; наконец, поняли, что в такое время, когда офицеры сошлись почти со всех концов света, многие ускользнули из самых когтей большевистского стервятника, — это требование чистая и законченная нелепость. Вот уж именно где применимо выражение — ничему не научились и ничего не забыли.

Верховный Правитель рвал и метал, когда до него доходили сведения обо всем этом. Но господа бюрократы, налетевшие на теплые омские места в избытке, находили и здесь средства для маскировки:

— Это все интриги...

Или:

— Как не совестно отвлекать Верховного Правителя от дел государственных!

А разве армия, ее боеспособность, ее офицерский корпус, — разве это не было тогда делом государственной важности первой степени.

Такая же картина была и в других министерствах Омска. Всюду шли тем же легчайшим путем постройкой и копирования старых дореволюционных бюрократических аппаратов; но раньше в них были хотя свои хорошие стороны — десятилетиями налаженное дело, преемственность и опытные работники. Здесь же, в копиях, главное внимание обращалось на внешность. Даже время службы было применительно к Петербургу мирного времени: в 10 часов утра начало, в 12 — перерыв на завтрак, в 4—5 часов конец и все расходились по домам. Министерства были так полны служилым народом, что из них можно было бы сформировать новую армию. Все это не только жило малодейственной жизнью на высоких окладах, но ухитрялось получать вперед армии и паек, и одежду, и обувь. Улицы Омска поражали количеством здоровых, сильных людей призывного возраста; много держалось здесь зря и офицерства, которое сидело на табуретах центральных управлений и учреждений. Переизбыток ненужных людей, так необходимых фронту, был и в других городах Сибири. Против этого военное министерство мер не принимало, и почти каждый, кто хотел укрыться от военной службы, делал это беспрепятственно.

* * *

В ноябре, когда организационная работа только что началась, я прибыл во Владивосток, чтобы начать подготовку и провести формирования там, на Дальнем Востоке России.

Местом для этого был избран Русский Остров. Лежит он в океане, верстах в 15—20 от города, имея сообщение с ним только пароходами; на Острове еще до войны были построены казармы более чем на дивизию. При создании во Владивостоке крепости, после 1905 года, на Острове были возведены форты и батареи, прекрасные, построенные по последнему слову техники укрепления; сам остров, благодаря своему выдвинутому положению, гористому характеру и большому количеству закрытых, глубоких бухт, представляет большие стратегические преимущества. До революции доступ на Остров был обставлен очень большими трудностями, без пропуска коменданта Владивостокской крепости никто не мог попасть туда; въезд иностранцам был воспрещен вовсе. Когда после революции товарищи захватили власть в свои руки и контроль попал в их комитеты, все

переменилось. И это природное сокровище Русской Державы было очень скоро приведено в состояние печального разрушения и упадка. Все огромные здания казарм стояли ограбленные, без окон, печей и дверей, грязь была невообразимая, такая грязь, которую можно было видеть только после революции. На Остров ехал и жил на нем всякий, кто хотел; там образовались даже притоны преступников. Приходилось заняться исправлением всего разрушения, наладить снова порядок и охрану Русского Острова.

При ремонте и очистке зданий мне много помогли британские офицеры. С присущей им энергией и размахом более двух месяцев работали без устали над приведением казарм в жилой вид три энергичных канадских офицера. Должен по правде сказать, что со стороны английского офицерства русские видели много доброго, много искренних дружеских чувств и откровенного благодарного признания великих заслуг России в мировой войне. Большинство из них вполне оправдывало название джентльмена; они доказали, что русские могут иметь дело с отдельными представителями их нации. И тем обиднее для обеих сторон, и тем невыгоднее — та двойственная политика, которую вел все время их словесный диктатор, Ллойд Джордж, этот, как его называли в Сибири, Керенский крупного масштаба. Эта двойственная политика, полная какого-то скрытого смысла, в числе других причин привела в конце концов к гибели на востоке Русское дело, а вместе с ним и многомиллионные военные грузы, которые Англия привезла в Сибирь. Эта же двойственность совершенно затемнила те услуги и ту работу, которые бескорыстно и рыцарски несли здесь многие британские офицеры.

Мне удалось собрать для подготовки 500 офицеров и около 800 солдат. Курс был составлен самый простой, почти применительно к учебной команде и школе подпрапорщиков мирного времени. Главной целью было — упорным трудом и регулярной казарменной жизнью очистить революционный товарищеский налет, показать на самом деле все преимущества крепкой воинской дисциплины и порядка.

Кроме того, нужно было считаться, что времени было до крайности мало. Основные обязанности младшего офицера, в сущности, не сложны; они требуют только очень отчетливого знания всего, что должен знать солдат; младший офицер обязан уметь быстро решить всякую задачу в поле, быть мастером этого дела, чтобы не растеряться и не промедлить. Вот такого-то мастера в пределах взвода и роты, отчетливого инструктора для подготовки молодых солдат и надо было сделать в два-три месяца. Были попытки провести это дело подготовки на Русском Острове и раньше, осенью того же года, но они окон-

чились неудачей. Мой приезд с целью начать то же дело встретил поэтому недоверчивость и даже скрытые улыбки преждевременного сожаления.

Стали прибывать партии офицеров. Редкие из них приезжали в военной форме; большинство в самых разнообразных штатских костюмах, иные почти в лохмотьях, длинноволосые, небритые, с враждебным недоверчивым взглядом исподлобья. Они слушали слова о необходимости работы и дисциплины, хмуро и недовольно глядя изпод сдвинутых бровей. Бедное русское офицерство! Оно принесло миру и своей Родине жертв больше всех; никто не перенес зато и таких страданий, мук и обид, какие выпали на его долю.

Условия работы были следующие: весь день распределен по расписанию, 8 часов в день занятий, казарменная жизнь строго по уставу внутренней службы. Отпуск в город раз в неделю, в воскресенье. Зато весь возможный комфорт был предоставлен на Острове. С первого дня этот порядок и работа пошли как новая, исправная и точно заведенная машина.

Трудно было вначале. Генерал Степанов, помогавший мне несколько дней и живший во Владивостоке, передал раз предупреждение — кем-то выраженные угрозы убить начальствующих лиц за введение такой строгой дисциплины. Но надо заметить, что самым тяжелым наказанием был выговор старшего начальника в присутствии части после разбора проступка. Арест не применялся вовсе и даже не был введен в инструкцию-устав школы, так как офицер или солдат, не желавший измениться к лучшему после трех случаев выговора, не исправился бы от ареста и подлежал отчислению или даже разжалованию, в зависимости от серьезности проступка.

Первые две недели было тяжело всем. Начинались занятия в 7 часов утра, кончались в 7 часов вечера, чередуя учения в поле с лекциями. Туго вначале прививался и казарменный порядок. Когда я через неделю выехал по делам на день во Владивосток, адъютант докладывает мне по телефону, что один рядовой-офицер первой роты, поручик военного времени В. сделал попытку застрелиться, выстрелил из револьвера себе в правый бок; все офицерство волнуется. Я тотчас вернулся на Остров, собрал роту и разъяснил им всю сущность этого некрасивого проступка, что так офицеры не поступают. Офицеры слушали молча. Но я уже встретил среди массы не одну пару глаз, смотревших на меня не только с пониманием, но и с сочувствием, прямым, открытым взглядом.

Прошел первый месяц. И какая разительная перемена. Из беспорядочной толпы образовалась стройная воинская часть. Занятия шли

полным ходом и уже не утомляли, — все втянулись. Усиленная работа и приобретаемые знания давали каждому уверенность в себе, сознание в исполнении долга. А это вместе со здоровым режимом и прекрасным зимним воздухом Острова наложило на лица отпечаток мужественности и чистоты.

Много раз представители иностранных миссий просили позволения осмотреть эту новую военную школу. И вот они приехали, приглашенные на одно наше торжество: прибитие мраморной доски к домику, где до войны жил на Русском Острове генерал А.Г. Корнилов. После парада был смотр двух рот. Рота капитана Ярцова показала отчетливое ротное учение, то, что у нас называется «на пяточке»; шаг и все приемы, как один, перестроения, как в гвардейской учебной команде. Стояли иностранные офицеры, молча смотрели на спаянную, отчетливую роту, и на их лицах постепенно вырастал удивление, заменившее прежнюю пренебрежительную мину. Когда же после учения рота вытянулась длинной колонной и, сверкая штыками, уходила по морскому берегу, звеня могучей русской песней, все эти представители «пяти великих держав» стояли на своем возвышении из штабеля бревен и постепенно поворачивали головы вслед уходившей роте, не могли оторвать внимательного взгляда.

Что это? Неужели Россия встает из гроба?..

Мы верили, что да, встает, кончатся ее великие, неизреченные испытания... Тактическое учение произвело еще более сильное впечатление. Японский генерал и два офицера до того увлеклись, что сами шли за той или другой частью, то бросались к обходящему взводу, то к пулеметам, отражавшим контратаку. После отбоя они пожимали офицерам руки и говорили:

— Да, да, это вот действительно хорошо.

Один из лучших иностранных офицеров, показавший себя большим другом России, американский адмирал Роджерс прислал мне на следующий день письмо с выражением полного восхищения. «Вид людей всех рот, такой довольный и веселый, доказывает, что они счастливы; а это лучший залог большого успеха, которого вы уже достигли», — писал он.

Генерал Нокс передал школе знамя, подарок возрождающейся Русской армии от Британской армии, — соединенный Русский национальный и Андреевский флаг с образом Георгия Победоносца и с надписью «За веру и спасение Родины». 1 января состоялось его освящение в нашей военной церкви. Из города приехали корреспонденты русских газет, несмотря на то что погода была ужасная — один из тех редких даже здесь тайфунов, когда сносятся его силой крыши, вырываются с

корнем дерева. Идти против ветра можно было только согнувшись под прямым углом.

Церковная торжественная служба, парад в помещении, вид стройных рот, весь внутренний, отчетливый воинский порядок так поразили газетных людей, что даже социалист Семешко, который ко всему приглядывался опасливо и недоверчиво, буравя своими черными маленькими глазами, и тот крестился в церкви украдкой, а потом в газете написал отчет о виденном как о надежде на возрождение Русской армии.

Приходилось делать некоторую чистку. Среди массы офицерства военного времени попали два самозванца, таких искусных, что их обнаружили не так-то скоро; затесался один прапорщик, бывший ранее большевистским комиссаром, человек пять попало неисправимых. Зато остальные через два с половиной месяца были уже совершенно другими. Отличные русские офицеры, полные сознания долга, связанные честным товариществом, esprit de corps, и знающие свое дело. Если бы им можно было показать теперь тех, что пришли на Русский Остров, то они сами себя бы не узнали.

Такие же результаты получились и в унтер-офицерских батальонах, где люди постепенно втянулись в работу, утратили навешанное революционными демагогами отчуждение и враждебное чувство к офицеру; теперь отношения были самые нормальные и даже дружеские, чувствовалось, что здесь и офицер, и солдат — сыны одного народа. Показателен такой случай: среди присланных мобилизованных кадровых фельдфебелей и унтер-офицеров попал один большевик, который на второй же день начал пропаганду; сначала устроил вечеринку с балаалайкой, а затем завел речь, что опять офицеры хотят на старое повернуть, что-де надо им погоны к плечам гвоздями прибить и т. д. Эффект для большевика получился неожиданный — дежурный по роте из молодых солдат, пробывших в школе около месяца, явился к командиру роты и доложил о пропагандисте-большевике...

Строчная и полевая подготовка унтер-офицеров после трех месяцев не оставляла желать ничего лучшего. План дальнейшей работы состоял в том, чтобы из этих офицеров и солдат, так сжившихся, одинаково обученных, воспитанных в дисциплине, сформировать две стрелковые бригады, а школу оставить для дальнейшего укомплектования частей этого корпуса. Были разработаны все подробности плана. Оставалось только по-готовому отдать приказы и продолжать совершенно налаженное дело. Но главный штаб и министерство перешли. Почему — мне так и не удалось выяснить. Но посылались самые разнообразные приказания; сначала отправить всех офицеров

и унтер-офицеров в распоряжение главного штаба для назначения; затем — поименные списки для отправления по разным городам, причем военный министр брал себе в ординарцы пять офицеров; наконец, последнее — отправить в три новые дивизии, в Омск, Ново-николаевск и Томск.

Наладив на Русском Острове дело с новым набором офицеров и солдат, я отправился вслед за первым выпуском в Омск, пробыв на Дальнем Востоке с ноября до середины марта.

Много приходилось мне видеть в это время различных сторон знаменитой интервенции; в общих чертах об этом сказано раньше, теперь приведу некоторые факты. У. М. С. А., общество христианской молодежи, или, как их называла вся Сибирь, «христианские мальчишки», устраивает спектакль для развлечения русских и интервентов. Представляется русский офицер с огромным жестяным Георгиевским крестом, женщина русская в виде уличной девки, бородатые мужики и бравый иностранный солдат, который спасает женщину. Вся публика, кроме русских, забавлялась и громко хохотала. А русские глотали слезы обиды. На улицах Владивостока иностранные солдаты позволяли себе затрагивать вполне порядочных женщин; было несколько случаев, когда русские женщины должны были обороняться от них зонтиками.

В конце февраля я приехал с Острова на большой благотворительный вечер. При входе в балльный зал стояли три иностранных офицера одной из стран-интервенток, нагрузившиеся до того, что тела их покачивались, а глаза смотрели мутно-посоловелым взглядом; лишь только я вошел, как ко мне обратились несколько дам и со слезами на глазах просили защитить их, — эти три рыцаря печального образа затрагивали всех входивших в зал женщин, некоторых хватали руками. Я подошел к ним.

— Джентльмены, я прошу прекратить ваше пребывание здесь и немедленно оставить бал.

Те тупо на меня посмотрели, а один из них вызывающе спросил:

— Какое вы имеете право говорить нам так?

— Вот что, — если вы немедленно не уйдете отсюда, я буду принужден употребить силу, а кроме того, сейчас же протелеграфирую генералам Ноксу и Эмслею.

Не знаю, что больше подействовало, думаю, второе, но интервенты поспешили уйти с бала.

Один подвыпивший итальянский солдат (по фамилии Сартори) убил на Владивостокском вокзале русского офицера, командированного сюда атаманом Дутовым; офицер делал замечание русскому солдату, итальянец вмешался и толкнул офицера, а когда тот вынул револь-

вер, то интервент схватил свою винтовку и сразил есаула К. насмерть. И несмотря на все протесты, остался безнаказанным.

На похороны этой жертвы интервенции я послал две роты и хор музыки. В соборе, на Светланке, у гроба есаула К. стоял почетный иностранный караул: взвод карабинеров и парные часовые, все в киверах. Духовенство посылало к ним с просьбой снять шапки; но те отрицательно мотали головами. Произошла заминка, так как священник отказался начинать отпевание, пока иностранные солдаты не подчинятся религиозному требованию. Как раз при входе в собор я застал эту сцену. Обратился по-французски к офицеру, начальнику караула:

— Наша религия требует, чтобы в церкви все были без шапок. Будьте любезны приказать вашим людям сейчас же снять кивера.

— Но у нас полагается быть в шапках...

— Ради Бога, не забудьте, что Вы здесь не у себя, а у нас.

— Но тогда мы не можем делать приема на караул, по нашему уставу нельзя.

— Да и не надо, — лучше не делать ничего, чем оскорблять религиозное чувство народа. Видите, публика как взволнована. Можете уходить совсем. Для почестей убитому у меня есть своих две роты.

Только тогда караул подчинился и обнажил головы.

Вскоре после прибытия на Остров мне было доложено, что чины одной из иностранных армий ходят по Русскому Острову и производят топографические съемки; с появлением рот школы, караулов и патрулей это прекратилось. Вскоре мне понадобились для занятий и маневров наши военные карты. Запрашиваю штаб крепости. Отвечают: забрала военная часть одной из дружественных стран, занявшая Хабаровск, где был топографический отдел штаба округа.

— Как! Наши секретные карты?

— Да, все забрали.

Обратился к помощи англичан, чтобы вернуть, но так до марта месяца и не вернули. Кому-то они понадобились больше, чем России. Кому?

А вот выдержка из газеты, издающейся в Кобе (Япония), «The Japan Chronicle» от 25 июня 1920 года, из статьи под заглавием: «The alleged sale of maps». «...Цунанори Ойяма, племянник князя Ойяма, был арестован Токийской жандармерией по обвинению в продаже секретных стратегических карт известному иностранцу (to a certain foreigner)... Когда Ойяма вернулся из Сибири, он завязал дружеские отношения с военным атташе посольства известной страны (of a certain country). Этому иностранному офицеру Ойяма продал карты стратегической важности за 40 000 иен...» Цунанори Ойяма был в

1919 году официальным лицом в Сибири при интервенции. Как принято писать, комментарии излишни!

Можно было бы исписать одними случаями, рисующими скрытый характер интервенции, не одну книгу; я привожу эти факты не для того, чтобы задевать кого-либо или настраивать против кого-нибудь, а лишь с целью не быть голословным в сказанном раньше. Возникает вопрос: кому больше повредили все подобные господа — нашей России или своим странам, которые послали их на рыцарскую помощь своему страждущему союзнику?

Из впечатлений обратного пути от Владивостока до Омска — сначала Харбин с той же толпой, еще более густой, шумной и спекулятивной; но порядок и авторитет русской власти заметно окреп за время правления адмирала Колчака. Китайские власти соблюдали все прежние договоры, и русские суверенные права здесь не нарушались. Читю опять проехали ночью. Я пошел спать, а генерал Нокс решил дожидаться, так как на вокзале должен был встретить его с подробным докладом офицер миссии, майор Керквуд. Утром рано прихожу в вагон-столовую пить чай, вижу, там в углу сидит один Керквуд, отличный человек, такой веселый, бодрый и прямодушный, как истый строевой офицер.

— Здравствуйте, майор. Как Вы здесь очутились?

— Хелло, генерал! Да вот, ночью доложил я все генералу Ноксу, а он мне и говорит: собирайте сейчас же ваши вещи, поедете со мною в Омск. Ничего не знаю, почему?

И смеется.

— Что же Вы докладывали? Как положение в Чите?

— Да, прекрасно там; атаман очень хороший человек, и все у него организовано в порядке. Очень стараются.

Вскоре вошел Нокс.

— Вообразите, — сказал он, — Керквуд сделался заядлым семеновцем.

И долго еще этот вопрос дебатировался; майор описывал работу в Забайкалье, борьбу с большевиками, большие заботы атамана Семенова об офицерах, казаках и населении. Я высказывал генералу мои соображения, которые приводил выше, но он так и остался при своем мнении, не только пристрастным, но, видимо, имеющем скрытую цель; мнение это, которое Нокс не раз выражал даже и в печати, что в Чите все плохо, много беззакония и большое японское влияние.

Иркутск. Тихая, вялая работа по формированию, почти без продвижения вперед. Огромный штаб округа представил подробные справки и схемы, но не мог составить плана мобилизации и осуществить его.

Губернатором оставался все тот же Яковлев, и население губернии все больше волновалось; то там, то тут вспыхивали восстания. Вскоре въехали в опасный участок железной дороги. Около станции Тайшет (восточнее Красноярска) шел бой с бандами красных; такие же банды были и к югу от Красноярска.

За четыре месяца все части Сибири объединились, не представляли более отдельных самостоятельных уделов. Инцидент с атаманом Семеновым был улажен, приказ № 61 отменен. Условия для дружной и усиленной работы, казалось, были налицо. Но дело или подвигалось туго, или стояло на месте, а изредка стало идти назад, создавая новые препятствия и затруднения. Причины этого отчасти обрисованы выше; они крылись прежде всего в разрушительной работе социалистов. Их потайная работа начала уже давать первые результаты. Во многих местах в глубоком тылу появились новые внутренние фронты, железнодорожная магистраль и весь транспорт были частично под угрозой от красных банд; приходилось отвлекать войска на борьбу с ними, так как воинские части интервенции, а за ними и чехи понимали задачу охраны железной дороги узко, то есть только самой линии рельс и станций.

На фронте же в это время наша армия начала успешное наступление, готовое обратиться в победу. Вера в успех русского дела была полная; казалось, не за горами час избавления России. Что же нам нужно было для успеха?

* * *

Борьба в этой внутренней, братоубийственной войне велась за идею, священную для каждого русского, — за возрождение Великой России. Для всех было несомненно, что социалисты развалили Русскую армию в 1917 году, как раз в то время, когда она была накануне полной победы над Германией; затем они заключили позорнейший Брест-Литовский мир, унизив русский народ до небывалых размеров. И высыпав, как из бездонной бочки, всевозможные анархические свободы, до оправдания кражи включительно, они начали разрушать страну внутри. Беспощадной и дьявольски искусной рукой было направлено это разрушение, и коснулось оно всего: городов, деревень, железных дорог, школ, судебных установлений, общества, церкви и семьи. Каждый протест душился, каждый несогласный к безусловному подчинению этой новой разрушительной власти бросался в тюрьму или ставился к стенке под расстрел. Были учреждены чрезвычайные следственные комиссии с абсолютной властью, свирепствовали самодуры-комиссары и

Красная армия. Большевики прихлопнули всю прессу, закрыли все газеты и журналы, кроме партийных коммунистических, и реквизировали все типографии.

Россия, уставшая в мировой войне и потерявшая в ней лучших сынов своих, задыхалась, дрожала и тонула в крови и слезах. Ибо, к чести русского народа, не было ни одного дня и часа с самого воцарения большевиков, чтобы вся Русь подчинилась, покорно согнула свою многотрадальную спину. Нет, с осени 1917 года и до сих пор, до осени 1920-го, три года наша Родина бьется и напрягается, чтобы сбросить чуждое ей, ненавистное иго интернационала. Делом заправляла, из центра в Москве, кучка пришельцев, нанятых Германией; среди них девять десятых были иудеи, прикрывавшие свои специфические фамилии «блюмов» и «штейнов» псевдонимами. Такие же личности из того же энергичного племени появились в каждом городе и местечке России, никому на местах не известные и также прикрывающиеся и до сих пор поддельными именами на русский лад.

И эти люди, новые властители великого русского народа, ненавидели его самой непримиримой ненавистью, презирали его историю, быт и культуру. Никому не известные на местах, не связанные с ними, они особенно свирепствовали. Поэтому-то разрушение страны шло особенно мучительно, ускоренно и беспощадно. К этим интернационалистам, обрезанным, присоединилось из русского народа все, что было худшего, самые подонки; в комиссары шли и принимались каторжники и уголовные преступники, масса беспринципных неудачников на разных поприщах и люди без чести и совести — из-за личной наживы. Такие же контингенты с надбавкой некоторого процента увлекающихся истеричных фанатиков составили коммунистическую партию, из которой и только из которой составлялись «советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».

Для возрождения России было необходимо прежде всего сбросить всех этих вампиров, присосавшихся к власти и выпускающих кровь из русского народа. Это сознавалось всеми слоями его, всеми племенами, и оттого-то так могуче и откликнулась народная масса на призыв вождей и шла сотнями тысяч под русские национальные знамена. Так началась Гражданская война. Но большевики, руководимые этими отличнейшими организаторами своего разрушительного дела — евреями, сумели сдавить русский народ и общество таким прессом, что заставили их служить себе. Ряды Красной армии пополнялись нашими братьями, прежними русскими генералами, офицерами и солдатами.

Не подлежит сомнению, — ибо этот взгляд существовал еще в 1917 году, — что довольно значительная часть офицерства шла слу-

жить коммунистам с твердым намерением свалить их и с верой, что с падением большевиков кончатся революционные испытания Родины и настанет время для плодотворной, творческой национальной работы. Это подтверждалось неоднократно также теми офицерами, которые на Урале и в Сибири переходили от красных к нам, в нашу армию; и это обстоятельство было самой мучительной стороной новой войны. Выходило, что мы должны для победы над захватчиками власти и насильниками-комиссарами истреблять во многих боях своих братьев, кладя немало жизней и на нашей стороне. И Россия была готова к этой жертве, она принесла ее.

Но необходимо было очень многое для того, чтобы великая жертва наша оправдание. Прежде всего для армии нужны были подготовленные офицеры, жизненная организация ее, правильно продуманные и составленные планы, хорошо организованный тыл и налаженная работа железных дорог. Со всем этим мы могли справиться сами; мы должны были это сделать, и с большой частью этого мы справились. Затем для армии необходимы были вооружение, боевые припасы, обмундирование, обувь, снаряжение, техническое и санитарное снабжение; этого добыть или изготовить сами мы были не в состоянии; нам все это обещали дать союзники.

Для обеспечения военного успеха и закрепления порядка в стране было крайне необходимо в успокоенных и очищенных от большевиков местностях сейчас же наладить жизнь, и наладить ее так, чтобы население этих местностей почувствовало уверенность в прочном порядке, получило бы возможность и охоту заниматься своим обычным продуктивным трудом. Следовало опереться в этом на само население, призвать к деятельности его лучшие и средние элементы, дать им самим организацию волостной и уездной власти и управления. Надо было разрешить, не задаваясь всероссийским масштабом, земельный и рабочий вопросы так, чтобы они удовлетворяли местные насущные интересы, так волновавшие народ этих областей. Это должно было сделать новое правительство.

Кроме того, для этой же цели было крайне важно дать населению возможность приобретать необходимые для жизни и труда предметы: одежду, обувь, машины и аптечные товары. Помощь в этом обещали союзники. Хлеб, мясо, масло, рыбу, фураж и всякое сырье Сибирь давала не только для своей армии и населения, но могла еще вывозить. Вот те нужды и те условия, удовлетворение которых обеспечивало бы успех делу народной освободительной войны. И армия, и вожди ее не мыслили этой войны за какой-либо отдельный класс, за чьи-либо интересы, кроме общенародных, всей

Русской земли. Необходимо было это еще более ясно показать всем, а особенно противной стороне, Красной армии; надо было сказать вполне искренно и проводить в жизнь, что никакая мстительность, мелкая злоба и расчет за старое не будут допущены при новом строительстве нашей общей Родины; что наша цель одна — вырвать власть из рук большевистских комиссаров и передать ее народу. При работе же по восстановлению России каждому русскому место найдется.

Полный неуспех дела, крах его и в Сибири, и на Юге России, и у Юденича, и в Архангельске как будто говорит, что все делалось не так, как нужно. Верно, многое, как будет видно дальше, было упущено; но главные причины лежали не в том.

Надо отдать справедливость: то, что нам было необходимо и чего мы не могли изготовить сами, нам давали союзники почти в полной мере. Но как? Они привозили все это во Владивосток и складывали в обширные пакгаузы. Затем начиналась выдача не только под контролем, но и при самом тягостном давлении на вопросы во всех отраслях. Одним иностранцам не нравилось, что нет достаточной близости с эсерами, другие считали курс внутренней политики недостаточно либеральным, третьи говорили о необходимости таких-то именно формирований, наконец, доходили даже до вмешательства в оперативную часть, указывая и настаивая на выборе операционного направления. Все это подкреплялось аргументом: у нас запасы всего вам необходимого, мы вам даем, а ведь можем и не дать...

Под таким именно давлением было выбрано направление для главного удара на Пермь—Вятку—Котлас, чтобы соединиться с силами, действовавшими из Архангельска. На главное же направление, жизненно важное для нас, на Среднее Поволжье, были направлены гораздо меньшие силы. А это направление давало нам обладание богатейшим краем, способным прокормить и отопить всю Россию; это же направление соединяло Сибирскую армию с силами Юга России. У русских людей, которые своей кровью и новыми жертвами хотели спасти Родину и возродить ее, появилось семь нянек, не русских, добрых и родных, а семь иностранных гувернанток; каждая из них считала себя самой умной и способной помочь «этим русским». В результате мы оказались не только без глаза, но и без рук, и без ног.

Еще одно обстоятельство невольно обращало на себя внимание: как только обнаружился в армии и в народных массах чистый национализм, тоска по Великой России бывшего, — опека усилилась и давления сделались резче. И даже проявились открытые выступления

представителей интервенции, очевидно считавших национальное возрождение России вредным для себя, недопустимым. А национальное чувство росло в массах народных и крепло вместе с первыми успехами нашей армии.

* * *

Повторилась одна из комбинаций, встречающихся почти в каждой войне, когда обе стороны усиленно готовятся к активным действиям, к переходу в наступление после затишья и временного перерыва, но одна успевает произвести удар раньше. Повторилось то же, что было в 1906 году при начале Мукденского сражения, когда японцы предупредили всего на несколько дней наступление Куропаткина; или в весенней кампании 1915 года в Галиции, когда Макензен сумел подготовиться и произвести прорыв нашего фронта на Карпатах, опередив расчет и план действий нашего командования. И всегда сторона, вырывавшая инициативу, сумевшая лучше использовать время, бывала победительницей.

Весной 1919 года Красная армия готовилась перейти в наступление, но мы предупредили ее и начали активные действия раньше, первыми. Западная армия по приказу генерала Ханжина двинулась вперед, рванула фронт красных раз, оттеснила их немного, затем рванула в другой раз. Большевики напрягали все силы, чтобы спасти положение и отбить атаки нашей армии; они искусно направили свой контрудар, чтобы выйти нам в тыл и перехватить единственную здесь железную дорогу. Но и на этот раз наши предупредили противника. Блестящим смелым маневром, сделав в несколько дней свыше 300 верст по глубоким снегам, вышла 4-я Уфимская дивизия генерала Космина⁷¹ в тыл красным, перерезала у станции Чишмы их коммуникационную железную дорогу и этим сразу облегчила натиск наших с фронта. 13 марта, благодаря занятию генералом Косминым станции Чишма, пала и Уфа.

Для красных этот марш-маневр 4-й Уфимской дивизии был так неожидан, что они не могли подготовить никаких мер противодействия и не успели эвакуировать Уфу. Нам достались там большие запасы и богатые склады, захвачены были тысячи пленных и много оружия. Наши войска 3-го и 6-го корпусов спешили к Уфе почти наперегонки и вошли туда одновременно, заняв город и захватив большую военную добычу. Поезд, привезший из Москвы самого Лейбу Троцкого-Бронштейна, еле успел ускользнуть на запад и чуть не был захвачен генералом Косминым.

Настроение наших войск приподнялось сразу. И несмотря на весеннюю раннюю распутицу, Западная армия начала дальнейшее наступление и преследование красных. Быстро развивался план. События и успехи следовали одни за другими с быстротой Галицийской осенней кампании. 6 апреля взят Стерлитамак, разбита еще одна советская дивизия; 7 апреля захвачен нашими город Белибей. К этому времени началось наступление уже по всему фронту; 8 апреля был достигнут крупный успех и в Сибирской армии — выбили красных из Воткинского завода.

Перешла успешно в наступление и Оренбургская армия генерала Дутова. Это весеннее наступление белых армий 1919 года было подобно могучей русской тройке, которая не знает ни усталости, ни преград, ни расстояний; мчится вперед как птица, проносится как ураган, все сметаая на своем пути, гордая, прекрасная и грозная. В корню шла Западная армия, пристяжками были Оренбургская и Сибирская.

Красные полчища почти бежали, делая на подводах в иные дни по 70 верст. Догнать их, окружить и разбить было нельзя. Но несмотря на это, масса трофеев — десятками пушки, сотни пулеметов, винтовки, снаряды и патроны — попадали в руки наших войск. И белые полки буквально рвались вперед. Высшее командование сначала думало приостановить Западную армию на реке Ик, чтобы дать разобрататься, пополниться, передохнуть. Но порыв бросил вперед, дальше. Решили, что передышку устроят на Волге.

11 апреля была обойдена и занята Бутульма; в этот же день на севере сибиряки захватили Сарапуль, а на юге был взят Орск. 13 апреля белые освободили исторический Ижевск с его знаменитым заводом. Красные начали приходить в панику. Они рассказывали жителям бросаемых деревень разные небылицы про нашу армию. Забавно передавали нам крестьяне своим простым, безыскусным языком эти рассказы:

— Вишь ты, говорят, рази возможно с ими справиться али остановить их. Наше начальство только выберет позицию, чтобы окопов нарыть и бой дать, а «Колчаки» тут уже, прямо точно из земли вылезли али на крыльях прилетели. Не успели мы и лопат достать...

— У них, парень, у «Колчаков-то», у каждого на ногах по два американских лыж на колесиках, вроде как на автомобили, а к лыжам механический пулемет у каждого приделан. Как нам тут обороняться против них. Никак невозможно...

Сильно была распространена в народе версия, что Белая армия идет со священниками в полном облачении, с хоругвями и поют «Христос Воскресе». Эта легенда распространилась в глубь России;

спустя два месяца еще нам рассказывали пробиравшиеся через красный фронт на нашу сторону из Заволжья: народ там радостно крестился, вздыхал и просветленным взором смотрел на восток, откуда в его мечтах шла уже его родная, близкая Русь.

Спустя пять недель, когда я прибыл на фронт, мне передавали свои думы крестьяне при объезде мною наших боевых частей западнее Уфы.

— Вишь ты Ваше Превосходительство, какое дело вышло, незадача. А то ведь народ совсем размечтался, — конецу мукам, думали. Слышим, с Белой армией сам Михаил Ляксандрыч идет, снова Царем объявился, всех милует и землю крестьянам дарит. Ну, народ православный и ожил, осмелел, значит, комиссаров даже избивать стали, — рассказывали мне крестьяне. — Все ждали, вот наши придут, потерпеть немного осталось. А на проверку-то вышло не то, — закончили они.

И кучка односельчан, стоявшая кругом и жадно слушавшая рассказ, вздохнула глубоким, как бездонное горе, вздохом.

Но в апреле казалось все еще безоблачным. Успехи армии продолжались. Наступление развивалось, войска шли все дальше и глубже, манила Волга. 17 апреля был взят Бугуруслан, откуда двинулись на Бузулук, чтобы отрезать Туркестанскую армию красных, занимавшую Оренбург. 29 апреля 2-й Уфимский корпус рванулся еще вперед и захватил Сергиевский Завод, всего в 50—70 верстах от Волги. 4 мая Сибирская армия, развивая свое наступление на севере, заняла город Елабугу.

В это время Сибирская армия была более чем в полтора раза сильнее Западной; главная масса сибирских войск была сосредоточена на Глазовском направлении — все на той же несчастной для нас линии Вятка—Котлас. Западная же армия, проделав блистательно быструю операцию, сильно выдохлась; помимо невероятной усталости, были большие потери, и не так от боев, сколько от форсированных маршей и холодной, мокрой весенней погоды.

Надо еще сказать и то, что ведь эта армия, сделавшая прямо чудеса, была не вполне регулярна, ведь она имела возраст — только четыре месяца организованной службы; понятно, требовать и ожидать от нее настоящей регулярности было нельзя. Вполне в порядке вещей было такое ненормальное явление, что Ижевская дивизия, одна из лучших, потребовала переброски ее на Ижевск, к их дворам. «Мы хотим драться с большевиками, как и дрались, но только желаем защищать свой Ижевск», — так говорили они. А в это время как раз надо было ижевцев во что бы то ни стало перебросить на Бузулукс-

кое направление, самое важное для нас в те дни. Но надо понять, что это была ведь Гражданская война, которая велась за освобождение страны, а в понятиях масс — прежде всего за освобождение их очагов, их земли, своих домов, своих близких.

Надо было также видеть своими глазами, чтобы поверить, во что была одета армия, сделавшая пятисотверстный наступательный поход. Большинство в рваных полушубках, иногда надетых прямо чуть ли не на голое тело; на ногах дырявые валенки, которые при весенней распутице и грязи были только лишней обузой, — легче и приятнее идти босиком. Так часть и проделывала. Полное отсутствие белья, непрерывное, без остановок движение, насекомые, некогда помыться в бане. Не было возможности почти все семь дней в неделю готовить и давать горячую пищу — походных кухонь в то время не имелось; питались консервами, хлебом да чем Бог пошлет. Все это вызывало очень большой процент больных. Да можно себе представить и состояние здоровых! Требовалась самая настоятельная необходимость в немедленной присылке с тыла свежих частей, которые докончили бы начатое дело. Только с ними, с новыми частями, можно было рассчитывать форсировать Волгу, чтобы на ней приостановиться и подготовиться к дальнейшей летней кампании.

Как раз в начале весеннего наступления я приехал в Омск и был назначен на должность генерала для поручений при Верховном Правителе для специальной задачи инспектировать все тыловые части и школы подготовки, следить за их боевой готовностью, принимать меры для ускорения ее, имея непосредственный доклад у адмирала.

Передо мною открылась возможность сразу увидеть, что может дать фронту тыл и когда; зная условия там, в передовых частях, понимая все значение для России переживаемых дней и своевременной поддержки действующей армии, я со своими помощниками провели шесть недель в напряженной работе по инспекции частей ближайшего к фронту Омского округа и мобилизационного отдела главного штаба. Выяснившиеся результаты были ужасны: округ был совершенно не в состоянии дать ранее двух месяцев что-либо в действующую армию, даже при условии немедленной присылки новобранцев в имевшиеся кадры. Зима оказалась потерянной. Но что хуже — главный штаб не закончил даже плана мобилизации по уездам, не сделал расчетов перевозки их по железным дорогам. Все это было представлено мне в полуготовом виде. А ведь надо было еще расослать воинским начальникам и местным властям, те должны были сделать свои распоряжения, собрать новобранцев, распределить их на партии и отправить... Эта схема экстерриториального комплектования была

прямо абсурдна: из Барнаула люди ехали в Красноярск, из Красноярска в Омск, из Омска в Томск, из Томска в Нижнеудинск, из Иркутска в Бийск, из Новониколаевска в Иркутск, из Мариинска в Барнаул и т. д. и т. д. Этот бесподобный план подготовлялся и проводился не спеша и с сознанием непреложности и правильности работы. На сделанном графике движения всех партий новобранцев была цветная частая сетка перекрещивающихся по всем направлениям линий. Не надо при этом забывать, что мы ведь имели в распоряжении одну магистральную линию железной дороги, и без того агроможденную транспортированием грузов с востока. Естествен был первый вопрос:

— Сколько же времени понадобится для перевозки всех партий?

— Это мы еще не высчитали, это должен сделать отдел военных сообщений.

— Так когда же по Вашему плану можно рассчитывать послать части на фронт?

— Нельзя точно сказать. Ставка дала задание подать три дивизии к 1 мая. Но понятно, с этим не справиться. Это ведь не так просто. А потом, обмундирование еще не получено от генерала Нокса...

Вот к чему привела бюрократическая система, укрепившаяся за зиму в военном министерстве Омска. Нечего было и думать о посылке на фронт на смену и поддержку выдохшимся бойцам свежих частей. По принятому главным штабом и незаконченному еще плану можно было рассчитывать, при напряжении работы, послать на фронт три дивизии не раньше августа. И то, если работу начать немедленно, отказавшись от бумажной волокиты.

Волжский корпус генерала Каппеля спешно готовился в Кургане; Ставке пришлось его сорвать с работы и в полуготовом виде, по частям перевозить в Уфу и западнее. Но это был именно срыв и самое плохое использование тех сил и того последнего резерва, который мог при правильном употреблении дать действительно решительные результаты, так нужные России.

Было еще одно средство добиться этих результатов и тем поправить положение. Как уже сказано, Сибирская армия была очень сильна числом, имела к тому же лучшее снабжение, была и одета, и обута и понесла мало потерь за весеннее наступление. Она развивала наступление по главному своему направлению на Вятку—Котлас и по второстепенному — на Казань. Нужно было отказаться от этого плана; первое направление, на севере, прикрыть небольшим отрядом, а всеми силами вести наступление на Волгу, примерно на фронт Казань—Симбирск, ударяя в левый фланг большевиков, сосредоточив-

шихся против Западной армии. Это было возможно сделать, и, если бы это выполнили, хотя и с опозданием, дело было бы выиграно.

Теперь поздно давать хорошие советы, но все эти соображения докладывались в те дни Верховному Правителю и Ставке; они соглашались, но сделать ничего не могли. Генерал Гайда и его штаб не хотели и слушать о перемене операционных направлений; поддержку в этом находили у некоторых влиятельных представителей иностранной интервенции, которым казалось важнее всего бить на север, к Архангельску. Так и не было достигнуто взаимодействие двух армий, даже и тогда, когда на Волжском фронте, в Западной армии, начались неудачи. А они пришли для большинства неожиданно.

* * *

Небо казалось чистым, безоблачным, горизонт ясным, заветная цель близкой. Омск в эти дни, совпавшие с ранней мягкой весной, жил спокойной, уверенной радостью. Была как раз Святая неделя, в теплом воздухе трепетали и плыли звуки пасхального перезвона, на улицах весело гудела праздничная толпа. У всех счастливые, улыбающиеся лица, громкий говор, причем, как всегда в нашей милой стороне, преувеличение сверх предела. Известия об успехах армии подхватывались в Ставке, передавались через знакомых, летели в массы, все вырастая, претворяясь в желанную легенду. Говорили уже о том, что наша кавалерия перешла Волгу, Дутов занял Оренбург, что за Волгой всюду восстания крестьян.

Верховный Правитель объехал перед тем почти все освобожденные от большевиков местности; когда он был в Перми, там его встречали все слои населения, как народного вождя, выдвинутого самим Богом для спасения Родины. В особняке его на берегу Иртыша в приемной стояла горка, обитая синим сукном, уставленная вся в несколько ярусов блюдами и адресами от Перми; на всех вырезаны слова благодарности и готовности на новые жертвы. Здесь были и от русских женщин, и от духовенства, от крестьян, от рабочих пермских заводов, от городского самоуправления и даже от земской управы созыва 1917 года. Так же встречали его и другие города. Рабочие знаменитого Златоустовского завода поднесли ему ценную булатную шашку с трогательной надписью, как национальному герою. И в селах при его приезде всюду выходили крестьяне, служили молебны и подносили от чистого сердца скромную хлеб-соль.

Армия, те части ее, которые адмирал объехал, показала ему, что сам народ идет в ее рядах на великое дело, а порыв войск укрепил

надежду и уверенность в успехе. Но поредевшие ряды, убогое снабжение и отсутствие обуви заставляли задуматься и искать быстрых способов заполнить недостатки.

— Подумайте только, — говорил Верховный Правитель, — как они одеты. Нет, — он повышал голос, — как они раздеты, эти герои! И ничего, ни слова ропота. В шестом корпусе мне был выставлен почетный караул босиком, без сапог.

Но центральные учреждения и тыл казались забронированными непонимающими людьми, о которых сказано: они имели глаза и не видели, имели уши и не слышали. Ведь если бы собрать в тылу белье, одежду и сапоги у тех мужчин, которые сидели там и не желали воевать сами, ожидая от армии новых подвигов и жертв, если бы не раздеть их, эти десятки тысяч людей, сидевших дома, а хоть бы собрать у них лишнее, но собрать действительно и настойчиво, — то сколько бы офицеров и солдат было спасено этим. Но глух был тыл, и сказалась полная отчужденность его от фронта.

Успехи армии, ее победное шествие вперед, большие площади новых губерний, освобожденные ею, — все это, наоборот, усилило еще более то ошибочное направление, которое было взято с самых первых дней. Занялись созданием даже нового учреждения — Всероссийского Сената. Министерства росли и распухали еще больше, укрепляясь в своем якобы всероссийском размере и значении. Этому немало способствовало и то, что все русские антибольшевистские вожди и правительства признали адмирала Колчака как Верховного Правителя России, а его правительство как центр. Помню, какое сильное впечатление произвела телеграмма генерала Деникина о подчинении его и Добровольческой армии адмиралу Колчаку: «Какой патриотический поступок, какая высота. Действительно, видно, русские люди объединились, чтобы спасти Родину; нет места для личных честолюбий».

В эти дни торжества Русской идеи и победного шествия нашей армии изменилось и отношение союзников-интервентов. Они стали гораздо мягче, исчез нетерпеливый и ворчливый тон. Усилилась их деятельность теперь по разным министерствам, главным образом в иностранном министерстве с его «министром» Сукиным; все вертелось главным образом опять-таки у того же вопроса об официальном признании Антантой Омского правительства как всероссийского. Это был один из самых острых моментов его. Вот-вот признают, не сегодня-завтра, уверяли все иностранцы, а один, наиболее влиятельный, вел кампанию и убеждал Верховного Правителя в необходимости для признания выпустить новую декларацию, «совсем либеральную и де-

мократическую», чтобы успокоить Антанту. Злой дух керенщины, этой первой ступени интернационала, ожил и через явных и тайных агентов своих вносил снова разрушение среди русских людей в их национальное дело. Никаких деклараций, понятно, не надо было никому; лишь одно дело могло дать все. Если бы армии наши освободили Русь, если бы правительство, которому весь народ оказывал такую могучую поддержку, установило бы в стране порядок и занялось бы творческой работой, — кто мог бы не признать его? Кто?

Армии же были в эти дни в зените своих успехов и славы. Еще усилие, и Русское дело выиграно. Но для этого усилия нужно было решиться на изменение плана Сибирской армии, на перемену ее направления на юго-запад для комбинированного удара с Западной армией. Гайда со своим начальником штаба генералом Богословским⁷² приехали в эти дни в Омск с докладом. Мастерски сделанные схемы наглядно показывали, какую силу представляет из себя теперешний состав Сибирской армии, ее организацию, группировку и намеченное увеличение. Гайда горячо отстаивал свою идею движения на Вятку, доказывая, что, взяв ее и Казань, будет очень легко дойти до Москвы.

После доклада Верховный Правитель оставил всех нас обедать; разговор за обедом не касался этого вопроса и шел на самые обыденные темы. Но затем, уже вечером, в кабинете адмирала остались он, Гайда с начальником штаба Богословским, генерал Д.А. Лебедев и я. Снова мы стали доказывать необходимость приложить все силы, чтобы развить наступление на Поволжье и соединиться с Добровольческой армией; иначе вставала угроза, что Западная армия не выдержит. Вставал призрак катастрофы.

Здесь впервые прозвучали те ноты, которые вскоре мне пришлось слышать в Екатеринбурге. Гайда стал очень искусно затушевывать и преуменьшать сделанное Западной армией, восхваляя ловко в то же время общий стратегический план, вспоминая и рассказывая операции и эпизоды из своей армии, набрасывая широкие перспективы занятия им Казани, Вятки, соединения с Архангельском, легкой подаче оттуда английского снабжения и товаров. Нарисовал положение Москвы, которая легко и скоро будет занята тогда Гайдой. Все это он пропитывал стружкой тонкой, умелой лести, вплетая уверения о своей беспредельной преданности Верховному Правителю, и делал это так искусно, что только постороннее внимание могло заметить неискренность и затаенную мысль.

Разговор делался все интимнее и ближе. Часовая стрелка подходила ко времени отхода поезда Гайды. Перед самым отъездом адми-

рал Колчак обнял его, расцеловал и, обращаясь к остальным, сказал слова, совершенно неожиданные и глубоко нас поразившие:

— Вот что, слушайте, — он обратился, называя Д.А. Лебедева и меня, — я верю в Гайду и в то, что он многое может сделать. Если меня не будет, если бы я умер, то пусть Гайда заменит меня.

Было больно слышать и видеть, как после этого Гайда, этот очень хитрый и очень волевой человек, склонился к плечу адмирала, чтобы скрыть выражение своего лица, — торжествующая улыбка змеилась на его тонких губах; тихим, неслышным нам шепотом что-то нашептывал он в самое ухо Верховному Правителю. Вскоре Гайда уехал; вопрос о координации действий Западной и Сибирской армий остался нерешенным.

* * *

Мне пришлось до середины мая, производя инспекции войсковых частей, объехать города Томск, Новониколаевск, Барнаул, Бийск и Екатеринбург. В Омске я бывал в промежутках между этими поездками, работая там по проверке деятельности мобилизационного отдела главного штаба и частей Омского гарнизона.

Одно из коренных заблуждений наших заключается в том, что дело можно делать сидя у себя в кабинете и управляя с помощью бумаг и телеграфа. И в обычное-то время, при прочном и стройном государственном аппарате, этот способ дает плохие результаты, а в наши дни послереволюционного развала результатов не получается никаких. Так было и здесь во всех ведомствах; писались выложенные доклады-проекты, по ним составлялись бумажные распоряжения и рассылались по почте и телеграфу; после этого составлялся новый доклад о проведенных мерах, и дело считалось сделанным. Центральные и подчиненные им окружные или губернские органы успокаивались на сознании исполненного долга, проводя затем таким же способом вереницу других вопросов.

На местах же обыкновенно происходило дело так: местные агенты военной и гражданской власти получали эти распоряжения, и каждый поступал сообразно с его разумением и свойствами. Иногда бумажное распоряжение клалось в стол безо всякого применения, у других были попытки провести его в жизнь, третьи, возмущенные неприменимостью распоряжения из центра к местным условиям, заводили спор и переписку; в большинстве случаев эти распоряжения, казавшиеся издали так законченными и полезными, не оказывали никакого действия, будучи безжизненными. Последствия такой

системы были те, что центр успокаивался на самообмане исполненного дела, местные же органы привыкали к мысли, что центр неспособен и не желает вести настоящей, согласованной, руководящей системы. Все сводилось к бумажному управлению и бумажным отчетам. Это и есть то, что называется бюрократической системой; в этом самообмане и успокоении и заключаются ее вредные стороны.

Жизнь же всякой страны требует для успеха другого рода деятельности, жизненного и живого, то есть такого, который был бы основан на знании местных условий, соответствовал силам и проводился бы всеми частями государственного аппарата, от центральных органов до последней периферии, быстро, стройно и целно. Для этого нужно: 1) изучение местных условий через местных агентов и через агентов центра, разъезжающих по местам; 2) на основании общей идеи и местных условий должны отдаваться из центра директивы, направляющие работу, вводящие ее в определенный план; 3) постоянное руководство работой на местах центральными органами через своих агентов и постоянный контроль. Для этого должна быть деятельность канцелярий сведена до минимума с очень небольшим личным составом, а деятельность чисто активную, разъезды и работу на местах необходимо развить, особенно вначале, до высшего напряжения. На это не приходится жалеть ни людей, ни средств. Но эти разъезжающие и руководящие на местах агенты не должны, понятно, являться только грозными контролерами с Олимпа, а настоящими руководителями и помощниками в работе местных органов, обладая для того достаточной подготовкой и большими полномочиями центральной власти.

Эти выводы нашли ясное и полное подтверждение во время моих объездов по инспекции войсковых частей. Картина была во всех городах почти одна и та же. Русские люди хотели работать, начинали дело, но вскоре натывались на препятствия, неясности, несогласованность; возникали трения, из-за пустяков дело тормозилось. Писалось в центр, но оттуда разъяснения и руководство или сильно запаздывали, или же получались совершенно неправильные, еще более затрудняющие дело.

Оказалось, что работа по формированию частей для отправки на фронт заглохла и была почти без движения; такая же участь постигла и школы подготовки младшего командного состава. Офицеры, бывшие над попытками начать дело и вести его, не хитрое, простое, привычное им дело, получали вместо руководства ряд бумажных распоряжений, иногда противоречащих одно другому, не могли даже начать его; или же начинали, натывались на затруднения, не мог-

ли их разрешить, бились над этим, и долго бились, но безуспешно. Дело не шло.

Всюду меня встречали сначала прежней, традиционной встречей, как ревизора из центра, которому надо показать все благополучие, втереть очки; который будет греметь, пыжиться, разнесет для порядка и уедет, после чего можно будет снова погрузиться в прежнее инертное состояние.

Но моя формула работы по инспекции была иная:

— Посмотрим вместе, что и как сделано у Вас, затем Ваш план, совместно сравним его с планом, составленным в главном штабе и в округе, выясним все местные условия и затруднения. И затем давайте сразу и начнем работу. Я имею полномочия помочь Вам и устранить все затруднения. Пробуду столько, сколько Вам нужно, чтобы дело пошло.

Без всяких парадов, без специально назначенных часов собирались мы, местные работники и я со своими помощниками, с раннего утра, в часы, назначенные их постоянным расписанием дня. И вместе начинали работать. Через несколько дней дело выяснялось, все препятствия совместными усилиями были устранены. И получался от этой работы сразу ошутительный результат, который вместе с простым и ясным планом был лучшей гарантией успеха. Через несколько дней, уезжая, мы расставались как люди, связанные общими интересами и общим делом, расставались в большинстве случаев друзьями.

Когда я выехал в первый раз и прибыл в Томск, в пути была получена телеграмма из Ставки, что Верховный Правитель приказал принять все меры к возможно большему привлечению офицеров из тыла на фронт, так как действующие части испытывают острый недостаток в младшем командном составе. Безо всякого ущерба для местного дела мне удалось отправить на фронт в три дня из Томска 200 офицеров, из Новониколаевска 170. Делалось это так: собирал начальников частей со списками личного состава, проверял их, а также деятельность части, устанавливал, сколько офицеров необходимо оставить, а остальным — три дня на сборы и специальным эшелонам в действующую армию.

При этом выяснялись попутно прямо невероятные вещи. В Томске числилось свыше 100 отдельных частей, и из них только около 10 были чисто строевые, необходимые для фронта. Среди остальных же были некоторые, еще образованные Комучем в Казани и Самаре, эвакуированные отряды; существовал химический батальон, имевший 40 офицеров и 10 солдат, инженерный учебный полк с еще более невероятной пропорцией и др.

— Как давно Ваша часть существует? — спросил я командира инженерного полка.

— С августа 1918 года.

— Ваши задачи?

— Подготавливать для армии младший командный состав и чинить инженерное имущество. Мы имеем много мастерских...

— Много мастерских?.. А сколько Вы отправили в армию подготовленных офицеров и солдат?

— Пока ни одного.

— Сколько доставили инженерного имущества?

— Тоже пока ничего. Нам никто не присылал для исправления...

Химический батальон имел какие-то вывезенные с Волги баллоны и собирался вырабатывать ядовитые газы. Это в нашей-то России, в Гражданской войне...

Были и еще части, абсолютно не имевшие никакого значения или даже вредные тем, что, ничего не давая делу обороны, они поглощали большое количество денег и отвлекали много людей. Не скажу, чтобы эти люди, уже месяцами привыкшие ничего не делать, легко сдавались и охотно ехали на фронт, наоборот, они приводили всевозможные аргументы, жалобы, посылали телеграммы в главный штаб. Но все же через три дня эшелон с офицерами отправился в действующую армию.

В Томске, этом большом университетском городе, поражало и бросалось в глаза чрезвычайно большое число молодых и здоровых штатских людей, слонявшихся здесь без дела, в то время, когда на фронте был дорог каждый человек, армия испытывала острый недостаток в младших офицерах. А здесь как раз было много подходящего материала, учащейся молодежи. Их можно было завербовать всех без вреда, так как наступали летние вакации да, кроме того, все здания учебных заведений были реквизированы, как необходимые под постой наших и чешских войск. И ведь так ясно, казалось бы, что все усилия должны были быть направлены на то, чтобы возможно быстрее окончить Гражданскую войну, выместить из России сор интернационала, а тогда уже налаживать и учение.

В Томске же я впервые увидел наглядно безграничную наглость чехословацких руководителей, поощряемых некоторыми из интервентов. Сюда пришла на постой 2-я Чешская дивизия; остальные дивизии распределены были по квартирам в городах по линии железной дороги между Омском и Владивостоком. А месяца полтора перед тем по всей Сибири разъезжала междусоюзная квартирная комиссия в составе по одному представителю от англичан, французов, итальян-

цев, румын, чехов и американцев; был прикомандирован к комиссии и один русский офицер. Эта комиссия в нашей стране распоряжалась по-своему, все лучшие помещения отводили для иностранных войск, состоявших главным образом из наших бывших военнопленных; притом русские интересы в расчет совсем не принимались.

Нам были необходимы тогда же казармы для вновь формируемого в Томске егерского батальона и для военно-училищных курсов, подготовлявших в действующую армию портупей-юнкеров. Подходящие здания были выбраны и отведены. Но оказалось, что они были раньше предназначены междусоюзной комиссией для чехов. Я приказал тогда, на основании имевшихся у меня полномочий высшего русского командования, отвести чехам другие казармы, а эти, так необходимые для нас самих, занимать. Объяснил это при личном свидании начальнику 2-й Чехословацкой дивизии; причем затруднений не было, так как чехословаки еще не выгружались из своих вагонов. Надо сказать, что они вообще не желали расставаться с вагонами, полными всякого скарба и имущества, приобретенного ими за время пути их от Волги до Сибири, и целыми месяцами держали десятки тысяч вагонов. Чех полковник на словах согласился, но, только я уехал из Томска, вслед телеграмма, что чехи силой хотят занять епархиальное училище, назначенное для военно-училищных курсов. Понятно, на силу ответить силой мы в то время не могли, хотя такое движение имело бы успех и было бы встречено населением восторженно, — в массах русских солдат и среди населения накопилось много озлобления против наглых «освободителей»; когда еще в марте я был в Иркутске с Ноксом, во многих местах города мы видели надписи на стенах, сделанные полуграмотной рукой простого человека: «Бей жида и чеха. Спасай Россию. Чехи убирайтесь домой в...» и т. д.

Попытались действовать через чешского главнокомандующего, французского генерала Жанена. И вот потянулась история на целые полтора месяца. Французский генерал на словах соглашался с нами, обещал, издали грозил даже чехам, а на деле выходило другое: он писал им, что «их справедливые желания столкнулись с желаниями русских, и он, Жанен, просит чехов уступить». Те отказывали; тогда Жанен писал нам, что не может ничего сделать, надо нам уступить чехам. Только когда Верховный Правитель вышел из терпения и заявил, что вред, приносимый армии проволочкой времени, заставит его пойти на крайние меры, до применения силы оружия включительно, чехи и их французские руководители пошли сразу на уступки. Видно, нужно было говорить с ними с самого начала другим языком...

Иначе как наглым отношение массы чехословацких войск назвать было нельзя. Представьте себе целые толпы этих людей с славянским говором, одетых в новенькие и щеголевато сшитые русские шинели и мундиры, в новых наших же сапогах и фуражках, без погон, но с русским оружием, почти все с длинными всклокоченными волосами-космами; они бродили целыми стаями по улицам всех сибирских городов, толпились на станциях, ничего не делая и не желая делать. Когда возникал вопрос о несении ими караульной службы в гарнизонах, они отвечали: это не их дело, пусть русские или кто хочет. Они захватывали большие склады продовольствия и фуража, питаясь лучше любой русской части. Они сидели, здоровые и сытые тунеядцы, за спиной многострадального русского фронта, где офицеры и солдаты были в рубище, терпели во всем недостаток. И в то же время взглядами, жестами и всем внешним видом большинство чехов выражало какое-то непонятное презрение и нескрытую радость нашему горю и неудачам. Они были в большом почете и всячески ублажались нашими левыми, социалистическими элементами, ведшими дружбу и скрытую работу с их командным составом и политическим центром.

Как я уже писал, в Томске мне пришлось увидеть ту бездну, которую готовяли русскому делу эсеры. Ко мне шли многие русские люди разных положений и занятий, зная, что я генерал, присланный Верховным Правителем, шли и несли для передачи ему многое, что иначе не доходило и тонуло в многоярусных омских канцеляриях. Шло само русское горе, надеясь на исцеление. Понятно, я не имел права пройти мимо этих сторон жизни, не мог ограничиться только военной инспекцией, так как вся работа эсеров и сродных им организаций была направлена главным образом на то, чтобы мешать и вредить делу организации армии, расшатывать страну и свести на нет наши военные успехи. Это был враг опаснее большевиков, потому что действовал он не в открытую, подготавливал тайный внутренний фронт в тылу. Отсюда и из других городов я привез адмиралу, помимо доклада о воинских частях, обширные фактические материалы, доказывавшие преступную, антирусскую работу социалистов-революционеров и связь их с большевиками.

Верховный Правитель рассмотрел все, выслушал подробный доклад, и впервые я заметил выражение усталости в его глазах.

— Да, да, все это так, — сказал он, — я и раньше многое знал; надо принимать меры. Но приходится действовать очень осторожно. Ведь союзники и до сих пор убеждены, что эсеры выражают мнение народных масс и опираются на них...

* * *

Богатейший Алтайский край с его серьезным, деловитым населением, потомками первых колонизаторов Сибири. Люди отсюда рвались теперь на борьбу против большевиков, отдавали ей все и хотели одного — скорее покончить войну, раздавить гидру интернационала и начать спокойную прежнюю жизнь. Здесь пахнуло на меня старой Россией, близкой и дорогой всем нам и так ненавистной социалистам всех толков. Барнаул, столица края, стоял почти наполовину обгорелый — социалисты, выпустив из тюрьмы в первые же дни революции уголовных преступников, сожгли вместе с ними город, проделывая свой опыт в 1917 году. Но теперь жизнь налаживалась, шла большая работа во всех отраслях. Отличное впечатление произвели своими кадрами батареи и полки, расквартированные там.

— Вот только не дают нам пополнения. Влили бы местных крестьян и алтайцев, ведь это же лучший элемент, и сами просятся, — говорили мне старшие офицеры.

С такими же заявлениями приходили и депутаты от крестьян, горожан и инородцев.

Бийск, другой город Алтая, носил ту же физиономию деловитости, работы и общего страстного желания национального возрождения страны. Ранняя весна развезла глубокие снега, и на улицах грязь стояла по ступицу.

— Наш город славится тем, — безобидно смеялись над собою бийцы, — что он самый грязный город в России. У нас даже открытки есть: целый воз утонул весной на улице.

Зато жизнь стоила здесь гроши и была всем доступна. В ресторане за полный обед брали всего полтора рубля по тогдашнему курсу. Чувствовались между всеми те хорошие, настоящие отношения, когда каждому живется хорошо и все имеют свой достаток, не вырывая куска друг у друга. Даже и выражение лиц у большинства было то, к которому мы привыкли у себя на Родине раньше: спокойное, ласковое и мягкое, без малейшей печати жадности, злобности, торопливости. Лишь изредка попадалось лицо, искривленное злобой, худое и черное, со взглядом, устремленным враждебно на все. Это были партийные работники, разрушители жизни. Эти угловатые фигуры и эти лица с печатью нечеловеческой злобы вы встретите во всех странах Старого и Нового Света. Как Вечные жиды, как потомки Каина, разбрелись они, отягченные преступными мыслями, собираясь всюду разнести тот ужас разрушения, тот дым пожаров, моря крови и слез, те руины городов и селений, которыми они покрыли великую Русскую землю.

Около церквей толпился народ; шли великопостные службы, и целыми днями огромные толпы направлялись на исповедь. Здесь было братство и равенство не на словах; сюда шли люди всех состояний и классов, шли рядом и получали одинаковое утешение, надежду и духовную свободу. В часы перерыва, между горячей работой в местных воинских частях, я шел в эту толпу, старался ближе подойти к ней, узнать ее подлинные настроения. Всюду была тихая радость от новых, получаемых ежедневно сведений об успехах наших армий на фронте, была спокойная надежда, что придут к концу дни великих потрясений и испытаний народных. И почти всюду читался в умных светлых крестьянских глазах затаенный вопрос; некоторые спрашивали прямо:

— Что же будет потом? Объясните нам, Ваши Благородия. А то читали мы в газетах объявление начальства, да неясно как-то. Опять, мол, Учредительное собрание будет, а из кого — неизвестно. Неужто опять этих жидов туда напустят. Ведь какой же порядок тогда возможно сделать?!

— А что вы хотели бы?

— Да нам ничего не надо, только чтобы опять все по-старому, по-хорошему было, как до войны.

Надо понять вам всем, господа иностранные благожелатели России, что наша жизнь была отлична от вашей во всем. То внешнее неустройство и некультурность нашей русской жизни, которые бросались в глаза вам, возмещались гораздо более ценным преимуществом; у нас отсутствовала конкуренция, та, что держит вас всех в своих жестоких тисках, наша жизнь текла неторопливо и спокойно, и постороннему глазу это казалось простой ленью и отсталостью; нигде, кроме России, человеческие отношения не заключали в себе такой мягкости, такого альтруизма и чисто христианского братства; никто не умеет так, как русские, удовлетвориться своим положением; не было у нас в массе зависти, и не было на свете народа лучшего и более доброго, чем русский народ. Мы не закостенели, как многие думали, в своих формах, а мы тихо, спокойно и верно шли вперед, развивали свою собственную культуру, шли своим историческим путем. А наша страна так богата и так не использована, что хватило бы всем нам и нашим потомкам на многие и многие поколения. Где еще можно встретить такие картины: крестьянин-алтаец запрягает телегу, едет на берег реки и топором накалывает каменного угля (из пласта, выходящего прямо на поверхность земли), нагружает телегу, везет к себе домой, и на неделю-две его семья обеспечена топливом.

В нашей стране эксплуатации народа не было и быть при таких условиях не могло. Но вот нахлынули на Русь жадные, озлобленные люди, ничего общего с Россией не имевшие и ненавидевшие ее. Широким грязным потоком устремился на нашу землю интернационал, которому не было никакого дела ни до нашего народа, ни до его истории, ни до его жизни и культуры. Они жадно раскрыли пасть на наши природные богатства, а чтобы добраться до них, они должны были разрушить русские условия жизни, перешагнуть через миллионы трупов. Дьявольски ловким планом они выполняют вот уже четвертый год это, чтобы затем начать эксплуатировать народные массы беспощадно и систематически с помощью мирового еврейского капитала. Но борьба еще не кончена. И живы почти неиссякаемые силы народные; не дадут они торжества в России интернационалу. В то время, весной 1919 года, казалось и верилось, что не далек уже день освобождения.

При небольших наездах в Омск я видел, как здесь проникало постепенно сознание опасности от скрытой, противогосударственной работы социалистов. Происходила постепенная чистка государственного аппарата, начиная с кабинета министров, где до сих пор еще сидели партийные работники. Но слишком медленный, слишком постепенный был путь, к тому же полный каких-то других скрытых и неясных целей, куда вплетались самые разнообразные влияния международной политики через всевозможных агентов интервенции. И трудно было разобраться, где кончалось противодействие интернационалу и где начинались интриги в пользу его; одни и те же люди, разрушая работу социалистов одной рукой, другой поддерживали их. Переплелись самые запутанные и скрытые влияния, закрутились в клубок в совете министров Омского правительства и тянулись оттуда, незримые, за океан, в Европу и Америку.

Как раз около этого времени началась чистка и реконструкция высшего правительственного аппарата. Мне рассказывал генерал Д.А. Лебедев:

— Застрельщиками являются два министра, два С. С., они образовали такой блок из наиболее энергичных членов правительства. И вот стараются подобрать кабинет, выгнать из него эсеров. Те цепляются за Вологодского.

Но про тех же двух министров шли и усиливались слухи, что они не только сами находятся всецело под иностранным влиянием, но опутывают им и адмирала.

О Вологодском несколько раз слышал я мнение Верховного Правителя:

— Да какой он эсер! Он уже стар и от всех дел отошел, даже и в партии не состоит. Но, понимаете, он здесь необходим, как *vieux d'garreau**, — было его любимое слово. А это *vieux d'garreau* прикрывало собою всех агентов разрушительной работы эсеров по подготовке восстаний по всей Сибири.

Как-то в один вечер приехал в вагон к генералу Лебедеву один из этих министров С. и предложил мне от имени своих товарищей по кабинету, не соглашусь ли я занять пост военного министра, так как они убедились в полной бюрократичности теперешнего и неспособности его руководить живой работой. Подумав, я отклонил предложение, так как был уже связан со своей новой работой, да и считал, что, оставаясь на ней, я сумею принести больше пользы.

Надо было не уstraивать смены министров, а добиться изменения в работе главного штаба и всего центрального аппарата, заставив работать всех, и работать не на бумаге. Вот что было необходимо. Так и не сумел главный штаб провести своевременно мобилизацию; а ведь условия были чрезвычайно благоприятны, — население шло очень охотно, с сознанием долга и необходимости; ехали сами, по первому объявлению из городов и сел; толпились с первого дня призыва у канцелярий воинских начальников. Многие приходили и прямо в войсковые части записываться добровольцами. По всему пространству Сибири приходилось слышать такое рассуждение: «Мы бы рады идти воевать, пусть начальство прикажет, все пойдем».

Между прочим, после доклада о массах здоровой и молодой интеллигенции в сибирских городах был проведен приказ о полной ее мобилизации, но допустили опять такие ошибки и недомолвки, что более пятидесяти процентов сумело избежать призыва. Такая же участь постигла и приказ о переосвидетельствовании всех офицеров, признанных прежними комиссиями пригодными лишь к нестроевой службе.

Ведь в эти дни, что Россия переживает теперь, прежние нормальные масштабы неприменимы. Раньше можно и должно было дать льготу раненому офицеру, зачислить его в более легкую категорию. А теперь... Представьте себе, что вы идете с близкой женщиной, с женой, сестрой, дочерью. Накидываются на нее хулиганы и пытаются насиловать ее. Разве вы станете справляться с вашей категорией, вспоминать старые раны и контузии. Нет, никогда! Вы броситесь на хулиганов и из последних сил будете защищать женщину. Теперь в таком же положении наша Родина; грубо, цинично и нагло ее насилует интернационал. Долг каждого сына России идти к ней на помощь,

* Старое знамя (фр.). (Примеч. ред.)

освободить ее. Нельзя вспоминать старые раны, преступно справляться с категорией. Не время!

Нужно было помочь тем героям, которые в невыразимо тяжелых условиях бились на фронте и изнемогали в борьбе. Необходимо было бросить все силы на помощь русскому фронту, нашим армиям, которые, выйдя почти к самой Волге, выдохлись, дрогнули и не могли выдержать нового удара красных.

* * *

Руководители интернационала, абсолютные владыки Красной армии, напрягали все усилия, чтобы спасти свое положение. Они бросили сотни миллионов золотых рублей и тысячи пропагандистов нам в тыл, пользуясь своими связями с разными сродными им организациями в Сибири. На свой фронт они подвезли свежие части, набрав их среди коммунистов, мобилизовав всю свою партию.

Наше высшее командование также напрягало все силы, чтобы помочь Западной армии. Как мы видели выше, из-за потери времени тыл не мог дать в то время ни одного полка. Поэтому собирались все мало-мальски боеспособные части и отправлялись на фронт. В числе их был послан в 6-й корпус и «курень Тараса Шевченко», составленный из украинцев-сепаратистов, со своим желто-голубым знаменем, с хохлацким наречием, принятым как командный язык; этому формированию, как и другим — латышским, польским и т. д., — сильно покровительствовала и всячески помогала французская миссия во главе с историческим Жаненом.

Курень Шевченко оказался совершенно распропагандированной частью, как и все, бывшие под покровительством иностранцев. Поставили его в первую линию, на Бузулукском направлении, где особенно была необходима поддержка. Но украинцы вместо того произвели гнусное предательство. Через несколько дней после прихода, рано утром, когда все еще спали, курень кинулся по выстрелу к винтовкам, перебил своих офицеров, а затем бросился в соседний 41-й полк горных стрелков Урала и открыл стрельбу. В то же время депутация от украинцев отправилась к большевикам доложить о своем иудинном деле.

С этого и началось. Большевики использовали случай; они сейчас же направили в образовавшийся прорыв свои части, усиливая их и распространяясь все глубже. Надо было принять сразу меры против этой опасности. Но сил под рукою не было. Вот тогда-то и начали спешно, по частям, посылать Волжский корпус генерала Каппеля, высаживать эше-

лоны и бросать их в бой. Однако прорыва заполнить не удалось, угроза обхода отсюда наших частей во фланг увеличивалась, что и заставило Западную армию отходить на восток по всему фронту.

В то же время Сибирская армия продолжала развитие прежнего плана, наступала по двум направлениям, на Казань и на Вятку. Даже начавшееся отступление и неудача на Волжском фронте не могли поколебать решения и заставить изменить этот неправильный и нежизненный план.

Как раз в эти памятные дни мне довелось быть в Екатеринбурге для инспекции частей Сибирской армии и для устройства там новой военно-инструкторской школы. Когда я прибыл в Екатеринбург и утром заехал в штаб армии, близкие к Гайде люди встретили меня буквально с улыбкой и потирая руки:

— Знаете, а вчера за день Западная армия еще отступила. Наш генерал прав, надо проводить его план.

Все доказательства обратного, все убеждения, что общие интересы, всей России, требуют немедленной помощи Волжскому фронту ударом с севера, в левый фланг красных, что в случае поражения Западной армии будет трещать и операция Сибирской, — все было напрасно. Перед ними стояла твердо их собственная цель, с ее скрытыми сторонами, а Гайда сильной волей и укрепленным авторитетом придавал этому почти непоколебимую устойчивость.

Недели две тому назад Нокс, вернувшись из Екатеринбурга в Омск, рассказывал, прямо захлебываясь, о своих впечатлениях и доказывал необходимость того же плана.

— Гайда так уверен, он прямо по дням рассчитал всю операцию, когда он берет Вятку, соединится с нашими из Архангельска, на другом направлении берет Казань. В первой половине июня Гайда будет в Москве!

А в его штабе в это время шла уже открытая работа эсеров. Некоторые русские офицеры, будучи не в силах остановить разрушительные приготовления, уходили в действующую армию и шли на фронт. У старших чинов штаба опускались руки.

— Помилуйте, — говорили они мне, — нет никаких сил. Докладываем Гайде о преступных прямо действиях, о необходимых решительных мерах. Гайда согласен, отдает приказ, а через десять минут из другой двери через комнату его доверенного чеха Гусарика входит эсер, и все меняется.

Печать Екатеринбурга и Перми, захваченная, как почти всегда, «либералами» и социалистами, вела искусную кампанию. День ото дня все усиливая, пели они дифирамбы Гайде, восхваляли его демо-

кратизм, называли его спасителем России, единственным человеком, способным на это великое дело. И опять Москва выставлялась как близкая заветная цель. Гайда должен войти в Москву первым!

Вскоре приехал в Екатеринбург и Верховный Правитель, который в эти тяжелые дни старался личным присутствием помочь на фронте. К приходу его поезда на станции собрались все высшие чины, был построен почетный караул, пешая часть и какие-то конные в фантастической форме, что-то среднее между черкесской и кафтаном полковых певчих. В стороне важно и неприступно прогуливался Гайда, изредка подходя к кому-либо из старших начальников и обмениваясь короткими фразами. Очень интересный и показательный разговор был у меня с ним.

— Что это за часть, генерал? — спросил я, показывая на всадников в коричневых кафтанах, расшитых галунами.

— То мой конвой.

— Что за оригинальная форма у них. Сами придумали?

— Нет, та форма, генерал, исторична.

— ?!

— Ибо всегда в Руссии все великие люди, ваш Император и Николай Николаевич, все имели коуказский конвой. Я думаю, что если войти в Москву, то надо иметь тоже такой конвой.

— Что же, они у Вас с Кавказа набраны, «коуказские» люди?

— Нет, мы берем здесь, только тип чтобы близко подходил к коуказскому.

На носках приблизился ординарец и почтительно доложил Гайде:

— Поезд подходит, брате-генерале.

Так было принято у Гайды, по-чешскому. Чтобы больше на демократа походить.

Подана команда «на краул». Оркестр играет «Коль славен» (этим церковным гимном в то время заменили мощный, музыкальный и самый красивый в мире Русский гимн). Из вагона выходит адмирал Колчак, слегка сгорбленный, с бледным, исхудавшим лицом и остро блестящими глазами от бессонных ночей на фронте. Губы плотно сжаты, опустились углы их, и около легаи две глубокие складки тяжелых дум. Рапорт. Обходит ряды почетного караула, смотря, по своей привычке, пристальным взглядом в лицо каждого солдата.

— Спасибо, братцы, за отличный вид!

— Рады стараться, Ваше... ство-о-о!

— Я только что объехал геройские полки Западной армии; им трудно, на них обрушились свежие части коммунистов. Но, Бог даст, одолеем врагов России. Надо только помочь нашим...

— Рады стараться, Ваше... ство-о-о, — гремит в ответ в воздухе. И все лица смотрят радостно и возбужденно.

Затем адмирал с Гайдой и еще несколькими лицами проехали в штаб армии. Здесь генерал Богословский, начальник штаба, сделал оперативный доклад по последним сводкам; положение было такое, что само собою напрашивалось решение. Западная армия несколько отступила, и теперь Сибирская армия имела фронт впереди, сильно выдавалась и как бы нависла с севера на фланге у красных. Ударить отсюда сильно — и полчища большевиков снова побегут к Волге.

Верховный Правитель сдавался на это решение, но снова зазвучал тихий, размеренный и настойчивый голос Гайды, снова пошли уверения, что нельзя нарушать плана, что помощь Западной армии гадательна, а здесь мы наверняка-де возьмем Казань и Вятку. И опять вопрос остался нерешенным.

Затем был смотр ударного корпуса, который формировался в Екатеринбурге и составлял резерв Гайды. Как курьез: в него входил «бес-смертный батальон имени генерала Гайды» с коричневыми погонами и шифровкой на них: «Б. Б. И. Г. Г.». У всего корпуса были нашивки на рукавах, черно-красный угол, как в дни керенщины. Медленно и внимательно обходил адмирал Колчак все части, держа все время руку у козырька; остро-пронзительно вглядывался он в каждое лицо, как будто хотел запомнить его, как будто хотел передать свою волю, свою горячую любовь к Родине и желание спасти ее. После обхода части прошли церемониальным маршем. Вид людей был хороший, да и обмундирование вполне сносное; подготовка еще не закончилась вполне, но для развития успеха вместе со старыми частями их можно было послать.

После обеда у Гайды, в его особняке, Верховный Правитель, усталый донельзя и от парада, и от стратегических споров, уехал. Вопрос о Сибирской армии был решен так, что она будет продолжать свой прежний план движения на Вятку—Котлас. Между прочим, Гайда в этот день говорил мне, что может взять город Глазов в любую минуту; действительно, там было сосредоточено силы более половины всей его армии.

— Что же Вы не берете?

— Сейчас еще несвоевременно. Прикажу взять, когда надо будет.

По возвращении адмирала в Омск, он со Ставкой начали принимать ряд отрывистых мер, пытаюсь спасти положение. Торопили от-правку частей Волжского корпуса. Изыскивали всюду, где можно, и посылали на фронт сапоги и обмундирование. Но в то время мало удалось собрать; дорога из Владивостока могла подавать незначительное количество, не хватало вагонов; да и генерал Нокс, в руках у

которого были все запасы, выдавал их по своему собственному плану, мало иной раз считаясь с действительной нуждой русских армий.

Теперь, когда результаты работ или, правильнее, волокиты главного штаба были так печально выявлены, Верховный Правитель решил идти на крайние меры; была упразднена должность военного министра, а его права переданы начальнику штаба Верховного главнокомандующего. Но это было и поздно, да и, пожалуй, вредно, как всякая ломка в тяжелые дни потрясения.

А события шли неумолимым ходом; остановить его или изменить можно было только героической общей работой. Надо было усилить Русский фронт и систематически, исподволь обезвредить тыл от преступной работы, направленной во вред делу спасения страны. С первой задачей справились, вторая ускользнула из рук и погубила все.

Подвиг армии

Весна в 1919 году была дружная. Быстро сошли снега, пронеслись вешние воды, сразу выступила яркая, нежная зелень, земля просохла, и наступили теплые дни. Это время самое лучшее для ведения военных операций. Наши полки и батареи вздохнули после тяжелой зимы. И несмотря на все недостатки, на малочисленность частей и на перевес красных, наши войска прилагали все усилия сдерживать их натиск, остановить наступление. Предпринимался ряд контратак и маневров, но новые обстоятельства свели на нет и эти усилия Западной армии. Основной план, принятый теперь, состоял в том, чтобы, отступив центром и втянув за собою красных, обрушиться на них с севера, произвести сильный удар в левый их фланг Уфимским корпусом, усиленным частями генерала Каппеля.

Одна из первых частей Волжского корпуса, Бугульминский полк, пополненный зимой значительным числом пленных красноармейцев, в первом же бою был обойден большевиками. Произошло замешательство, растерянность; была сделана попытка пробиться, не удалось, и полк передался на сторону противника. 2-й Уфимский корпус не успел к этому времени сосредоточить своих сил. Операция не удалась.

Западная армия продолжала отступление по всему фронту; в то же время большевики проявляли все больше активности, подвозили свежие войска и начали давить на правый фланг Оренбургской, или Южной, армии.

16 мая, когда я собирался выезжать для вторичного осмотра всех частей Омского округа, чтобы ускорить формирование и подготовку

трех дивизий, мне позвонил адъютант Верховного Правителя по телефону и передал, что адмирал приказал немедленно прибыть к нему. Когда я вошел в его кабинет, там находился уже начальник штаба, генерал Д.А. Лебедев. Адмирал Колчак изложил подробно мне о том, что в Западной армии отступление продолжается вследствие беспорядка в управлении и растерянности; что командующий армией генерал Ханжин просил уволить его в отпуск, так как он чувствует себя крайне утомленным. Поэтому адмирал находит необходимыми немедленные перемены в командовании и улучшение управления армией, что он намерен назначить меня сначала начальником штаба Западной армии, а если генерал Ханжин будет настаивать на своем уходе, то и командующим ею.

Я доложил адмиралу, что, как солдат, привык подчиняться приказу, но имею соображения против: 1) я и мои помощники только что втянулись в свою работу по приведению в порядок тыла и уверены, что удастся скоро провести формирования, так необходимые для фронта; что было бы вредно для самого дела бросить сейчас эту работу; 2) что, как я слышал, среди высшего командования Западной армии происходят трения, которые мне сразу будет трудно уладить.

Верховный Правитель настаивал и сказал, что он сам с генералом Лебедевым займется тылом. Хотя и с тяжелым сердцем, я принужден был согласиться; моим ответом была искренняя мысль, которая руководила всей деятельностью, вне которой я не видел успеха:

— Подчиняясь Вашему приказу, я приложу все силы и разумение на работу с Западной армией. Но, Ваше Высокопревосходительство, позвольте высказать мое убеждение, вынесенное из нашей войны с Германией, из борьбы на Дону, из эпопеи на Волге, из больших личных переживаний, — успехи действующей армии ничего не значат, сводятся к нулю, если тыл не устроен. А у нас сейчас в тылу полная разруха; необходимо теперь же наладить там внутренний порядок и заставить всех способных носить оружие идти на фронт. Иначе все жертвы на боевом фронте будут бесполезны и даже вредны. Армия исполнит свой долг; лично я отдам все силы ей, но надо заставить работать тыл. Необходимо также вычистить его от социалистов.

— Все это я обещаю сам сделать, — ответил адмирал и благословил меня на новую боевую службу.

Уже при ознакомлении по материалам, имевшимся в Ставке, с состоянием Западной армии, ее положением, с последними данными о противнике и с ходом операции, стало вырисовываться много ненормального; было ясно, что работа штаба армии оставляла желать многого; приходилось исподволь и там ввести тот же метод

работы, жизненный и живой, без которого немислим полный успех ни в каком деле.

Пригласив с собою ближайшим помощником полковника Оберюхтина из главного штаба, я через день выехал в Уфу. Тяжело было расставаться с делом, в которое я ушел весь, завязал близкие, дружественные деловые связи со всеми начальниками на местах, узнал местные условия. Было грустно оставлять и работу, и тех хороших русских людей, с которыми вместе мы надеялись удачно закончить организацию и чистку тыла. Мои друзья в Омске провожали меня на новую деятельность, и многие говорили, что напрасно я согласился: уезжаю от работы, которую начал налаживать, и еду в армию в то время, когда там ничего уже сделать нельзя.

По пути я сделал несколько небольших остановок, чтобы ознакомиться с ближайшим тылом армии. Первая остановка была в Кургане, где грузились в эшелоны последние части Волжского корпуса и его тыловые учреждения, еще даже не закончившие своего формирования. Части производили хорошее впечатление, чему много содействовал их внешний вид — новенькое английское обмундирование с русскими белыми погонами; люди были хорошо обуты, имели достаточно белья, у всех имелись шинели и исправное оружие. Здесь же мне было доложено, что социалисты, скрытые остатки учредилцев, пытались за последние две недели организовать в Кургане тайные собрания и митинги, но им это не удалось, так как почти весь офицерский состав не пошел с ними, а солдатские массы после опытов этой партии в 1917 году не поддавались уже на их лживые речи, не прельщались их дешевыми лозунгами.

Следующая остановка была в Челябинске, где сосредоточивались все тыловые учреждения Западной армии — склады, мастерские, запасные части, все собственное хозяйство армии. В складах имелись различные материалы, мастерские могли изготавливать и чинить обмундирование, обувь, оружие, продовольственные магазины оказались наполненными различным продовольствием на полтора месяца, причем средства района не были еще полностью использованы. Армию можно было считать обеспеченной; следовало только объединить деятельность тыловых учреждений с армейскими органами, дать все в одни хозяйские руки; следовало также расширить мастерские и наладить своевременный подвоз. А то выяснялось, что интендант в Челябинске не имел связи с армейским интендантом и, работая довольно много, располагая всякими запасами, не знал точно нужд фронта; весь план заготовок строил на соображениях чисто теоретических. Такая же неувязка была в управлениях, инженерном, артиллерийском и санитарном.

Запасные части были полны новобранцами; молодые парни, в возрасте от 20 до 22 лет, являлись отличным материалом для армии, но при большой работе при их подготовке забывались некоторые стороны, необходимые для фронта; так, совершенно не проходили курса стрельбы из-за экономии патронов. Но ведь было гораздо экономнее иметь на фронте солдат, умеющих стрелять, ибо они, придя на фронт, будут выпускать в боях меньше патронов и с большими результатами. Ощущался недостаток в офицерах, причем запасные части не только не собирали их для фронта, а еще претендовали на получение офицеров из действующей армии; не было совершенно школ для повторительного офицерского курса и для подготовки портупей-юнкеров. Все эти задачи требовали разрешения с первых дней моего вступления в новую должность. В течение первого месяца удалось исподволь их наладить, так что с середины июня армейский тыл работал как заведенная машина с исправным механизмом, хорошо прилаженным для нужд фронта.

Промелькнул дивный красавец Урал, с его отвесными скалами, развесистыми соснами и быстрыми горными речками; пересекли у станции Уржумки пограничный столб между Европой и Азией. 20 мая я прибыл в Уфу, в этот чисто русский город, красиво расположенный на высокой горе над могучей, полноводной рекой Белой. За Белой расстилались и уходили к горизонту безграничная равнина, зеленые плодородные степи; манила и сладко волновала сиреневая дымка их далей — там были близкие родные места, там желанная Волга. И только стена интернационала, нагло вторгшегося в Родину нашу, отделяет нас от всего близкого, самого дорогого.

* * *

В тот же день я вступил в должность начальника штаба Западной армии. К этому времени наши части бросили уже Бугульму, оставили Бугуруслан, Белибей и отходили дальше. Два корпуса, 1-й Волжский и 2-й Уфимский, сдерживали на фронте напор красных и прикрывали направление Самара—Уфа, а 3-й Уральский корпус был выведен в резерв на реку Белую севернее города Уфы для отдыха и пополнения. На станции около Уфы выгружались из эшелонов 1-я Сибирская казачья дивизия⁷³ и Волжская кавалерийская бригада.

23 мая правый фланг Южной (Оренбургской) армии, прикрывавший направление на Стерлитамак, отскочил более чем на 50 верст, оставив этот город и уйдя на восточный берег Белой. Это было полной неожиданностью, так как еще накануне были получены сводки Южной армии о полном успехе в отбитии атак красных и даже о

частичном переходе наших в наступление. Создавшееся теперь положение было в высшей степени тяжелое для Западной армии: наш левый фланг был совершенно на весу; между ним и правым флангом Южной армии образовался промежуток более 60 верст, широкая открытая дверь, — от Стерлитамака по западному берегу Белой идет на Уфу большая дорога, которой могли свободно пройти в город силы красных.

В Уфе поднялось смятение. Генерал Ханжин в первую минуту предполагал отдать приказ о немедленном отходе за Белую всей нашей армии. Но это было невысказано, так как наше отступление отдало бы в руки большевиков несколько тысяч раненых и больных, около десятка госпиталей, семьи офицеров и добровольцев, огромные запасы военного имущества и артиллерийские парки. Кроме того, эта поспешность разрушила бы весь план действий, по которому 3-й Уральский корпус и конница должны были к западу от реки ударить по красным, накапливавшимся в промежутке между Западной и Сибирской армиями.

После обсуждения было решено, что нет основания спешить с отходом и отказываться от выполнения этой операции, так как большевики не имели достаточно сил для быстрого наступления в образовавшийся промежуток; кроме того, психология их командного состава и масс не была в то время такова, чтобы идти на рискованные предприятия. Нам же необходимо было рисковать, так как отступление за Белую не было подготовлено, к эвакуации Уфы почти не приступали, железная дорога работала без всякого плана, хаотически и была забита до предела; кроме того, саперы не закончили еще постройку мостов и переправ через реку Белую. Если бы начать отступление тогда же, то мы не только бы не вывезли ничего из Уфы, но не смогли бы отвести в порядке и войска.

Скоро события доказали полную справедливость и правильность расчетов и нашего риска. Город Стерлитамак, оставленный Южной армией, три дня лежал в нейтральной полосе, — красные его не занимали. Генерал Каппель успешно справлялся на левом фланге нашей армии и, переходя к активным действиям, бил короткими ударами большевиков, стремившихся выйти нам в тыл.

Эти дни были самые трудные. Приходилось одновременно налаживать службу штаба, подготавливать новую операцию, переправы через Белую, организовать линию обороны реки и производить эвакуацию Уфы. До сего все было в хаотическом положении, — в конце этой недели ко мне в канцелярию влетел какой-то растрепанный штатский с красным взволнованным лицом. Прерывающимся голосом он начал сбивчиво рассказывать о том, как они не могут спра-

виться и вывезти несколько десятков миллионов пудов разного зерна и муки, погруженных на баржи, на пристанях реки Белой.

— О чем же Вы думали раньше?

— Нам только сегодня прислали приказ из министерства.

— Что же Вам надо, какую помощь Вы ожидаете найти у меня?

Оказалось, по его словам, что они хотели теперь получить в свое распоряжение всю железную дорогу и просили приостановить остальную эвакуацию. Понятно, это было невыполнимо. Так почти все эти большие запасы и достались потом в руки большевиков.

Самое худшее было то, что штаб армии потерял управление и какой-либо престиж, самую тень доверия к себе; почти каждый начальник привык критиковать всякое распоряжение штаба, протестовать, а иногда и не исполнять. Вследствие этого отсутствовала согласованность действий и не было возможности провести цельно какой бы то ни было план. Правда, некоторые основания этому были; даже самая техника работы армейского штаба вызывала такое к себе отношение, — связь с корпусами и отрядами не была обеспечена, военная тайна не охранялась, и доходило до того, что на оперативный телеграф мог прийти всякий, открыто печатались в литографии красивые цветные схемы боевого расположения наших войск с подробным перечислением частей; отдел генерал-квартирмейстера кишел весь день самой разнообразной публикой.

Между прочим, ко мне явились представители французской миссии полковник Ф. и капитан М.; они заявили при первом же разговоре, что почти каждое решение командующего армией делалось известным в городе в тот же день через гостиные и знакомых.

Все это надо было круто и сразу изменить, необходимость вызывала подчас резкие меры. Так же приходилось поступать и в других отраслях. Но все были проникнуты желанием настоящей работы, все с надеждой смотрели на будущее и готовы были на жертвы для успеха. Это облегчало трудную работу и давало много ценных помощников.

В деле эвакуации Уфы и налаживании работы железной дороги неоценимую помощь оказали полковник С. и инженер Д., приехавшие из Омска. Трудность заключалась в том, что ежедневно прибывало много вагонов с эшелонами подходящих частей и тыловых учреждений 1-й Сибирской казачьей дивизии и Волжского корпуса, которые забивали станцию. К тому же вывоз грузов и подвижного состава шел медленно и без плана; к итогу каждого дня число вагонов на станции все увеличивалось и дошло до цифры в две с половиной тысячи.

Опасаясь, что, несмотря на все эти подробности, не удастся обрисовать трудность тогдашнего положения и работы; штаб, усилен-

ный новыми людьми, занимался от семи часов утра и до десяти, одиннадцати часов ночи, почти без перерыва для завтрака и обеда, давая максимум напряжения. Ясно вставала опасность, что если не применить исключительных мер и работы, то неуспех может обратиться в катастрофу.

Немалое затруднение заключалось еще и в том, что организм армии, молодой, неустроенной и почти еще иррегулярной, требовал постепенного ведения операции отхода — иначе можно было бы испортить все и развалить армию. Клинок хорошей, но не обработанной, перекаленной стали согнулся почти в кольцо; если его отпустить сразу, выпрямить мгновенно — клинок отпрянет со звоном, мелькнет в воздухе молнией металла и разобьется от силы удара на куски, пропадет. Осторожно надо выпрямлять сталь, постепенно отводя концы клинка, бережно храня его...

Необходимо также было считаться и с тем, что наша молодая армия требовала укрепления в ней веры в свою силу, в способность выигрывать дела, побеждать. Это было особенно необходимо теперь, так как неуспех весеннего наступления, неожиданное крушение всех напряжений и результатов значительно подорвали веру и даже расшатали дисциплину, особенно среди высшего командного состава.

Наладив первые шаги новой работы в штабе, генерал Ханжин и я поехали на боевой фронт, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. План операции уже приводился в исполнение: 3-й Уральский корпус и 11-я дивизия сосредоточивались на север от Уфы, чтобы ударить по красным, наступавшим на Бирском направлении, в разрез между нашим правым флангом и Сибирской армией. Надо было во что бы то ни стало задержать наступление красных на фронте, пока это сосредоточение не закончится. Эта тяжелая задача выпала на части 2-го Уфимского корпуса.

Была вторая половина светлого мая. Вся земля ярко зеленела новыми всходами, в воздухе звенели жаворонки. Кусты черемухи утопали в пышных белых гирляндах цветов, наполняя воздух своим нежным возбуждающим ароматом. Родные деревни с их бедными серыми избами, соломенными крышами, с улицами, наполненными веселыми, беззаботными ватагами белоголовых босоногих ребят, шумели, как ульи пчел, проснувшихся весной от зимней спячки. А за деревнями чернели батареи, цепи стрелков вели наступление. В прозрачном воздухе плыли белые облака шрапнельного дыма, и гулко и далеко разносилось эхо выстрелов. В складах местности и в оврагах стояли резервы.

Все, что приходилось слышать раньше и читать в донесениях о состоянии геройских белых частей, бледнело перед действительнос-

тью. Маленькие, иногда в 20—25 рядов, роты; люди выстроены и выравнены с обычной тщательностью при встрече начальства. Раздается уставная, так знакомая, русская команда, бодрые отрывистые фразы; винтовки обычным приемом «на краул» — все как было сотни лет, когда наша армия создавала Великую Россию, все так же, как было и в недавние дни, когда Русская армия спасала на Галицийских и Восточно-Прусских полях Францию, Италию и Англию. Но внешний вид этих русских полков был совершенно отличный от того, какой они имели всегда раньше. Как будто это были не воинские части, а тысячи нищих, собранных с церковных папертей. Одежда на них самая разнообразная, в большинстве своя, крестьянская, в чем ходил дома; но все потрепалось, износилось за время непрерывных боев и выглядит рубищем. Почти на всех рваные сапоги, иногда совсем без подошв; кое-кто еще в валенках, а у иных ноги обернуты тряпками и обвязаны веревочкой; татары большей частью в лаптях. Штаны почти у всех в дырках, через которые просвечивает голое тело. Сверху одеты кто как: кафтаны, зипуны, рубахи, и изредка только попадаются солдатский мундир или гимнастерка. Офицеры ничем не отличались по внешности от солдат. Они стояли в строю, обвешанные мешками и котомками с патронами, и все тело их, согнутые ноги, опущенные плечи показывали, как эти люди устали за время долгой войны и последних боев. Но узловатые сильные руки крепко сжимали винтовки; у большинства не было штыков. На вопрос, почему так, отвечали:

— Ведь мы все винтовки отнимали от красных, а те не любят носить штык, бросают его.

Не забыть никогда того дивного выражения, полного невыразимой теплоты и чувства высокого подвига, что светились в этих десятках тысяч русских серых глаз. Так могут смотреть только истинные герои, скромные, простые и незаметные, которые молча и всецело отдали жизнь свою для спасения родной страны. Когда мы стали выяснять нужды войск и записывать их, то оказалось проще записывать не то, чего недоставало, а что имелось; нехватка была почти во всем. И такая неотложная нужда во всем; требовалась немедленная подача снабжений из тыла.

По возвращении в Уфу начали усиленно давить на интендантство и Омск; давление это не прекращалось после того ни на один день, так как даже и с этим прессом мы мало получали и никогда не были в состоянии удовлетворить все нужды армии.

Сосредоточение Уральского корпуса и 11-й дивизии запоздало. Начались бесконечные препирательства и ссылки на усталость, на за-

труднения, на невозможность — все то, к чему привыкли некоторые промежуточные начальники раньше, за период иррегулярства. Генерал В., командовавший 11-й дивизией, позволил себе даже заявить прямо, что он приказа о движении не исполнит, так как он обещал дивизии дать отдых. Пришлось его сменить, назначив следствие; дивизию повел новый ее начальник генерал-майор Круглевский, но уже с потерей целых суток.

Командующим армией принимались все меры, чтобы устранить затруднения. Надо было усилить войска артиллерией и пулеметами; работая дни и ночи, собрали все, что было возможно найти под рукой. Между прочим, докладывают, что в Уфе на станции стоит еще одна батарея, французская, с отличными скорострельными орудиями, снабженная всем превосходно сверх меры. Я пригласил офицеров французской миссии Ф. и К. Познакомив их в общих чертах с планом действий, с начавшейся операцией, я просил их дать батарею для 11-й дивизии.

— О, mon general, наши офицеры и люди будут в восторге; они давно рвутся в дело, чтобы помочь русским, — галантно ответили мне французские офицеры. — Но только мы должны раньше спросить генерала Жанена.

— Так, пожалуйста, прошу Вас скорее, нам необходима батарея не позже сегодняшнего вечера.

— О, это будет, мы не сомневаемся, что генерал Жанен разрешит. Это только простая формальность.

Вечером приглашаю их снова. Какой ответ?

— Представьте, mon general, мы еще не получили ответа. Вот если бы можно было поговорить по прямому проводу.

— Пожалуйста, телеграф к Вашим услугам. Но, прошу, скорее...

На следующее утро опять никакого ответа. Не могли добиться к проводу самого генерала Жанена, а его начальник штаба не брал на себя решения. Подождали до вечера, подготовили автомобильно-грузовую колонну, чтобы батарея могла догнать 11-ю дивизию. Но так никакого ответа получено и не было. Полковник Ф. и капитан К. сами не понимали и как будто искренне чувствовали себя сконфуженными.

Удар по красным на Бирском направлении начался удачно. Их 35-я советская дивизия сначала дрогнула, один полк бежал даже так, что его не могли догнать роты, посаженные на телеги, но запоздание в маршах и несогласованность наступления Сибирской армии, которая наконец-то по приказу Ставки должна была содействовать нам, дали возможность большевикам подвести резервы и

задержать наше продвижение. Операция затянулась. А на фронте 2-й Уфимский корпус, истощив все усилия, начал быстро отходить к Уфе. Оставление города и уход за Белую стали неизбежными. Надо было только выиграть время, чтобы вывезти всех раненых и больных, госпиталя и склады интендантских запасов, а также семьи офицеров и добровольцев. Чтобы закончить эвакуацию, железной дороге требовалось еще десять дней, в течение которых войска должны были удерживать за собой западный берег Белой. И это было выполнено благодаря коннице, которая вышла на фронт и прикрыла собою усталых уфимцев.

Могли бы получиться и большие результаты, если бы этот сводно-конный корпус под командой генерала Волкова выполнил полно и точно данную ему задачу, вышел бы на фланг красных и произвел оттуда удар, не стремясь занять растянутое фронтальное расположение. Но нельзя требовать идеалов; надо помнить, что блестящие кавалерийские дела редки в истории так же, как редки крупные чистой воды бриллианты; и зависят они от исключительных талантов и свойств высшего кавалерийского начальника. Он должен быть смелым до дерзости, быстро находчивым всегда и везде, свободным от всякой заботы о своем тыле, не думать и о своих флангах, а лишь о тыле и флангах противника; он должен знать в совершенстве и уметь использовать свойства всадника и его лошади. Он, как орел, свободно, легко и смело парит в пространстве, чтобы все видеть своим острым взглядом и стремительно бить врага там, где его всего меньше ожидают.

Наша конница работала скромно, без громких блестящих дел, но упорно, постоянно и беззаветно. И здесь, под Уфой, она сделала многое и дала возможность пехоте планомерно, без спеха, совершить свой отход за реку; благодаря этому удалось закончить и эвакуацию.

Железнодорожники старались изо всех сил, особенно когда с приездом полковника Супруновича почувствовалась твердая рука, систематический план и решимость не отступать от него. Весьма характерно, что почти все железнодорожные рабочие, даже деповские, то есть обычно наиболее склонные к брожению, просили вывезти их с семьями, не желая оставаться и работать при большевиках. Удалось вывезти из Уфы все, даже несмотря на преступно небрежное отношение интенданта армии и его помощников, которые бросили склады и поспешили уехать из Уфы, когда ей не грозила еще прямая опасность. Своей поспешностью интендант полковник С. произвел панику, в которой надеялся скрыть многие грехи и злоупотребления. Он был предан военно-полевому суду; на его мес-

то назначили другого, которому пришлось из-за потери трех дней доканчивать эвакуацию уже под выстрелами большевистской артиллерии.

Теперь, когда вся Западная армия отошла и заняла новый фронт на восточном берегу реки Белой, первая задача наша была — не пустить большевиков за реку, а в случае их переправы сбросить и разбить по частям. Это представлялось тем более возможным, что Белая в этом месте — довольно серьезная преграда, мы же успели составить небольшие резервы, выведя из первой линии две дивизии.

Эта задача была блестяще выполнена Волжским корпусом южнее Уфы; генерал Каппель впустил красных, дал возможность переправиться одной бригаде 24-й советской дивизии, затем атаковал ее с севера, опрокинул сильным ударом в реку и почти уничтожил.

Город Уфу и средний боевой участок оборонял 2-й Уфимский корпус. Ему не удалось разбить красных, переправившихся здесь, хотя вначале дело шло вполне успешно для нас. Правее уфимцев, ниже по течению реки Белой, оборона лежала на 3-м Уральском корпусе; центр его был город Бирск. В то время, когда уфимцы ударяли с юга, уральцы должны были обрушиться с севера и уничтожить совместно группу красных, переправившихся севернее Уфы (примерно в районе Благовещенского Завода). Сначала наше наступление развивалось успешно. Но на второй день случилась измена в одном из полков 6-й Уральской дивизии, где только что прибывшее пополнение, распропагандированное социалистами, бросилось во время боя на своих офицеров, перебило часть их, после чего сдалось красным. Это обстоятельство испортило все дело; красные стали распространяться все глубже, угрожая выйти в тыл 2-му Уфимскому корпусу и перерезать железную дорогу.

Войска Западной армии были отведены тогда на линию горных Уральских проходов; это давало нам возможность сильно сократить силы первой линии и оттянуть 2-й Уфимский корпус в резерв; он был поставлен за первой грядой гор в долинах рек Юрезань и Ай. Начались усиленные работы по комплектованию и снабжению уфимцев, которые так долго, беззаветно и без отдыха несли боевую службу на фронте.

Уфа была оставлена 8 июня. Штаб армии перешел на станцию Бердяуш. Здесь, вдали от большого города, было гораздо легче вести спешную организационную работу, заниматься исправлением всех недочетов и подготовкой армии к решительному переходу в наступление для перелома кампании. Прежде чем говорить об этом, необходимо выяснить, как обстояло дело с Сибирской армией.

* * *

Когда обозначилась неудача весенней кампании Западной армии и была оставлена Уфа, генерал Гайда отдал приказ своей северной группе перейти в наступление и взять город Глазов. Это было исполнено легко. Впечатление получилось сильное, так как казалось, что все слова и предсказания Гайды оправдываются; в Омске загорелась надежда на новый успех, на новом операционном направлении.

Но это только казалось при поверхностном взгляде. На самом же деле происходило другое. Большевики, навалившись всей силой на Западную армию, сокрушив ее наступление на Волгу и оттеснив за реку Белую, начали теперь переброску своих сил отчасти на Южный фронт генерала Деникина, а частью на север, против Сибирской армии. Почти одновременно с занятием Глазова начались неуспехи на Казанском направлении. Повторились те же события, что и в Западной армии, но в гораздо большем размере, так как в Сибирской армии, сильно подпавшей пропаганде социалистов-революционеров, происходили массовые восстания войск и измена.

Гайда использовал эти затруднения по-своему. Он прислал в Омск, минуя Верховного Правителя, прямо в кабинет министров ноту, где излагал, что причина всех неудач лежит в неумелом руководстве армиями, что так дело погибнет, если не передадут командование всеми вооруженными силами России ему, Гайде. Особенно он нападал на начальника штаба Верховного Правителя, на генерала Лебедева. Тон ноты был угрожающий — что-де если не подчинять все армии Гайде, то он или уедет совсем, или повернет штыки своей армии на Омск.

Там поднялась большая тревога. Адмиралу Колчаку пришлось ехать самому в Екатеринбург на свидание с Гайдой; отсюда они оба вернулись в Омск. Здесь шли долгие колебания, переговоры, а Сибирская армия в это время отходила все дальше. Верховный Правитель хотел прогнать Гайду, так как выяснились уже почти все закулисные замыслы его и окружавших его эсеров. Но не решился на этот, как тогда казалось, крайний шаг и пошел на уступки. Гайде была подчинена Западная армия — в оперативном отношении.

Нас застал этот приказ за работой по подготовке армии к новой операции. Производилась мобилизация во всем армейском районе; крестьяне и рабочие уральских заводов сами просили увеличить возраст призыва, так как они желали идти в армию против большевиков все поголовно, приезжали делегации из сел и заводов. На каждом шагу были доказательства того, что сам народ хотел сбросить иго чужеземного захвата, ненавистную власть интернационала.

Однажды, когда в эти дни я ехал на автомобиле к войскам на правый фланг армии, мы обогнали длинный, растянувшийся крестьянский обоз.

- Какой части?
- Дуванской волости, — отвечали возницы.
- Что везете?
- Хлеб.
- Куда?
- Да в армию, значит, везем.

Никого из представителей интендантства не было, не видно команды при обозе. Непорядок. Но собравшиеся около автомобиля крестьяне сейчас же разъяснили недоразумение.

— Вишь, Ваше Превосходительство, прослышали мы, что в Вашей армии хлеба нехватка, ну наша волость собрала сход, и поставили, кому сколько испечь караваев. Вчера пекли, собрали шестьсот пудов. А вот теперь, значит, мы и везем хлебушко-то... — тихим, ласковым голосом рассказывал мне белый как лунь старик крестьянин.

Так же по всему Златоустовскому уезду собирали крестьяне совершенно добровольно одежду и даже несколько сот пар сапог; а в этом они сами очень нуждались. Об их подъеме, об их готовности жертвовать всем для спасения родины от большевиков, за которыми они своим здоровым инстинктом чувствовали чуждый народу, враждебно и злорадно ненавидящий все русское интернационал, — обо всем этом свидетельствуют ряд подобных фактов и множество документов, приговоры сельские, волостные и заводские.

Налаживалось у нас в армии и дело снабжения в руках молодого, энергичного полковника Б., заменившего уфимского интенданта, которого военно-полевой суд приговорил за преступные деяния и полную небрежность к шести годам каторжной тюрьмы. Урегулирован был также вопрос с офицерским пополнением. Начали уже действовать три вновь открытые школы, которые готовили для армии до тысячи офицеров и портупей-юнкеров.

2-й Уфимский корпус пополнялся, одевался, отдыхал и с каждым днем делался сильнее. Работали в армии все, от генерала до рядового стрелка, не покладая рук, веруя в правоту нашего дела и твердо надеясь на успех его. Войска, стоявшие на фронте, отбивали все попытки красных сбросить нас с горных проходов Урала; при этом начальники, от самых высших, принимали непосредственное участие в руководительстве боями, часто бывая в опасные моменты в передовых частях.

И вот как раз в это время была получена телеграмма из Ставки о подчинении Западной армии Гайде на правах главнокомандующего, а через несколько часов пришел и его первый и единственный приказ.

Грубо и цинично он писал, что обвиняет в неудачах на фронте русских офицеров, главным образом высших начальников, которые будто бы слишком далеко держатся от боевой линии, что Западная армия отступала из-за недостатка стойкости и мужества. Дальше шло приказание никому не отступать ни шагу назад и опять обвинение офицеров и начальников, угроза им расстрелом. А затем добавлялось, что он, Гайда, сумеет в несколько дней поправить положение и дать победу. Чувствовались в этом приказе та же нота и та же скрытая рука, что и в знаменитом приказе 1917 года № 1; как тогда, так и теперь было стремление натравить массы на офицеров, разделить их, лишить спайки. Но на этот раз дело не выгорело. Научен наш русский народ, прозрел он и умеет разбираться в коварных замыслах социалистов всех рангов и наречий.

Вся армия была оскорблена этим приказом. От многих начальников поступили рапорты с просьбой оградить армию от приемов натравливания на офицеров и от незаслуженных оскорбительных обвинений. Генерал Ханжин вновь послал Верховному Правителю телеграмму с просьбой уволить его в отпуск для поправления здоровья.

Гайда, надо сказать правду, пытался остановить развал и отступление своей армии; он даже выехал там на фронт со своим «бессмертным» батальоном, но за ним потянулись туда же и эсеры, окружавшие его к этому времени тесным кольцом. И их преступная работа пошла уже в открытую. Результаты не заставили себя ждать. «Бессмертный батальон имени Гайды» перешел на сторону большевиков одним из первых; вслед за тем это печальное явление повторялось почти ежедневно на различных участках всего фронта Сибирской армии. Неудача ее вместо обещанных легких успехов подействовала удручающе на население и войска; а усилившаяся пропаганда социалистов, эсеров и большевиков ввергла массы снова в нервное состояние, полное волнений и брожения. Этим и объясняются все изменения воинских частей и переход некоторых из них на сторону красных. И все это происходило как раз в то время, когда внутреннее положение в соседней Западной армии становилось все прочнее, чисто народное движение против большевиков увеличивалось там с каждым днем.

Сибирская армия, так недавно еще сильная и многочисленная, таяла и исчезала. Кроме указанных выше причин, много способствовало этому безостановочное отступление, почти без попыток образовать резервы и переходом в наступление остановить натиск красных.

Без боев была оставлена Пермь с заводами, с потерей огромного количества снабжения, складов, с потерей всей нашей речной флотилии. Эта безнадежность действовала на сибирские части все хуже и хуже.

В эти дни Верховный Правитель решил устранить от командования Гайду и заменить его генералом Дитерихсом. Гайда пытался противодействовать, выступить снова, не подчиниться. Тогда адмирал Колчак издал приказ об увольнении Гайды в отставку с лишением его русского мундира. В командование Сибирской армией вступил генерал Дитерихс. Но вместо того, чтобы энергичными мерами остановить отступление и развал Сибирской армии, заняться организационной работой для усиления ее боеспособности, был начат ряд мер, направленных на коренную ломку всего аппарата армий, ведших борьбу на фронте.

С отходом Сибирской армии на север большевики получили возможность устремиться оттуда через Уральские горы и ударить в правый фланг Западной армии; их целью было отрезать нашу линию сообщений, железную дорогу в тылу, примерно между станциями Аша-Балашовская и Златоуст. Этим две армии, Западная и Южная, ставились бы в безвыходное положение.

3-й корпус под натиском значительных сил красных начал отходить в глубь Уральских гор, ведя упорные бои и неся большие потери. Как раз в это время прибыл на станцию Бердяуш генерал Дитерихс и привез приказ Верховного Правителя, которым генералу Ханжину давался отпуск согласно его просьбе, а командование Западной армией возлагалось на меня.

В трудное время и тяжелые дни вступил я в командование. Надо было принимать меры для спасения положения на фронте, еще более необходима была спешная работа для сохранения боеспособности армии. Все время моего командования на фронте я стремился проводить ту, единственно возможную по-моему, систему управления, которая давала результаты и вне которой нет жизненной связи между командованием и войсками. Промежуточным аппаратом для этого служат различные штабы; каждый штаб должен работать как хорошо слаженный и исправный механизм; главным руководящим стимулом может быть только один, оправдывающий само существование этого промежуточного аппарата, — штаб не самодовлеющая величина, он существует лишь для службы войскам, вся деятельность его должна быть направлена только на полезное и необходимое для войск; вне этого не должно быть ничего. Отсюда определяются его размеры, программа его работы и самый характер ее. Все строевые начальники, до самых высших, обязаны руководить деятельностью штаба и управлять с его по-

мощью войсками, бывая, однако, возможно чаще на местах, не жалея сил и времени на то, чтобы быть среди войск всюду и всегда, а особенно в дни серьезных боев.

Приняв армию, я проводил больше половины своего времени среди войск передовой линии, для быстроты передвижений пользуясь автомобилями. Так я получал действительное впечатление о своих войсках, деля с ними их трудности, а иногда и опасности боев, знакомясь со всеми хорошими и плохими сторонами. Зная истинное состояние частей, можно было увеличивать их боеспособность, укреплять в них веру в наше дело и в успех его. Этим же путем я узнавал и условия жизни местного населения, их настроения и надежды. Живое слово, ознакомление на местах и контроль — главные условия успеха всякой работы.

Объезд всех трех корпусов Западной армии дал мне уверенность в полной возможности иметь этот успех, а также показал те недочеты, которые требовалось устранить теперь же. Части представляли, в сущности, не вполне еще готовые и слаженные организмы, иногда с очень ненормальными отклонениями; так, например, за время весенней операции и при отступлении выросли невероятно войсковые обозы, в одном только 32-м Прикамском полку было свыше двух тысяч повозок. Можно представить, какое огромное количество бойцов отвлекалось этим из строя, какой величины хвост связывал все маневры и боевые действия. Борьба с этим можно было, только бывая на местах, одновременно контролируя и сейчас же исправляя; бумажные приказы оставались всегда неисполняемыми или неисполнимыми. Естественно, что прежний способ приучил строевых начальников отписываться, смотреть на полученный приказ как на простой лоскут бумаги. Надо было искоренить и этот взгляд, нигде не допустимый, на приказ; сделать это можно было только одним способом, отдавая вполне выполнимые приказы, вызываемые самой жизнью, и следя за точным исполнением их без проволочек и отступлений.

Затем назрела необходимость урегулировать офицерский вопрос; надо было исправить ошибки главного штаба, задержавшего почти все производства офицеров действующей армии; получив право, как командующий армией, производить в чины до капитана включительно, я делал это на местах, бывая в частях, производя офицеров иногда во время самых боев. Адьютант записывал, по возвращении отдавал записи в штаб, и приказ выходил через несколько дней, без всякой волокиты.

При всех поездках я узнавал подлинное, ничем не прикрашенное настроение и своих войск, и масс населения. Помню посещение Сат-

кинского завода, обладавшего почти самыми крупными на Урале чугунолитейными печами. Поговорив о положении завода с директором, я пошел в большое помещение, полное собравшимися рабочими, и спросил, какие у них есть нужды.

Первое, что они просили, рассказать им об армии, о нашем военном положении, о большевиках и красноармейцах. Затем уже пошли заявления о дороговизне, трудностях достать продукты первой необходимости, о недостатке муки и хлеба. Когда все было разъяснено, я отдал приказ доставить рабочим завода два вагона муки по казенной цене; рабочие зашумели, как встревоженный улей; вышел вперед их выборный старшина и сказал, что рабочие очень благодарят и просят чаще приезжать и говорить с ними, разъяснять происходящее.

— А мы уж сами и добровольцами в армию пойдем, и мобилизацию следить будем, и большевиков не допустим; небось, не заведутся они у нас.

— Сатки первыми против них, иродов, в 1918 году выступили, — загудела довольная толпа.

Вообще, настроение населения всего армейского района и войсковых частей было приподнятое, готовое идти на жертвы, на борьбу с социалистами-большевиками, упорно желающее победить и совершенно доверчивое, ибо наши пути и цели были общие. Сущность того, что руководило нами в борьбе, народный характер этой борьбы и ее напряжение проникали глубоко и прочно в массы и все теснее связывали армию с населением. Массы видели и верили, что мы боремся за всю Родину; что «наша партия есть Святая Русь, наш класс весь Русский народ».

Вот выписка из приказа населению района Западной армии, отданного на станции Миасс 5 июля 1919 года и 3 октября того же года на станции Лебяжья: «...Еще раз разъясняю, что наше Правительство, во главе с Верховным Правителем адмиралом Колчаком, вожди армий, все начальники и вся армия стоят только на пути спасения Родины, веры и народа; не принадлежат ни к какой политической партии, не защищают и не преследуют ничьих интересов, личных или отдельных классов, а именно всего русского народа в его целом. Таковы армии наши, Востока России, армии русского витязя-генерала Деникина, генералов Юденича, Миллера и те массы восставших на Руси, которые соединяются с нами.

Путь один у всех, путь прямой и открытый. Освободить страну от засильников, предателей и иноземных комиссаров. Дать возможность каждому вздохнуть свободно, утереть слезы и не дрожать ежеминутно каждому за свою жизнь. Установить повсюду полную законность и

обеспечить порядок и права каждого, дать возможность всем заниматься привычным трудом. И там, в сердце России, в древней Москве, созвать народное собрание, действительно лучших людей народа, его избранных, которым сам народ, наученный теперь горьким опытом отечественной разрухи, вручил бы право разобраться во всем и решить его судьбы. Это народное собрание учредит и порядок управления Россией, определит право и порядок владения землей, назначит основные законы для нашей страны».

Направилось дело и организации армейского тыла. Вовремя и точно по назначению подавалось все снабжение, аккуратно и по расписанию работала железная дорога, а запасные части и офицерские школы были полны подготовленными людьми. Новый главнокомандующий, генерал Дитерихс, приехавший два раза в мой штаб, в Бердяуш, вполне разделял все взгляды, одобрял работу, был доволен ее результатами и обещал не производить никакой ломки.

* * *

Второй раз он приехал вместе с адмиралом Колчаком 2 июля, как раз при начале частичного наступления 2-го Уфимского корпуса, так называемой Айлинской операции. 3-й Уральский корпус не мог сдерживать натиска красных, бивших сильно в наш правый фланг. После упорных боев на реке Уфимке и на горных проходах уральцы отступили в глубь гор. Отступали и дрались все время в неравных условиях, неравными силами. Обстановка была тяжелая. 1 июля я приехал в село Мясогустово; на самой окраине шел бой с большевиками; в дело были втянуты не только все части, но даже офицеры и солдаты штаба корпуса составили отряд и пытались отбросить наседавших красных. Но сдерживать нового натиска их не удалось. И 3-й корпус продолжал отступление.

Надо было во что бы то ни стало помочь уральцам, иначе силы их могли совершенно растаять. 2-й Уфимский корпус получил приказ перейти в наступление, ударить во фланг красным и отбросить их на север, в горы. Несмотря на неполную готовность уфимцев, условия были все же выгодны для нас, так как этот корпус занимал сосредоточенное положение; части его отдохнули, пополнились и приоделись. 2 июля должно было начаться наше наступление.

Стояли летние жаркие дни, когда чистый воздух до того наполнен ароматом зелени, что густота голубого эфира дрожит, переливается и струится слоями. Богатые поля колыхались стенами темно-зеленых колосьев, наливавшихся молодым зерном. Дорога бежала красивыми

долинами рек Юрезань и Ай; все кругом было ярко-зелено, местами белели березовые перелески.

В больших деревнях шла сумятица, шум и волнение — население их, обеспокоенное приближением большевиков, собирало на возы свой домашний скарб и готовилось уходить волной беженцев на восток. Но не чувствовалось упадка духа — моральная сила и надежда на успех были на нашей стороне. Всюду встречались улыбающиеся лица и полная готовность помочь. Я с небольшим конвоем оренбургских казаков шел бодрым галопом полями к правому флангу уфимцев. Развезался и весело блистал на утреннем солнце георгиевский значок. Кони легко и плавно отбивали копытами равномерную дробь. Казаки изредка обменивались шутками или замечаниями о прекрасных полях, обещавших обильный урожай. В небе режали жаворонки, наполняя воздух мелодичной трелью... Вдруг грянул орудийный выстрел.

Красные повели в это утро сильное наступление своими резервами, наткнулись на одну из дивизий Уфимского корпуса и неожиданно атаковали ее первыми. Но их удар был встречен контрударом других двух дивизий. Столкнулись две силы. Будто ударились два шара, катившиеся с бешеной скоростью, столкнулись, на мгновение задержались и остановились на месте; отпрянули, стоят и крутятся быстро оба шара, точно оглушенные ударом; мгновение, а затем с силой покатались оба дальше: один назад, убегая, а другой за ним, преследуя его, продолжая свое поступательное движение. Наша 4-я дивизия подоспела как раз вовремя. Один за другим шли полки в атаку, перегоняя друг друга, с огромным подъемом. Большевики сначала остановились, задержались, пробовали оказать сопротивление, но затем отпрянули назад и побежали.

Я подъехал к уфимцам перед самой их атакой. Никогда не забыть этих серьезных, открытых лиц, полных отваги и решимости, их молчаливой и торжественной толпы и стройной силы. Я вызвал вперед, перед полками, героев, раздавал Георгиевские кресты солдатам и произвел отличившихся в прежних боях офицеров. Затем после коротких слов о предстоящем деле полк двинулся вперед. И их громкие, торжествующие крики «Ура-а-а!» разносились по полям, когда новые георгиевские кавалеры во главе с офицерами пошли первыми в атаку.

На взмыленной лошади прискакал казак-ординарец и привез мне записку от моего начальника штаба; Верховный Правитель и генерал Дитерихс прибыли в Бердяуш и просят меня приехать к ним возможно скорее на важное совещание. Так это было не вовремя, — отрывало от боевой работы, да и не хотелось уезжать из боя, из зеленых

долин Урала, от русских полков, охваченных порывом наступления. Но вслед за первым ординарцем примчался на автомобиле второй, с телеграммой адмирала Колчака, что он должен сегодня же вечером выехать обратно в Омск.

Через три часа я был у себя в Бердяуше. И вот, пока я ехал, в штабе было получено донесение, что красные обошли незаметно один полк 12-й Уральской дивизии, отрезали его и распространяются у нас в тылу. Надо было принимать экстренные меры, иначе это могло испортить все дело. К вечеру удалось ликвидировать опасность и прогнать красных. Но наступление уфимцев, начатое с полным успехом, приостановилось; большевики же за ночь оправались, подтянули резервы и снова начали сильно давить на Уральский корпус.

Два дня шли упорнейшие встречные бои; наши части переходили снова и снова в контратаки, но красные подавляли нас своей численностью. К вечеру второго дня генерал Войцеховский, командир 2-го корпуса, отдал приказ своим уфимцам отступить.

Было еще одно обстоятельство, проявившееся впервые именно в этих боях. Начиная с ранней весны, большевики бросили огромное количество своих агентов на восток для пропаганды и организации банд у нас в тылу; комиссары снабжали их очень большими суммами денег, пользовались всякими способами, оставляя при отступлении Красной армии свои ячейки в городах и деревнях, а при ее наступлении — направляя их под видом беженцев. В конце июня прошел севернее Уфы целый небольшой отряд коммунистов, одетых в нашу военную форму, с погонами, и пробрался горными тропами нам в тыл. Изловить их не удалось, кроме одного красноармейца, который показал, что цель этого коммунистического отряда была взорвать железнодорожные мосты в тылу нашей армии и поднять восстание среди рабочих Златоустовского завода.

Действительно, как раз в эти дни им удалось подорвать мост через небольшую речку восточнее Бердяуша и затем повернуть и выйти в тыл уральцам, отбивавшим атаки красных войск. Создались очень тяжелые условия, из которых мы вышли с большим трудом.

Вся первая половина июля прошла в боях за горные проходы Урала. Бои эти шли с переменным успехом; армия не отдавала ни одной своей позиции без попытки отбросить красных. Но для того чтобы перевернуть ход кампании, надо было собрать резервы, сосредоточить большие силы и перейти в общее наступление; чтобы разбить красных, надо было дать генеральное сражение.

Сибирская армия, или, правильнее, остатки ее, катилась без удержу на восток, отдавая красным большие пространства Северного Ура-

ла; 16 июля был брошен Екатеринбург. Генерал Дитерихс оставил после этого на фронте только заслоны, а все оставшиеся от армии Гайды части перевозил по железной дороге в глубокий тыл, в Ялуторовск, Тюмень и Тобольск. Сибирская армия временно как бы потеряла всякую боеспособность и уходила, ставя тем в совершенно невозможное, тяжелое положение Западную армию.

А дух и силы последней были нетронуты, несмотря на отход и на непрерывные бои; все части Западной армии были налицо; сохранили боеспособность и желание драться до победы. Налаженный механизм штаба и тыловых органов давал полную возможность поддерживать и увеличивать живую силу наших корпусов. Усилия всех направлялись согласованно к одной цели. И все ждали приказа о новом общем переходе в наступление. Местом для этого был избран Челябинск. Среди других была одна чрезвычайно важная причина этого решения. Отсюда идет железная дорога на Троицк, бывший базой Южной армии. Это была последняя связь с ней; если мы не выиграем дела под Челябинском, то Южная армия была бы предоставлена самой себе, поставлена в очень трудные условия.

План новой операции был составлен так: Западная армия, сдерживая красных арьергардами, должна была быстро стянуть свои силы к Челябинску и сосредоточить две ударные группы: генерала Войцеховского к северу, генерала Каппеля к югу от города. Здесь войска должны были пополниться, отдохнуть и организовать базы для боя; а затем, когда красные втянутся в долину из гор, они будут атакованы с севера и юга, взяты в клещи, с целью окружить их, отнять артиллерию и пулеметы. С севера всю операцию прикрывал и обеспечивал 3-й Уральский корпус.

Население всего района от Волги до Челябинска переживало в это время величайшую драму. Светлые надежды на жизнь сменялись мрачным, темным холодом смерти; с отходом белых армий выплывал зловеющий призрак кровавого интернационала. Как на известной картине Штука, шел он, костлявый смеющийся скелет, сидя верхом на чудовищном животном, оставляя за собой тысячи трупов, дымящиеся пожарища, сея смерть, ужас и заливая все кровью. Бесконечной вереницей тянулись впереди нашей армии на восток обозы с беженцами; целыми селами двигались на восток русские люди всех национальностей, спасаясь от хищного интернационала, ибо для него существует лишь одна признаваемая им, всесветная нация, племя, «избранное Иеговой», рассеянные по лицу земли иудеи.

Рабочие Златоустовского и других заводов Урала присоединились к потоку беженцев. Крестьяне, башкиры, татары и оренбургские каза-

ки отправляли свои семьи и скarb на подводах в тыл, а сами приходили в армию, составляли отряды, брались за оружие, чтобы отбить вражью силу.

Ставка и генерал Дитерихс, видевшие распыление Сибирской армии и крушение там всего дела, представляли себе весь фронт в таком же состоянии. Я получал запросы: что осталось от Западной армии и каким образом мы можем еще держаться? Они не видели и не понимали ни состояния наших войск, ни того общего желания отразить натиск большевизма, которое охватило всех, и войска, и население.

* * *

Челябинск — центр обширного края, разросшийся в последние десять лет до размеров большого губернского города; центр хлебной торговли и золотопромышленного района. Еще в начале прошлого столетия это была простая башкирская деревня Селяба (по-башкирски значит яма), лежащая при выходе из гор и лесов старого, седого Урала в долину Западной Сибири.

Когда я прибыл со своим штабом в Челябинск для проведения плана новой операции, не хватало времени, чтобы принимать и говорить со всеми депутациями, приходившими ко мне каждый день с раннего утра и до вечера. Шли горожане, рабочие, казаки, башкиры и крестьяне с заявлением о своей готовности отдать все силы, чтобы только не пустить сюда большевиков, отбить натиск врага, к которому русский народ чувствовал инстинктивную ненависть и смертельный страх.

При подготовке операции мне пришлось исколесить на автомобиле весь этот район, на сотни верст к северу и югу от Челябинска; и всюду я видел одно — русских людей, готовых на какие угодно жертвы и лишения, предпочитавших смерть в борьбе или уход в неизвестную даль подчинению коммунистам-большевикам.

Вот казачья станица Травниковская, одно из тех поселений, где живут потомки скромных строителей Великой России. Большие улицы, дворы обстроены хозяйственно и полны добра, площадь с небольшой белой церковью залита палящими лучами июльского солнца и гудит толпой. Все население станицы собралось на площадь, пришли даже казачки с грудными младенцами. Раздается мерный благовест, и медные голоса колоколов далеко разносятся в летнем раскаленном воздухе. Из церкви выходит крестный ход; колыхаясь, плывут над толпой святые хоругви, блестит золотом большой крест, так ненави-

стный всем слугам интернационала, сверкают на солнце светлыми бликами иконы и ризы священников.

«Спаси, Господи, люди Твоя...» — разносится пение, подхваченное тысячной толпой и заглушавшее даже громкий благовест.

Приходит священник и кропит святой водой две сотни казаков, собранных станицей на фронт, благословляет их на ратный подвиг. Сосредоточены и ясны бородатые лица казаков. Глубокая дума и бесповоротное решение отразились на них. Истово крестятся они правой рукой, держа в левой поводья и острые пики. А около дворов по длинной улице увязанные возы, запряженные уже и готовые вывезти семьи этого народного ополчения в тыл...

Встала Русская земля. За что готовы они отдать свою кровь, сложить свои головы, пожертвовать своими семьями? Не за партии, не за дешевые лозунги социалистов идут они в смертный бой с интернационалом. Нет, не за это несут они великие жертвы свои. Послушайте, что говорят эти казаки-крестьяне в своих семьях и на своих сходах:

— Надо кончить с этим делом. Как разрушили нашу землю святыню! А все оттого, что Царя им не надо стало. Вишь, сами власти захотели... Всех Царских врагов истребить надобно...

Послушать только, как истово, с какой верою поют все они эту старую русскую молитву за Царя: «Спаси, Господи, люди Твоя»...

А вот другая картина тех же дней. Мой автомобиль, переезжая через гать по болотистой долине верстах в семидесяти севернее Челябинска, завяз своими колесами глубоко в тине. Шофер и его помощник бились безрезультатно над ним, вылезли и мы все, чтобы общими силами вытащить машину.

Вдалеке серая деревушка, вздымая из распластанной кучи избушек высокий минарет мечети с магометанским полумесяцем. Вскоре из деревни показалась большая толпа и приближалась к нам с шумом и гамом. Впереди бежал богатырь колоссального роста с широкой, как паровоз, грудью, на ногах, как каменные столбы; он держал в могучих руках целое бревно, размахивая им над головой и испуская воинственные крики в такт своим быстрым прыжкам:

— Г-гин, г-гун, г-гун!

За богатырем бежала с дрекольем куча татар-крестьян, за ними рассыпались по полю, как горох, маленькие татарчата, старавшиеся не отстать от взрослых. Все это несло к автомобилю, крича на разные голоса и тяжело отдаваясь от быстрого бега. Не зная хорошо наших русских людей, можно было бы подумать, что деревенская толпа воспользовалась случаем, чтобы напасть на проезжих контр-

революционеров, расправиться с ними, убить. Но мы спокойно и уверенно ждали их; с размаху они набросились на автомобиль, облепили его, как муравьи, и начали поднимать из болота. Заведенный мотор пытел, колеса беспомощно крутились, разбрасывая во все стороны грязь и воду. Богатырь подложил под ось бревно, навалился на него плечом и легко приподнял автомобиль. Раз, другой, третий, и машина пошла по твердой дороге; рассеивалось в воздухе тяжелое облако перегоревшего бензина. Татары бежали за автомобилем и радостно смеялись. Я подошел, поблагодарил их и дал богатырю в награду денег.

— Не надо, бачка, не надо, моя не надо, — кричал он, отпихивая деньги, весело-добродушно скаля белые зубы и что-то прибавляя по-татарски.

Я совал богатырю деньги, он отпихивал. Вмешался старшина, пожилой татарин в тюбетейке:

— Не давай, Ваше Благородье, наша не возмет. Дорога наша, плохая дорога, виноват наша, зачем не чинит дорога. А ты военный человек, Царский начальник, от большевиков нас защищаешь.

Тогда я настоял, чтобы они взяли деньги для бедных женщин и детей их деревни. Вышел из толпы седой древний старик мулла и поклонился мне в пояс в знак благодарности:

— Позволь лучше, Ваше Благородье, ему, — сказал он, показывая на богатыря, — отряд собрать и к тебе в армию идти. Надо большевиков не пускать.

А когда мы возвращались поздно вечером по той же дороге, то около деревни автомобиль остановила толпа женщин и детей, красавица — молодая татарка вышла вперед и, потупив прекрасные большие глаза, благодарила еще раз за деньги...

Обе ударные группы собирались, заканчивали сосредоточение в районе Челябинска. К сожалению, была допущена одна оплошность: северная группа генерала Войцеховского составляла слишком большую силу, свыше 20 тысяч человек, тогда как южная группа генерала Каппеля еле достигала 10 тысяч. Но я рассчитывал главный удар нанести именно с севера, чтобы отбросить красных от их путей отступления.

Арьергарды наши, сдерживая натиск большевиков, отходили сначала медленно, шаг за шагом, удерживая целый ряд позиций, но верст за пятьдесят от Челябинска не выдержали, сдали и начали отступать слишком быстро. Пришлось составить новую войсковую группу под начальством генерала Космина из всех частей, какие удалось набрать, до моего конвоя включительно; по первому при-

зыву пошли драться вместе с ними сербы — Сербский батальон имени Благодича, оказавший большие услуги, ведший себя как истинные братья русских.

К слову надо сказать, что французский батальон, бывший в Челябинске с осени 1918 года, поспешил эвакуироваться в тыл, восточнее Омска, при первом приближении опасности. Так всегда поступали союзники-интервенты!

Для полного успеха операции и выигрыша необходимого времени нужно было обеспечить нашу армию с севера. Для этой цели 3-й Уральский корпус был усилен всем, что можно было выделить туда; но этого было недостаточно, подсказывалась необходимость содействия Сибирской армии. Однако, несмотря на все просьбы, не удалось получить не только этого содействия, но даже приказа о выдвижении частей ее для демонстрации. Как будто действовала не одна Русская армия, не за одну общую святую цель!

Большевики, обманутые легкостью, с какой они сбивали наши арьергарды, лезли, что называется, как черти на Челябинск. Мною был отдан приказ в ночь с 24 на 25 июля отдать им город, а на рассвете 25-го перейти в наступление обеими ударными группами.

Наступила жуткая ночь. Выхав вечером, за несколько часов до оставления города, из Челябинска, я объезжал войска северной группы генерала Войцеховского. Глубокое летнее небо, усыпанное вечными звездами, покрыло землю покоем, уютом и сном. Тихо кругом, нет даже ночных звуков, которыми так богаты весенние ночи. Стоят темными силуэтами деревни, как зубчатые стены заколдованных замков, чернеют леса; и всюду биваки — наши полки, батареи, эскадроны и сотни. Все спит. Не горят бивачные огни, чтобы не выдать противнику наших сил. Только часовые бдительно и остро пронизывают темноту, впиваются глазами в черную глубину ночи да в избах с закрытыми ставнями сидят войсковые начальники, отдавая последние распоряжения, проверяя, все ли сделано, не забыли ли чего перед завтрашним решительным днем.

Вот в большой русской деревне меня встречает рапортом генерал З., начальник 11-й Сибирской стрелковой дивизии, только что пришедшей на фронт из Сибири, сформированной в Новониколаевске. Впервые с тыла поданы войска — восьмитысячная сила. Внешний вид и стройность не оставляют желать лучшего.

— Как Ваше чувство? — обращаюсь я к генералу З., — уверены ли Вы в Ваших частях?

— Уверен, Ваше Превосходительство. Хотя и не обстреляны еще, но настроение хорошее. Даже рвутся в бой.

— Ну а то донесение о пропаганде социалистов? — напомнил я ему случай, бывший четыре дня тому назад в одном из полков.

— Агитаторов выловили. Сами солдаты помогали. Насколько я знаю настроение офицеров и солдат, они прямо ненавидят комиссаров и коммунистов. А за всем тем, — все в руке Божьей...

— Я его дивизию поставил между своими лучшими частями; а впереди пустил камцев, для первого удара, — добавил генерал Войцеховский.

В эту же ночь произошел такой случай. На одну заставу Уральского корпуса выехала группа конных.

— Кто идет? Стой! — окрикнул часовой.

— Свои-и-и... — донеслось издали.

— Кто свои? Что пропуск?!

— Красные офицеры, сдаваться едем, пропуска не знаем.

Часовой выстрелил. На тревогу выбежала вся рота, бывшая в заставе, и открыла огонь залпами. Это был командир бригады 35-й советской дивизии полковник Котомин⁷⁴ с 11 красноармейскими офицерами; они состояли в антибольшевистской организации и давно уже искали удобного случая перейти на нашу сторону. Было очень трудно, так как каждый шаг их следился комиссаром и его помощниками, коммунистами, добровольными шпионами. В эту ночь им удалось усыпить бдительность еврея-комиссара и ускользнуть из когтей. Но вот истинная трагедия русского положения, они попали на сторожевую заставу, зорко охранявшую дорогу, так как наши войска привыкли к разным уловкам и обманам большевиков.

Первым же залпом была убита лошадь полковника Котомина и ранены два офицера; все они рассеялись, и только через день удалось собрать вместе этих героев. Полковник Котомин провел полтора жутких часа, лежа за трупом лошади, пока его не освободил и не вывел наш офицер. Полковник Котомин был доставлен в ближайший штаб как раз в то время, когда я объезжал войска. Высокий, могучего сложения человек с открытым энергичным лицом, герой Германской войны, он весь дрожал от пережитого, дрожал мелкой нервной дрожью, как маленький прозябший мальчик.

— Думал, что убьют. Но так было тяжело у большевиков, что лучше смерть...

Он много рассказывал всем нам о Центральной России, о ее состоянии и страданиях, открыл истинное положение советской власти и Красной армии. Что можно будет сказать из этого, не нарушая интересов русских, находящихся и сейчас там, во власти интернационала, скажу после, при сравнении условий нашего тыла и их. Забрезжило

утро. Потянуло с востока холодным предутренним ветерком, когда я приехал к войскам генерала Космина, чтобы отсюда управлять ходом операции. Как раз в этот момент из Челябинска отступали наши последние части. В город входили торжествующие красные полки.

Раннее утро после бессонной ночи застало меня в поселке Александровском. Выходило солнце, освещая землю своими первыми робкими лучами. Поселок просыпался, и обычная дневная жизнь наполняла улицу. Я лежал на траве около автомобиля и старался уловить ухом дальние звуки боя. Но их не было слышно. И, несмотря на чрезмерную усталость последних дней и этой ночи, я не мог заснуть — одна большая мысль давила на мозг и не давала покоя: «А что, если эта восьмидесятилетняя масса, вновь пришедшая из Сибири дивизия, окажется распропагандированной социалистами и, вместо помощи, изменит Русскому делу?! Повернет штыки против своих...»

Но вот грянул первый орудийный выстрел, за ним другой, третий. И заворчала далекая артиллерийская канонада, как гром отдаленной грозы. Наши войска перешли в наступление одновременно по всему фронту. Красные не ожидали этого, столкнулись с нашими, произошел ряд встречных боев с жестоким напряжением с обеих сторон. К концу дня нам удалось овладеть рядом деревень, захватили одну батарею, много пулеметов и пленных; мы потеснили большевиков.

26 и 27 июля продолжались упорные бои. Комиссары стянули все силы и заставляли свои полки переходить в бешеные контратаки. Как они писали в своих радиосводках, «под Челябинском белые проявили небывалое упорство, переходя в штыковые атаки под личной командой адмирала Колчака». Этого не было. Но действительно, все наши части проявили такое напряжение сил, показали такой подъем, как в самые блестящие периоды мировой войны, в Галиции, Польше и Восточной Пруссии.

Наше наступление развивалось хотя и медленно, но планомерно. 27-го была захвачена и доставлена в штаб армии приказ красных, свидетельствующий о полной их растерянности; паника охватывала их тыл, обозы начали уже отступать на Миасс и Златоуст. Еще одно усилие, и окружение сил большевиков в Челябинске должно было закончиться. Надо было для этого еще два дня.

Как уже сказано, правый фланг всей операции прикрывался 3-м Уральским корпусом, очень ослабленным всеми предыдущими боями; 12-я Сибирская стрелковая дивизия⁷⁵, прибывшая в это время из Томска и приданная Уральскому корпусу, не только не усилила, а ослабила его: некоторые части оказались распропагандированными в этом городе, одном из самых главных эсеровских гнезд, и, придя на

фронт, предательски передались на сторону красных. Все же, несмотря на это, уральцы сдерживали натиски красных, но 27 июля начали сдавать и отходить на юго-запад. Большевики получали возможность направить часть сил значительно восточнее Челябинска и угрожали отрезать главную дорогу в тылу армии.

Надо было спешить с операцией. Так как телеграфная связь с моим левым флангом в это время прервалась, я поехал на автомобиле в южную группу, в Волжский корпус, и в пути разминулся с генералом Каппелем, который ехал ко мне в штаб. Уже подъезжая к боевому расположению, я был поражен, встречая наши батареи и некоторые части, отходящие на восток. Казалось непонятным такое движение, так как накануне все контратаки красных были отбиты, волжане перешли вечером снова в наступление, захватили у большевиков пулеметы, пленных и целый ряд станиц и поселков.

Произошло какое-то несчастное недоразумение, и Волжский корпус вместо наступления начал отходить назад, распрямляя тем дугу, которую Западная армия была уже готова сомкнуть вокруг красных под Челябинском. Это дало возможность большевикам оправиться и перебросить еще часть сил против нашей северной группы, развивавшей успешно наступление в тыл Челябинску.

Волжский корпус в эту же ночь собрал массу подвод и с рассветом двинулся вперед на телегах, чтобы выиграть больше пространства и развить снова наступление. Но все же вследствие потери времени операция затянулась; а между тем угроза с севера нашей железной дороге и тылу армии все росла. Дальнейший риск делался очень опасным и мог быть допущен только при одном условии, чтобы части Сибирской армии быстрым выдвижением на запад обеспечили наш правый фланг.

Не знаю, по каким соображениям и под каким влиянием на это не решились! Я получил приказ Верховного Правителя отвести войска от Челябинска на Курган, перевезя часть сил в этот город поездами по железной дороге. Наступила самая тяжелая часть этих боев. Надо было вывести наши части, занимавшие расположение по охватывающей кривой, имеющей форму латинской буквы «S»; при этом давление Красной армии на севере и угроза нашему тылу все усиливались. Большевицкое командование, как только почувствовало ослабление нашего нажима и отход, направило все усилия, чтобы окружить и отрезать от пути отступления части нашей армии. Благодаря огромной работе всех начальников и беззаветной выносливости наших войск удалось выйти из тяжелого положения, не потеряв ни одной пушки, не отдав ни пленных, ни одной повозки с патронами.

С тяжелым чувством все мы оставляли челябинские поля, где было положено столько сил и жертв, где наша победа казалась так обеспеченной и так нужной. Однако настроение войск не падало, вера в свою силу и в успех не только не исчезла, но поднялась после этих боев. Объезжая ежедневно части армии, лично управляя некоторыми боями, я знал настроение войск и непосредственно получал уверенность в их полной боеспособности.

Как раз в день перелома боев, когда наши части начали уже отступление, к штабу армии, на станцию Чумляк, прибыл новый транспорт с ранеными. Французский офицер, состоящий при Западной армии, майор Каруель, просил разрешения сопровождать меня при обходе раненых, чтобы раздать некоторым, особенно отличившимся, французские военные кресты. Наши офицеры, солдаты и казаки, только что вышедшие из многодневных тяжелых боев, лежали и сидели со свежими ранами, весело разговаривая, блестя улыбками. Вот группа волжан.

— Ничего, Ваше Превосходительство, не может большевик выдержать; все равно мы его за Волгу прогоним, — говорит здоровенный самарский крестьянин-стрелок, поддерживая левой рукой правую, в которой ружейная пуля раздробила кость.

— Куда ему выдержать! Как мы пошли в атаку, а лямбурские казаки вместе с нами с флангу, так они и побежали, даже готовый обед бросили нам в котлах, — торопливо рассказывает пересохшими губами маленький худой казанец, раненный в плечо. — Первый раз тут мы за десять дней пообедали как следует, а потом догнали, чтобы пулеметами спасибо красноармейцам сказать.

Кругом раздается хохот. Все раненые с уважением показывали на койку в углу, где лежал молодой офицер. Подхожу и вижу одного из старых знакомых, офицера с Русского Острова, штабс-капитана Р. Красивое загорелое лицо с горящими глазами, возбужденно смотрящими из-под белой повязки, обнаженная молодая здоровая грудь тяжело дышит и ходит выступившими ребрами. Р. был ранен в голову, в грудь и сильно контужен; последствием этого явилась временная потеря речи.

— Вот, не угодно ли посмотреть, — докладывает юркий и очень подвижный доктор Беленький. — Штабс-капитан вынес на себе из боя пулемет, два раскаленных стрельбой ствола кольта, вот следы ожогов...

С обеих сторон шея офицера была покрыта ровными, точно татуировка по линейке, коричневыми черточками, это ему прожгло кожу винтовой нарезкой ствола, когда он со своей ротой отходил последним от Челябинска.

* * *

Несмотря на отход, значение Челябинской операции было весьма существенно. Бои и действия наших войск показали, что мы имеем все шансы разбить большевиков; в войсках укрепилась уверенность в своих силах. Кроме того, население этого большого и абсолютно антибольшевистского района увидело на деле, убедилось, что были приложены все усилия спасти их от большевиков; казаки, крестьяне и башкиры, участвуя сами и будучи свидетелями этого одного из самых больших сражений, знали, как много работы и жертв было принесено, чтобы разбить силы и стремления красных завладеть Челябинским краем; знали и то, что наше отступление произошло не по вине Западной армии.

Эти тяжелые бои, — а они стоили нам свыше 5 тысяч потерь убитыми, ранеными и пленными, большевики, по их же документам, потеряли больше 11 тысяч человек, — эти бои скрепили армию в сильный, хорошо слаженный и жизненный организм. Лично я, как командующий армией, получил полную веру в свои войска и не сомневался в том, что при правильной организации тыла наша окончательная победа над большевиками обеспечена. Так же думали и чувствовали все мои помощники.

Ближайшее же время подтвердило правильность этих выводов. Моей армии пришлось отходить от Челябинска при невозможно тяжелых условиях: все время висела угроза на нашем правом фланге, почти каждый день большевикам удавалось выходить в тыл уральцам, отрезая их от линии сообщения и от Волжского корпуса. Нам приходилось проявлять огромное напряжение, чтобы парализовать эти попытки. Шли ежедневные бои, почти все части делали большие, часто форсированные переходы и сложные маневры. Велась самая интенсивная работа армейского тыла, чтобы справиться с эвакуацией и не оставить ничего красным. Так проходила в течение всего августа армия огромные пространства, отступая на восток, входя в Западную Сибирь.

В то же время, справляясь с этой сложной работой, мы начали готовиться к новому наступлению, стремясь обеспечить на этот раз успех его от всяких случайностей; прежде всего было необходимо иметь достаточный запас людей для пополнения убыли в частях, надо было наладить подачу на фронте осеннего теплого обмундирования и собрать хотя бы небольшие резервы.

После Челябинска мы вступили в богатые плодородные степи Западной Сибири. Равнина ее, которая тянется на тысячи верст, перерезывается с запада на восток одной железнодорожной магистралью,

проходящей через города Курган, Петропавловск, Омск, Новониколаевск. Все эти города лежат на больших реках, протекающих в меридиональном направлении, с севера на юг. Тобол, Ишим, Иртыш и Обь — эти реки представляют собою единственные преграды и препятствия, которые могли быть использованы нашими армиями для временной задержки наступления красных; с этих же рубежей мы могли предпринять новое наступление.

А наступление было необходимо, ибо без него делалось безнадежно, а значит, и бессмысленно самое продолжение войны. Армия имела в себе силы добиться успеха, и произвести полный перелом хода кампании армия могла. Но наступление можно было начать только тогда, когда вполне будут обеспечены результаты его, чтобы новые жертвы и огромное напряжение фронта не пропали даром и были бы широко поддержаны тылом. Надо было сделать точный расчет всех ресурсов, провести подготовку средств и сил, составить план использования их.

После Челябинской операции вся эта работа была взята на себя генералом Дитерихсом, ставшим во главе всего Восточного фронта, в который входили три неотдельные армии: 1-я Сибирская — генерала Пепеляева, 2-я — генерала Лохвицкого⁷⁶ и 3-я — моя. Южная армия генерала Белова⁷⁷ оторвалась с конца июля и вела самостоятельные операции против большевиков, имея ареной своих действий пустынную киргизскую степь без дорог и населенных пунктов; она потеряла связь также и со Ставкой и, предоставленная самой себе, переживала тяжелую драму, осложнившуюся нерешительностью, куда Южной армии отходить и на что базироваться. В эти дни ни Ставка, ни фронт не имели никаких сведений о Южной армии, и только через два месяца части ее начали выходить южнее Петропавловска, пережив много тяжелого, совершив поход, равный походу Ксенофонта.

1-я и 2-я армии, как уже было сказано, сосредоточились в районе между реками Тоболом и Ишимом, куда они были стянуты генералом Дитерихсом еще в конце июля, после авантур Гайды. Здесь эти армии, образованные из того, что осталось от прежней Сибирской армии, должны были пополниться, переформироваться, принять организованный вид и подготовиться к новому наступлению.

Западная армия была переименована в 3-ю неотдельную армию; ей была поставлена задача выделить не менее пяти дивизий в резерв, перебросить их быстро по железной дороге в тыл, пополнить и подготовить к наступлению. Сначала этим районом был назначен город Курган и река Тобол; но тяжелые бои и условия отступления 3-й армии после Челябинска не дали возможности выполнить этого; нельзя было

вывести в резерв хотя бы одну дивизию, так как все части были в постоянном движении, маневрах. Возьми мы с фронта в это время в тыл хоть одну часть, остальные не справились бы с боевыми задачами, и Западную армию постигла бы участь Сибирской.

Только переправившись через Тобол, мы получили передышку и вышли из-под вечной угрозы быть отрезанными от железной дороги. Только перейдя через Тобол, 3-я армия получила возможность выделить пять дивизий, быстро перевести их эшелонами за 250 верст в тыл на реку Ишим, в район города Петропавловска. Здесь начали проводить спешные меры подготовки к наступлению, срок которого был определен секретным приказом на первые дни сентября. Наступило время, и армия дала все то, что общей дружной работой за весь летний период накопила для успеха решительного наступления. Надо сказать правду, что работа эта дала блестящие результаты; менее чем в две недели армия смогла влить в себя такие разнообразные силы и так организовать использование их, что уже через месяц после челябинских боев была готова к новому генеральному сражению. Но для этого потребовалось напряжение всех сил, был израсходован весь запас без остатка.

Сущность реформ, проведенных главнокомандующим Восточным фронтом генералом Дитерихсом, заключалась в том, что Ставка как командный центр армиями упразднялась; от нее остался лишь небольшой, сравнительно, состав для несения службы связи Верховного Правителя с армиями генералов Деникина, Юденича и Миллера. С другой стороны, армии были преобразованы в неотдельные, то есть у них были отобраны все права и обязанности по части мобилизационной, организационной и заготовительной. Из этих обрывков сверху, от Ставки, и снизу, от армий, был образован новый центр — штаб главнокомандующего Восточным фронтом, или, как он был назван в угоду моде, — главковостока. Все заботы, обязанности и все права отныне должны были сосредоточиваться в этом штабе. Он брал на себя добровольно тяжесть координации общих усилий и напряжений для обеспечения успеха борьбы.

Армии могли теперь обратить все свое внимание и работу на чисто боевое дело, не отвлекаясь на подготовку и обеспечение его в тылу. В связи с этим районы армий были сильно уменьшены и из них образован один тыловой округ с подчинением его также непосредственно главковостоку. Точно так же работа железных дорог на театре военных действий выходила теперь из ведения армии и сосредоточивалась целиком в штабе главнокомандующего. С одной стороны, было стремление к централизации и объединению, а с другой — к разгрузке боевых армий от кропотливой и тяжелой работы в тылу.

Понятно, теоретически это было не только правильно, это было необходимо. Но на практике получалось другое. Как уже было сказано, Западная армия, а ранее и Сибирская, имея у себя большой тыловой район, обладая правами и неся обязанности отдельной армии, могла заботиться о всем необходимом сама, обеспечивала себя во всех отношениях и знала истинное состояние всех ресурсов. Большая работа, проведенная с мая по сентябрь, дала к осени результаты; мы могли теперь вливать в корпуса и дивизии совершенно готовое и одетое пополнение, распределять по полкам свой, собранный армией и подготовленный за эти три месяца, запас офицеров, эшелонировать все виды снабжения и давать их войскам без отказа. А главное, мы могли строить все расчеты наших операций и боев на точных данных, мы были хозяевами вполне.

Произведенная ломка снимала с командующего армией все эти многосложные обязанности и ответственность; отныне заботы о снабжении армий всем необходимым брались на себя главнокомандующим. Это вполне нормально и, кроме облегчения, не принесло бы ничего. Но на самом деле было не так, — условия того времени были так далеки от нормальных, тыл оказался настолько неорганизованным, что фактически заботы, снятые с армии, обязанности и права, отобранные от нее, повисли на время в воздухе. И как показали ближайшие события, реформы принесли вместо улучшения и облегчения большой вред. Надо было сначала подготовить тыл, провести быстрые и решительные реформы там, наладить безотказную работу и лишь после того ввести управление армиями в нормальную линию централизации. Так это представляется не только теперь, через призму прошлого времени, это было ясно и в те дни; я и мои ближайшие помощники делали тогда ряд представлений, пробовали доказать вред ломки, но, не достигнув ничего, обратили все силы на работу при новых условиях.

С упорными боями, сдерживая натиски красных, армия отходила от Тобола на Петропавловск, усиленно готовясь к новому своему удару, к переходу в наступление. Готовились к наступлению также 1-я и 2-я армии. Генерал Иванов-Ринов, атаман Сибирского казачьего войска, прибыл в конце лета в Омск, сумел вызвать необычайный подъем и развить огромную энергию среди казаков. Он работал не покладая рук над созданием казачьего корпуса, чтобы к сентябрю выставить его на фронт и тем усилить наше наступление.

Дважды приезжал за это время отхода от Челябинска на Петропавловск ко мне в армию Верховный Правитель адмирал Колчак, чтобы лично проверить нашу работу и видеть условия, в каких она протекала.

ла. Однажды, когда мы ехали автомобилем к передовым частям, адмирал обратился ко мне в разговоре с вопросом:

— А почему Вы без револьвера?

Я ответил, что мой тяжелый наган, казенного образца, вожу всегда с собою, но носит его мой ординарец, унтер-офицер.

— Так нельзя, — возразил А.В. Колчак. — Надо иметь постоянно при себе. Вот смотрите, я ношу всегда сам, — добавил он, ударив рукою по маленькому браунингу, висевшему в чехле у его пояса. — Мало ли что может случиться! Необходимо иметь непоколебимое решение быть всегда готовым выпустить шесть пуль, защищаясь, а последняя себе. Живым в руки нам даваться нельзя...

Примерно через месяц ко мне явился офицер-ординарец адмирала и передал от него сверток: карманный испанский парабеллум № 21727 и письмо. Привожу этот небольшой случай, но характерный, рельефно показывающий три стороны: взгляд покойного А.В. Колчака на положение, в котором приходилось тогда вести работу — с постоянной мыслью о последней пуле для себя; его исключительно внимательное отношение к нам, офицерам; небольшая иллюстрация того, как стоял у нас в армии вопрос с оружием. В последние приезды перед сентябрем адмирал имел очень утомленный, даже усталый вид. И каждый раз, уезжая, он говорил мне:

— Вы знаете, здесь на фронте отдыхаешь — так все хорошо, просто, такая здоровая атмосфера настоящего дела. Если бы они могли так же работать в тылу!

* * *

Ранняя осень. Золотые дни, румяные закаты, только ночи удлинились, и дышат они уже холодом приближающейся зимы. Необозримые поля Западной Сибири убегают к бледно-голубому горизонту, волнуясь и переливаясь пышными темно-золотыми колосьями созревших хлебов. Урожай в 1919 году повсюду был на редкость обильный. Теплая мягкая осень напоминала собой весну и была очень подходящим временем для широких активных действий.

29 августа мы получили приказ главкостока закончить быстро всю подготовку, сосредоточить силы и в первых числах сентября перейти в наступление, атаковав красных. План действий 3-й армии заключался в следующем. Волжский корпус и арьергард Уфимского сдерживали напор красных по обе стороны Сибирской железной дороги; в то же время на обоих наших флангах сосредоточивались ударные группы, которые должны были с двух сторон обрушиться

на большевиков. А Уральский корпус (две дивизии) перебрасывался скрытно вверх по Ишиму на наш крайний левый фланг, откуда предполагалось вывести его большим кружным путем в тыл красным и тем закончить их окружение.

1 сентября 3-я армия начала выполнение этого плана. Генерал Каппель, усиленный Ижевской дивизией, сдерживая натиск красных, сам перешел в наступление, сильно потрепал к югу от железной дороги одну советскую бригаду. Генерал Космин с двумя дивизиями уральцев совершал в полной скрытности глубокий обход; у генерала Войцеховского с Уфимским корпусом вышла заминка.

Все эти дни, окончив предварительные распоряжения, я проводил среди своих боевых частей, переносясь на автомобиле с одного фланга на другой, чтобы лично все проверить, убедиться на месте в правильности расчетов, помочь напряжению воли. 2 сентября рано утром приехал в район Уфимского корпуса. 4-я дивизия на рассвете перешла в наступление и взяла очень удачно направление в тыл наступающим здесь красным. Были захвачены обоз одного красного полка, пленные и даже полковой комиссар. Но вместо того чтобы использовать первый успех и ударить сзади по большевикам, командовавший дивизией полковник С. повернул и направился обратно к своему исходному положению. Дивизия сделала вперед и назад около 35 верст, измоталась почти безрезультатно. Пришлось дать людям отдых перед тем, как начать снова маневр.

Вторая дивизия уфимцев, 8-я Камская, тоже перешла утром в наступление у деревни Жидки, но атака не удалась, красные оказали сильное, упорное сопротивление; было приказано в 4 часа дня атаковать вторично. Я поехал на место боя, чтобы помочь лично руководству его. По дороге встречаю крестьянина на лошаденке без седла; гонит он ее, болтает в воздухе локтями, рот открыт, глаза выкачены от страха, шапка упала, и по ветру развеваются длинные пряди полуседых волос. Увидал всадник наш автомобиль и еще издали начал кричать благим матом:

— Куда вы, куда вы! Вороча-а-айте назад!

Остановили мотор. В чем дело?

— Да как же, все наши отступают; уж Красна армия на Еропкино вышла. Так и гонит войска по всей линии...

И он поскакал, охваченный паникой, дальше.

Загадка. Часы показывали без двадцати минут четыре, приближалось время атаки Камской дивизии. Поехали дальше. Вот из небольшого перелеска показались повозки, направлявшиеся нам навстречу.

— Какого полка?

— 31-го Стерлитамакского.

— Где полк?

— Да вот тут, в лесу этом самом, — на ходу получили ответ.

Действительно, на полянке, в роще, стоит полк; здесь же штаб дивизии. А на опушке рощи идет, все усиливаясь, ружейная и пулеметная трескотня. Автомобиль подъехал к самому полку.

— Что у вас происходит? — спросил я начальника дивизии генерала Пучкова⁷⁸.

— Красные перешли в наступление...

— А вы получили приказание атаковать их в четыре часа?

— Так точно, но теперь невозможно.

Этот отличный боевой офицер находился, к сожалению, в полном упадке сил, потерял дух. И немудрено, ведь с 1914 года он был непрерывно на войне, сначала три года на немецком фронте, а затем на Волге, на Белой и на Уральских горах — против большевиков.

Генерал Пучков старался доказать мне всю безнадежность попытки перехода в наступление, что это не удастся, что слишком выдохлись и успех невозможен.

— Вам лучше сейчас же уехать, Ваше Превосходительство, — закончил он, обращаясь ко мне, — а то не ровен час...

— Как Вы не понимаете, что никто не имеет права уезжать сейчас!

Я отвел его в сторону и вполголоса, чтобы не слышали другие, принялся серьезно внушать ему всю гибельность для дивизии и для всей армии подобных взглядов. Затем громко, в полный голос, передал об успехах волжцев и уральцев, пристыдил и приказал двинуть резервы в контратаку. Обошел ряды полка, произвел отличившихся ранее офицеров, наградил Георгиевскими крестами стрелков.

Кто был в боях, тот легко представит себе картину этого осеннего дня. Лес набит пехотой; солдаты лежат и сидят группами; многие жуют хлеб, иные переодевают портянки и сапоги. Здесь же, на полянке, батареи судорожно, спешно, но в то же время привычно-уверенно готовятся к работе. Деловитая суета и в ближайшем полковом тылу — разворачивается перевязочный пункт, выкладываются патроны из двуколок, дымят и раздражающе вкусно пахнут ужином походные кухни. Все так заняты работой и необходимым простым делом, каждый старается гнать прочь мысль о предстоящем бое и о возможности близкой смерти. Только лица все как-то потемнели, глаза смотрят остро и внимательно, голоса стали глуше. В воздухе, несмотря на громкие звуки выстрелов и свист пуль, кажется зловеще-тихо, как перед грозой. И все следят, чутко, напряженно, за сво-

ими начальниками. Не потерял он присутствия духа, сохранил веру, до конца проявил свою волю, — победа и успех обеспечены. Но если слабость скует его мозг, если поддастся он страху и проявит отчаяние, — горе и ужас тогда: дрогнут ряды, паника охватит всех и стройные части обращаются в бесполое стадо.

Через несколько минут заработала наша артиллерия. Полк выдвинулся из резерва, вправо рота за ротой перебежали скрыто рощей, развернулись и с криком «Ура!» кинулись в атаку...

К вечеру деревня Жидки была взята камнями. За этот день отбили все контратаки красных и волжане, причем Ижевская дивизия вышла во фланг противнику и разгромила один советский полк. Ижевцам пришлось вести бой на три фронта, их батареи стреляли во все стороны. Красные здесь усилились и старались разбить Волжский корпус, преградивший им кратчайший путь на Петропавловск.

Ночью мой автомобиль мчался на крайний левый фланг, где Уральский корпус должен был совершить решительный марш-маневр и ударить по тылам большевиков, отрезать их от путей отступления. Темная сентябрьская ночь, полная ярких мерцающих звезд. Необозримые пространства сибирских степей тонут в ночных черных тенях, сливаясь с черным небом; тишина нарушается только свистом холодного осеннего ветра да равномерным стуком автомобильного мотора. Мы едем, я с адъютантом и ординарцами, кутаясь от ночного сырого холода и нервности от всех ощущений дня. Едем десятки верст черной молчаливой степью, без признаков жилья; пролетели давно уже те деревни, в которых вчера были уральцы.

— С утра, батюшка, уши, спозаранку поднялись и пошли войска-то, — объясняла нам испуганная молодуха сибирячка в последней деревне и махнула рукой на северо-запад. На наш стук в окно она выскочила, сонная, в одной сорочке, накинув полушубок. Яркий свет автомобильных электрических фонарей освещал ее бледное милое лицо и широкие испуганные глаза, еще полные ночной неги и сновидений. И так ласково и грустно прозвучало сзади ее последнее приветствие:

— Дай Бог вам, родимые...

И снова бездонная пропасть ночи и бесконечные пространства степей. Вдаль вдали замерцали такие же далекие, как звезды, светящиеся точки костров. Все ближе и ярче, все больше их, целое море огней. Автомобиль надала ходу. И скоро мы подъехали к бивакам двух дивизий Уральского корпуса. Они уже вышли на указанную конечную линию. Завтра с рассветом уральцы двинутся дальше и пересекут главный путь отступления красных. На этот раз успех был несомненен, все расчеты оправдались.

На следующий день, 3 сентября, красные кинулись назад, чтобы не попасть в окружение. Два дня шли тяжелые бои. Здесь были лучшие коммунистические дивизии, 26-я и 27-я; надо отдать справедливость, что эти 18 русских красных полков проявили в сентябрьские дни 1919 года очень много напряжения, мужества и подвигов, которые в Императорской армии награждались Георгиевскими знаменами. Они бросались, ища выхода, в разные стороны, проявляя высокий дух и доблесть, и частью прорывались ночными боями почти из полного замкнутого кольца. А под деревней Чебачьей они нанесли даже сильное поражение нашей 7-й Уральской дивизии.

В то же время красное командование принимало срочные меры, чтобы ликвидировать наш успех и перевернуть ход операции снова в их пользу, вырвать у нас инициативу. Они начали сосредоточивать войска, повернув обратно на восток 5-ю и 35-ю советские дивизии, направленные было по железной дороге на Южный фронт против генерала Деникина. Этот прямой первый результат успеха доставил нам большую радость и удовлетворение, так как мы помогли своим, облегчили их положение.

Сосредоточив в районе железной дороги сильную группу войск, большевики двинули ее на юго-восток, чтобы в свою очередь обойти фланг нашего Уральского корпуса и ударить в тыл моей армии. Движение их было очень быстрое; надвигалась для нас опасность не только потерять все результаты первого успеха, но снова попасть в прежнее положение обороны, прикрытия своего тыла и вечной опасности. Надо было принимать неотложные и быстрые меры. Я приказал Уральскому корпусу сделать полный поворот, на 180 градусов, усилил его Ижевской дивизией. Было решено произвести теперь удар с севера на юг, в левый фланг красных, двигавшихся нам в обход. К этому же времени подошел Сибирский казачий корпус генерала Иванова-Ринова, совершив свои передвижения в полной тайне и скрытности, и сосредоточился к югу от Петропавловского тракта, которым двигались главные силы большевиков.

9 сентября произошли жестокие бои в районе станицы Пресновской, причем нами был произведен согласованный удар — с севера уральцами, с юга сибирскими казаками. Большевики, не ожидавшие этого удара, дрогнули и побежали, бросая пушки, пулеметы и обозы. Наша победа была полная.

Накануне ко мне в штаб приехал адмирал Колчак с некоторыми его министрами, генерал Нокс и огромная свита. Адмирал отправился на автомобиле к Уральскому корпусу и прибыл туда как раз в то время, когда наши части гнали красных, захватывая тысячи пленных.

Всех охватила неопишуемая радость и подъем духа; казалось, что наступил решительный перелом, что этот удар будет окончательным. Так оно и было бы, но при одном неперемennom условии — всеобщего напряжения всех сил на поддержку победоносной армии, для развития успеха.

Русское дело держало экзамен в эти дни сентября 1919 года; теперь наступила проверка того, как справились с организацией тыла, насколько сумели взять его в руки. Армия снова доказала свою способность, жизненность, силу и умение. Но для победы общей, для закрепления успехов военных нужно было еще многое.

Все части 3-й армии понесли значительные потери в этих первых боях; 9 сентября я обратился по прямому проводу к главковостоку с докладом о положении в армии и о необходимости присылки теперь же пополнений для сильно поредевших частей нашей армии.

Правее нас стояла 2-я армия генерала Лохвицкого, которой не удавалось перейти в наступление, сбить красных; после нескольких дней встречных боев большевики даже частично потеснили 2-ю армию. Они усилили здесь свой удар, чтобы с этой стороны парализовать успех нашей армии, которая в это время заняла сильно выдвинутое положение, причем Уфимский корпус наступал в общем направлении на юго-запад, имея задачей разбить и отрезать 27-ю советскую дивизию.

Заминка 2-й армии грозила расстроить все планы главковостока; необходимо было помочь ей, чтобы спасти общее положение; нельзя было терять ни дня. Пришлось предпринять новую операцию, не окончив вполне еще первой. Я повернул главную часть сил Уфимского корпуса также почти на 180 градусов, направив их удар теперь в северном направлении. Удар пришелся как раз во фланг и частью в тыл красным, теснившим 2-ю армию; уфимцы быстро выдвинулись вперед, почти на половинное протяжение всего фронта 2-й армии, которая после этого получила возможность повести успешное наступление.

Но 27-я дивизия большевиков ускользнула от окончательного разгрома и смогла отступить на два перехода; там она получила свежее подкрепление и снова перешла в контрнаступление, чтобы прорвать сильно растянувшийся теперь фронт Уфимского корпуса.

Можно представить, как растянулся фронт и всей моей армии; вначале первый удар был объединенный и сходящийся к железной дороге. Но затем пришлось бить от середины: уральцами на юг, уфимцами на север. Эти три последовательных удара, следовавшие без перерыва один за другим, дали нам перелом, создали военный успех, обеспечили победу, но они же поставили 3-ю армию в тяжелые условия, выйти из которых своими собственными силами она могла с большим трудом.

Начались самые упорные и жестокие бои за весь этот период нашего наступления, за всю Тобольскую операцию. Главная тяжесть их выпала на долю 12-й Уральской дивизии и Морского батальона⁷⁹, которые доблестно отбивали все атаки и сломили в конце концов большевиков.

Пребывание в штабе армии гостей из Омска затянулось и сильно мешало работе, отвлекая и меня, и штаб на несколько часов ежедневно; поэтому я почувствовал облегчение, когда через шесть дней было объявлено об их отъезде. Верховный Правитель за это время объехал почти все войска, раздавал награды, причем он настоял на присуждении трем командирам корпусов, генералам Каппелю, Космину и Войцеховскому, а также и мне ордена Святого Георгия 3-й степени. При объездах передовых линий адмирал Колчак лично видел малочисленность наших частей, так как бои шли не прекращаясь ни на один день, потери увеличивались и росли непомерно, а пополнений мы не получали с тылу ни одного солдата; адмирал знал фактические цифры наших потерь; при своем объезде он обещал мне употребить все усилия, чтобы прислать подкрепления и свежие части резерва.

15 сентября я вновь сделал настойчивое представление главковостоку как о значительных потерях наших, так и о самой настоятельной необходимости присылки свежих частей и пополнений; генерал Дитерихс обещал сделать все возможное и указал, что через неделю начнет подавать в 3-ю армию эшелоны.

На обеде, который адмирал Колчак дал у себя в поезде в день отъезда, произошел один случай, который, несмотря на его незначительность, нельзя обойти молчанием. Разговор свелся на большевиков, на развал ими Великой России и на то, что руководящая роль принадлежит иудеям, которые фактически захватили всю власть в свои руки. Сидевший рядом со мною француз, храбрый офицер и в высшей степени порядочный человек, высказал такую мысль:

— Да это племя, иудеи, всюду ищут власти не для добра другого народа и страны, а для своих каких-то особенных целей. Вот и наша официальная Франция — она теперь нисколько не выражает нашей страны, духа французского народа. И пока не выгонят евреев, не вырвут у них власть, прекрасная Франция не будет сама собой.

Многие заинтересовались. Генерал Нокс просил повторить, так как он плохо слышал. Все соглашались, что наступившие годы и череда событий доказывают несомненно стремление евреев захватить не только мировое влияние, но и власть над миром. Казалось, что не было теперь сомневающихся, стыдящихся смотреть истине прямо в глаза, подобно многим из так называемых «русских интеллигентов» эпохи 1900—1918 годов.

Через несколько дней майор Каруель пришел в полной форме ко мне прощаться, так как он получил повышение по службе и новое назначение в Омск, в штаб генерала Жанена. Обоим нам было грустно расставаться, так как, по выражению майора Каруеля, мы пережили вместе столько *des jours penibles et des jours heureux* в 3-й армии, сжились за это время и подружились. Но приказ для солдата прежде всего. Весь штаб сердечно проводил общего любимца майора Каруеля.

Но вот, примерно дней через восемь—десять, получили из Омска сведение, что майор арестован и под конвоем отправлен во Францию, что будто ему ставится в вину какое-то тяжкое обвинение — у его возлюбленной нашли секретный французский шифр и ключ к нему. А надо сказать, что эта дама сердца была немудрящая, простая женщина, интересовавшаяся только одними сердечными вопросами; контрразведка армии имела за ней наблюдение и выяснила ее вполне; никогда ни до каких вопросов политики, а тем более до военных секретов и тайн она не касалась, да и по-французски-то почти не говорила. Непосвященные поражались. Для знающих же предыдущие события невольно они связывались, и вспоминалась горячая реплика майора Каруеля, что для счастья Франции надо выгнать оттуда иудеев.

Должен сказать несколько слов о контрразведке 3-й армии. Более образцовой службы мне не случалось встречать. На это тяжелое дело шли к нам, именно сюда, лучшие люди, честные, неутомимые и храбрые; среди них большинство были с высшим университетским образованием. Поэтому здесь не было места тем ненормальностям и злоупотреблениям, какими иной раз грешили другие контрразведки; в 3-й армии все было чисто и справедливо. Но зато не было ни малейшей поблажки и спуска разрушителям русской государственности. Не покладая рук, зачастую рискуя своей жизнью, чины армейской контрразведки открывали каждую противоправительственную партию, заговор, вылавливали большевистских агитаторов и всех сродственных им, уничтожая социалистическую заразу в корне. Оттого-то и не заводилось эсеровское предательство в районе моей армии.

* * *

Наше наступление развивалось. Я напрягал последние силы, требовал и добивался того же от всех чинов армии. Все наши боевые задачи были выполнены; было сделано больше — мы нанесли три сильных удара большевикам — в центре, на севере и на юге, выполнив часть задачи 2-й армии, разбив красных везде.

Как недавнему участнику всех этих боев, этого нового подвига Русской армии — мне трудно описать его достаточно полно и ярко. Найти подходящие краски, осветить события, их причинность и значение — дело будущего историка. Я должен только указать на общий ход событий и на самую сущность происходившего. Ведь армия, которая отступала четыре месяца, прошла с этими тяжелыми отступательными боями свыше 2 тысяч верст, не только не развалилась, но не потеряла своей боеспособности и духа; более того, армия нашла в себе самой силы, ибо резервов с тылу подано не было, — нашла силы перейти в решительное наступление и нанести полное поражение врагу. Случай небывалый.

— Это только одни русские могут делать такие чудеса: после двух тысяч верст отступления перейти в такую удачную контратаку, — говорил совершенно искренне английский генерал Нокс в его последний приезд ко мне в армию.

Ведь ясно для каждого, что такое напряжение и такой успех могли быть результатом только полной веры в свое дело со стороны всех масс наших, нашей чисто народной армии. Эта вера двигала на чудеса, а чудеса создавали дальнейший подъем и удесятерляли силы. Вместе с тем росла уверенность в окончательной победе национальной идеи над черными враждебными силами кровавого интернационала. Никогда не были мы так близки к победе, как в эти дни. Но главная трудность заключалась теперь в том, что наши ряды все более и более редели, красные же, наоборот, с каждым днем усиливались; они вливали, подавая непрерывно с тылу, подкрепления из своих запасных частей, они повернули на восток еще одну дивизию (21-ю советскую) и конные части, направленные было на Деникинский фронт.

19 сентября я вновь пригласил к прямому проводу главнокомандующего, доложил ему обстановку и затруднения, настойчиво просил о присылке пополнений; иначе было немыслимо ставить новые боевые задачи, тратить свои силы, добиваться успеха, чтобы потом все потерять. На этот раз я получил определенные обещания, что мне будет прислано в течение первой недели 10 тысяч пополнений, на вторую неделю еще 10 тысяч и, кроме того, партизанская бригада полковника Красильникова. Этого было достаточно и вполне удовлетворило бы армию. Имея это обещание, мы напрягли новые усилия и продолжали сбивать красных с каждой позиции, гнать их к Тоболу.

Операция свелась теперь к труднейшему и малорезультатному фронтальному наступлению, которое не могло уничтожить армию противника, оставляя его тыл и пути отступления без разрушения. Это произошло вследствие двух причин: во-первых, 3-й армии пришлось бить

своим правым флангом на север вместо юго-запада, чтобы помочь 2-й армии; а во-вторых, и это главное, — масса конницы, сосредоточенная на нашем левом фланге, после успеха в бою под станицей Пресновской, после разгрома 5-й и 35-й советских дивизий проявила очень большую пассивность и потеряла много времени, вместо того чтобы стремительно вынестись к Кургану и разгромить тылы красных, отрезать их силы от переправ на Тоболе. Ну, на это были свои оправдания: иррегулярность молодого Сибирского казачьего корпуса, плохой конский состав его, запутанные и противоречивые задачи, поставленные его главквостокком. Была упущена блестящая и большая возможность обратить нашу первую победу в разгром красных.

Поэтому-то нам и приходилось в течение более двух недель, шаг за шагом, бить большевиков в целом ряде непрерывных боев, производя постоянные маневры одними и теми же силами. При этом надо сказать, что эти силы наши были численно меньше действовавших против нас красных. Почти на каждом участке многоверстного фронта армии нашим частям приходилось атаковать сильнеешего противника. Это было возможно только при постоянных перегруппировках и перебросках полков и дивизий с одного фланга на другой, чтобы создавать в нужных местах перевес в силах. Можно представить, как эти форсированные марши и маневры утомляли войска. Бои, упорные и жестокие, так как большевики не только оказывали нам стойкое сопротивление, но и сами пытались переходить в контратаки, — бои с каждым днем уменьшали наши силы. Тыл же по-прежнему оставался безучастным и не подавал подкреплений.

Многочисленные просьбы и доклады о тяжелом положении вызывали успокоительные ответы и обещания. И это было еще хуже, так как в ожидании этих обещанных свежих резервов, рассчитывая на них, мы расходовали свои последние силы. Чтобы закончить начатую операцию и опрокинуть красных за Тобол, было введено в боевую линию все, опять включительно до моего личного конвоя; я отправил две роты егерей штаба 3-й армии генералу Каппелю, на три дивизии которого в конце операции выпали самые трудные задачи, так как в полосе железной дороги большевики сосредоточивали всего больше своих войск, прибывающих в эшелонах из Центральной России.

Серый сентябрьский день, дождик, мелкий и назойливый, сеял уже вторые сутки и развел ужасную грязь. Из частой сетки его проглядывала полуголеные желтые перелески, унылые снятые поля, маленькая железнодорожная станция со взорванной красными при отступлении водонапорной башней. Здесь стояли две роты егерей, готовых идти на фронт. Обходя ряды их, я видел в глазах всех офи-

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

церов и солдат одно желание идти и победить, уверенность в успехе. Ведь весь сентябрь мы всюду били большевиков, гнали их по всему фронту.

С бодрой песней и с молодым блеском возбужденных близким боем глаз шли егеря на поддержку волжан. Тонула в туманной дали дождливого дня их колонна, сливалась в мутное движущееся пятно, таяли и терялись в воздухе могучие аккорды русской военной песни...

Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую!
И как один прольем
Кровь молодую .

Через несколько часов егеря вошли в боевую линию, новый порыв, и последняя станция перед Тоболом была взята. Даже такой незначительный прилив свежих сил мог дать решительные результаты!

На другой день привезли раненых. Две мои егерские роты потеряли из 300 человек более 100 убитыми и ранеными, но зато помогли сломить последнее сопротивление большевиков, взяли много пулеметов и захватили в плен целый советский батальон. Я обходил раненых. В углу лежал молодой егерь с обвязанной головой — пуля пробила ему череп. Белая повязка с проступившей кровью закрывала лоб и падала на опущенные ввалившиеся глаза. Лежавший рядом егерский офицер с простреленной грудью доложил мне, что раненный в голову егерь кинулся первым на пулеметы и упал раненым уже после того, как прикладом свалил большевика-комиссара. Я взял у адъютанта Георгиевский крест и осторожно, чтобы не разбудить раненого, приколот его на грудь егерю. Но он открыл глаза, большие, блестящие радостным блеском, и начал быстро говорить, двигая с трудом своими запекшимися губами:

— Благодарствую, Ваше Превосходительство... ох... покорно благодарю. — И он нежно, торопливо гладил и новенький крест на черно-желтой ленте, и мою руку. — Как эт-то мы побежали в атаку... пулеметы их трещат, наши стали падать ранеными... ну, залегли мы в канаве... Вижу я... ох... вижу, красные солдаты руки поднимают сверху, сдаваться хотят... Мы было к ним, а тут как раз из леса выбежали комиссары и давай красноармейцам грозить револьверами... ох...

— Помолчи лучше, голубчик, тебе нельзя говорить, — остановил егеря доктор.

Тот перевел на него глаза, посмотрел строгим, мимолетным взглядом и зашептал еще быстрее:

— Смотрю я, красноармейцы заругались с комиссарами; один комиссар взял, да как стрелнет в голову одному своему пулеметчику, а он все руки кверху поднимал... идите, значит, — мы-то, — берите нас... Упал тот замертво. Ну, не стерпел я, прыгнул и побежал в атаку... Бегу и все норовлю комиссара-большевика достать. А он в меня все стрелит. Ну как добежал, да как хвачу его прикладом, так он и повалился.

Усталый егерь откинулся на подушку и снова закрыл глаза.

Через несколько коек дальше встает при моем приближении другой егерь, молодой безусый парень, и стоит, неестественно как-то согнувшись в поясице. Тихая ласковая улыбка трогает его бескровные губы.

— Мы, Ваше Превосходительство, вместе с им в атаку бежали...

— Куда ранен?

— Вот сюды, в живот, — показывает он пальцем.

— Как в живот? Чего же ты стоишь, когда лежать должен.

— Никак нет, Ваше Превосходительство, я могу стоять, когда начальство...

— Доктор, почему он не в постели и не перевязан?

— Да, он, очевидно, не в живот ранен, — с такими ранами не стоят на ногах. Куда ты ранен, голубчик? — обратился доктор.

— Да, вот сюды, — ткнул себе пальцем на живот егерь.

— Не может быть, Ваше Превосходительство, он что-то путает.

— Ну, осмотрите его сейчас же.

Положили егеря, раздели. Оказалось, ранен пулей в живот навывлет и еле перевязан полевым санитарным пакетом.

Большинство наших раненых в этот период не хотели эвакуироваться в тыл и после нескольких дней госпитального лечения просились обратно на фронт. Так все понимали необходимость поддержать тех героев, которые изнемогали в непосильных боевых трудах, добывая для России победу, свободу и жизнь. Не понимал только этого тыл.

Верховный Правитель, вернувшись в Омск от меня, прислал также свой конвой, который вступил в бой под начальством своего командира полковника Удинцова и оказал много помощи. Но все это были капли в море; тыл пополнений для наших частей не давал.

Я не могу описать и сотой доли тех блестящих боевых дел, которые совершили войска 3-й армии. Каждый день был наполнен подвигами. Все части работали одна перед другой. Участник трех войн, перевидавший в течение моей двадцатилетней офицерской службы много боев, сражений, нескончаемую вереницу картин напряжения

воли и геройства человеческих масс, я свидетельствую, что никогда не было выносливости, самопожертвования, подъема и храбрости, подобных тем, которые Русская Народная армия проявила в эту осень 1919 года. Люди шли и дрались сутками и неделями почти без отдыха, зачастую не получая пищи, полуодетые и плохо снабженные. Но они шли вперед. И умирали, и побеждали. Ибо они видели перед своими духовными очами образ Великой Родины с окровавленным телом, в рубище, с печальными, как само горе, глазами, в которых стояли слезы позора и отчаяния. И призыв...

Благодаря беззаветному самопожертвованию командного состава, наших офицеров, и вере в успех была достигнута полная согласованность в действиях, постоянная поддержка и помощь друг другу. Только все это и давало возможность довести дело до конца. 30 сентября, после месяца непрерывных боев, красные были отброшены за Тобол. Наши войска могли свободно вздохнуть несколько дней.

* * *

Насколько поредели за время этой операции ряды 3-й армии, как мало осталось бойцов, можно судить из таких фактов: при наступлении наши действия основывались главным образом на широком применении маневра; почти всюду нам удавалось комбинированными действиями и обходами бить превосходного в числе противника. Почти в каждом деле брали в плен красноармейцев, иной раз по несколько сот человек. И вот в конце сентября этих пленных красноармейцев держали неделю, другую в ближайшем тылу, сводили в запасные роты, учили и тренировали, отбирали все вредное-зараженное, коммунистов и других партийных работников, — и затем вливали эти запасные роты в наши боевые полки. Это были последние наши ресурсы; красноармейцы пополняли белые войска. И они шли охотно, наряду с нашими старыми офицерами и солдатами; с их глаз спадала грязно-красная повязка, они убеждались, что Белая армия идет в смертный бой за Русское народное дело, чтобы спасти его из хищных крючковатых рук интернационала, этого всемирного Шейлока.

Армия не получала пополнений с тыла, ни одно обещание главвостока выполнено не было; армия в это время уже не имела своих запасных частей, да и не могла их иметь со времени своего преобразования в неотдельную. Плохо было и со снабжением. Наступил октябрь, конец сибирской осени, с длинными холодными ночами, с заморозками; а все наши части были одеты по-летнему, большинство

не имело даже шинелей. Усилились заболевания, все поголовно были простужены; только сильная природа и выносливость русского человека позволяли геройским полкам нести боевую службу в открытом поле круглые сутки.

В конце сентября начали прибывать части партизанской бригады полковника Красильникова. Я вздохнул облегченно — получалась возможность закончить операцию и дать время нашим дивизиям по очереди отдохнуть и набраться сил. Был составлен план, что генерал Капель получит партизанскую бригаду и ею усилит свой последний удар, чтобы на плечах красных переправиться через Тобол и занять город Курган. Но как раз когда бригада сосредоточилась и была готова к выполнению этого плана, мною было получено категорическое приказание главнокомандующего генерала Дитерихса: спешно погрузить части Красильникова в эшелоны и направить их через Омск на Тюменское направление в 1-ю армию Пепеляева, где большевики все это время теснили наших.

Этим распоряжением срывался весь план действий. Настроение наших частей, обрадованных полученной поддержкой, должно было неминуемо упасть; 3-я армия лишалась возможность закончить операцию и захватить западный берег Тобола с Курганом. Да и сама партизанская бригада, настроенная бодро и горевшая желанием войти в победоносные войска наши, выводилась из них и получала новую, неясную для нее задачу. Кроме того, при этом судорожном и хаотическом действии непростительно терялось драгоценное время — партизаны рисковали проехать по железной дороге и совсем не принять решительного участия в боях. Буквально все доводы были против этого приказа. Но приказ был боевой и требовал поэтому немедленного исполнения. Я донес главквосток по телеграфу все соображения и получил в ответ подтверждение о немедленной отправки бригады Красильникова.

Своими силами мы могли только отбросить большевиков за Тобол. И то было достигнуто многое. Мы получили теперь возможность оставить в передовой линии половину дивизий, выведя остальные в армейский резерв. Здесь началась усиленная работа по приведению наших усталых частей снова в боеспособное состояние; полки отдыхали, мылись в банях, пополнялись. Надо отметить, что население этого района, испытавшее власть большевиков только в течение одного месяца, так их возненавидело, что почти поголовно шло добровольцами; кроме того, возвращались в свои части все легко раненные и больные. Ежедневно шли с тыла большие их партии; настроение в армии было в высшей степени бодрое, уверенное, приподнятое. Все

стремились к новому наступлению после небольшого отдыха. И если бы мы тогда получили с тыла обещанные 20 тысяч людей, то красные полчища были бы рассеяны за Тоболом, наши сентябрьские успехи развились бы в полную победу. Россия, может быть, была бы освобождена от большевиков! Но пополнения не прибывали. Все телеграммы, настойчивые просьбы и требования оставались без ответа. Тогда, организовав оборону на Тоболе и наладив работу в армейском резерве, я отправился лично в Омск, чтобы добиться присылки необходимых подкреплений для армии, резервов и снабжения ее теплой одеждой.

Историческая столица Омского правительства показалась болотом после свежей и деловой обстановки армии. Большой город кишел толпой здоровых, молодых чиновников, барахтался в кучах бумажного перепроизводства и совершенно не понимал того опасного и критического положения, к которому мы подошли, израсходовав свои лучшие силы в Тобольской операции, когда мы гнали красных 200 верст. Я провел три дня в Омске. И то, что я увидел там, тогда же наполнило сознание мыслью, что положение почти безнадежно.

Пульмановский вагон главквосточка. Внутри большой письменный стол, заваленный бумагами, в углу стоит несколько хорутвей и знамен, висит значок братства Св. Креста. За столом сидит с утра и до поздней ночи, зачастую до 3—4 часов, генерал Дитерихс. Сильно постаревшее за последний год лицо; молодые умные глаза тщательно прочитывают груды бумаг; бегают карандаш в худой небольшой руке и набрасывает короткие резолюции. Склонившись за большим столом, сидит М.К. Дитерихс и пишет, читает, снова пишет, не только весь день, но и часть ночи. От полудня и часов до шести вечера к нему приезжают с деловыми разговорами представители иностранных миссий, офицеры, прибывающие из армий, чины министерств. Долгие разговоры, и опять большой стол, заваленный бумагами... Таков пульмановский вагон, где сосредоточены все нити антибольшевистского фронта, где должна быть централизована вся воля борьбы за возрождение России.

Выслушал генерал Дитерихс от меня подробный доклад о положении армии, о ее нуждах и о том, что напряжение, жертвы и достигнутый успех требуют немедленного продолжения операции, что неподача немедленной помощи из тыла была бы при этих условиях преступной и губительной. Несколько раз наш разговор прерывал дежурный офицер, приносящий свежие бумаги и телеграммы. Пришли около часу дня три американских офицера Красного Креста с предложением организации санитарной помощи армии и тылу.

Генерал Дитерихс, усталый сверх меры, казалось, был вне досягания жизни и настойчивых ее требований; он витал как бы в своих далеких грезах, веря в высшую небесную миссию и в чудесное избавление от большевиков. Все мои усилия разбивались об это ужасное непроницаемое препятствие. Точно на пути вырастали и опускались сотни занавесей из блестящей стальной сети; висели, колыхались, упруго поддавались ударам, но поддавались лишь на очень короткое время, чтобы только обессилеть и снова упасть прежней, непреодолимой преградой. Все же в конце концов мне было обещано направить резервы в армию и прислать теплой одежды. Но затем такая фраза:

— Все это не так важно; мне нужно только во что бы то ни стало продержаться до конца октября, когда Деникин возьмет Москву. Нам необходимо до этого времени сохранить Верховного Правителя и министров.

Вместе с генералом Дитерихсом я отправился к адмиралу Колчаку, в его особняк на Иртыше; снова сделал доклад о положении на фронте. Вывод был таков: необходимо немедленно продолжать наступление, гнать разваливающихся красных, чтобы до наступления морозов занять горные проходы Урала; для этого необходимо выполнить три условия — немедленная присылка пополнений, теплой одежды и координация действий всех армий.

Адмирал Колчак выслушал, как всегда, внимательно весь доклад. Он сидел теперь оживленный и смотрел прямо своими черными как ночь глазами, качая часто головой в знак согласия. А в конце я услышал повторение почти дословно той же фразы:

— Я знаю, как армии трудно, но ничего — продержитесь до конца октября, когда Деникин возьмет Москву...

Вечером в тот же день за обедом и после него я имел длинный и совершенно близкий разговор с адмиралом. Он, еще более оживленный и полный надежд и как будто даже помолодевший вследствие последних успехов армии, много и горячо говорил, высказывал свои задушевные мысли.

— Вы не поверите, Константин Вячеславич, как тяжела эта власть. Никто не понимает; думают, что я цепляюсь за нее. А я бы сейчас отдал тому, кто был бы достойнее и способнее меня...

В то время уже начали ходить слухи, направляемые какой-то скрытой, центральной интригой, о том, что генерал Деникин стремится стать сам во главе всего Русского дела, а с другой стороны, что генерал Дитерихс подготавливает переворот и намерен захватить власть в свои руки.

— Все равно ведь, — продолжал адмирал, — не может русский народ остановиться ни на ком, не удовлетворится никем. Будь то человек-солнце, нашли бы пятна и раздули их. И это естественно. Нельзя вычеркнуть истории великого народа, нельзя насиловать его характера, свойств и всего уклада...

— Как Вы представляете себе, Ваше Высокопревосходительство, будущее?

— Так же, как и каждый честный русский. Вы же знаете не хуже меня настроения армии и народа. Это — сплошная тоска по старой, прежней России, тоска и стыд за то, что с ней сделали...

В России возможна жизнь государства, порядок и законность только на таких основаниях, которых желает весь народ, его массы. А все слои русского народа, начиная с крестьян, думают только о восстановлении монархии, о призвании на престол своего народного Вожды, законного Царя. Только это движение и может иметь успех.

— Так почему же не объявить теперь же о том, что Омское правительство понимает народные желания и пойдет этим путем?

Адмирал саркастически рассмеялся:

— А что скажут наши иностранцы, союзники?.. Что скажут мои министры?

Верховный Правитель развил мне свою мысль, что необходимо идти путем компромиссов, и он, местами противореча сам себе, защищал точку зрения, что временное соглашение с эсерами найти нужно, так как их поддерживают все «союзные» представители. Видно было, что адмирал устал в борьбе и уже уступал.

Два дня, проведенные в Омске, прошли как долгий нудный сеанс тяжелой кинематографической ленты. Толпа, наша русская, простая, близкая, верующая в успех дела, в то, что ее ведут верно и неуклонно к концу страданий. Многоэтажные омские министерства и канцелярии, наполненные той же милой русской толпой с сильно вкрапленными гнездами вредных бездарных политиканов и партийных работников. Разнохарактерный дивертисмент иностранных военных и гражданских представителей, поющих Интернационал на мотив русских народных песен. А в темных углах, в тылу армии, куется упорно и искусно измена, готовятся сети, чтобы опутать ими восставший и свободный русский народ, повалить его снова и снова предать его во власть хищному и беспощадному врагу.

На третий день я вернулся к себе в армию, вернулся как в тихий светлый дом, к здоровому трезвому делу. Вернулся наполненный всевозможными обещаниями помощи армии, но еще более неуверенный в их исполнении.

* * *

А до чего необходима была помощь в то время! Вот одна из многих картин. 30-й Сибирский стрелковый полк выведен в резерв на три дня, чтобы дать людям время отдохнуть, поспать, помыться в бане, сменить белье. Пополнили ряды полка, чем могли, что набрали сами из выздоровевших, из добровольцев да из армейских офицерских школ. И через три дня полк получил приказ снова идти на позицию, чтобы дать возможность отдыха другой части. 30-й полк выстроен в каре около станции Лебяжья; посредине стоит аналой и священник в потертой золотой ризе служит панихиду по воинам, павшим в сентябрьских боях. Идет перечисление длинного списка имен.

— Учини их в месте злачне, месте покойне... иже жизни свои за веру и Святую Русь положиша, и сотвори им...

И мощные рыдающие аккорды несутся по степи.

— Ве-е-е-чная па-а-а-мять, ве-е-е-чная па-а-а-мять...

После панихиды служится напутственный молебен о даровании успеха и победы. Затем я обхожу ряды полка, разговариваю с офицерами и стрелками. Большинство из них одеты в летнее. Редко, редко сереют пятнами суконные шинели.

— Да и те достали от комиссаров, когда гнали большевиков к Тоболу, — докладывает командир полка.

А вот стоит стрелок в летней рубахе, с полным походным снаряжением, но на место штанов спускается вниз простой грубый мешок, надетый как юбка. Старые брюки его износились, новых не достал, а прикрыть наготу нужно было. Вот он взял и надел мешок, один из тех, в которых возят хлеб и муку. И еще несколько таких же фигур выднелось в рядах славного, геройского полка.

Больно было смотреть — эти люди шли безропотно и охотно на боевую службу, в передовую линию, где приходилось круглые сутки, под дождем и на ветру, при утренних заморозках быть на посту. Омск и весь тыл не хотели верить критическому положению; там все имели одежду, там имелись даже запасы ее, как то выяснилось позднее.

Наши части, выведенные в армейский резерв, пополнялись очень медленно, своими средствами, при тех скудных источниках, которые остались в армии после преобразования ее в неотдельную. А надо было спешить, чтобы нанести красным войскам, пока они не оправились, еще одно поражение и прогнать их за Уральские горы.

Это было необходимо и дало бы тогда полную победу. Пленные красноармейцы и перебежчики от них показывали в один голос:

— Вся Красная армия решила, что, коли белые будут гнать, дойдем до Челябинска с боями, а там все рассыпемся, разбежимся и комиссаров перебьем.

Нашими разведчиками был захвачен и доставлен в штаб армии приказ начальника 27-й советской дивизии Эйхе от 5 октября. Там были два характерных места. Товарищу Эйхе объявлял выговор «товарищу командиру полка» за то, что тот подошел с рапортом, держа одну руку у козырька фуражки, а другую в кармане.

— Прием недопустимый с точки зрения революционной дисциплины, — заканчивал начальник красной дивизии.

Затем он описывал, как во время его смотра 238-го советского полка вдруг неожиданно показалась из леса кучка конных и раздались крики: «Казаки, казаки!» Весь большевистский полк разбежался по полю в одно мгновение, как стадо испуганных овец.

— К стыду красноармейца, — заканчивает большевик-генерал Эйхе, — это оказались не казаки, а наши же товарищи — конные разведчики, производившие учебную конную атаку.

Необходимо было воспользоваться этим временем и таким настроением Красной армии; надо было спешить с нашим переходом в наступление. Для этого вся наша армия работала днем и ночью, приводила в порядок и усиливала дивизии, выводимые в резерв. Были составлены планы и расчеты новой операции.

Севернее нас 2-я армия так и не смогла выйти на Тобол и отбросить красных за реку. 8 октября главквосток прислал мне приказ — ударить моими резервами на север, повторить маневр первой половины сентября, чтобы помочь 2-й армии выполнить ее задачу. Этот приказ вновь разрушил весь план нашего дальнейшего наступления за Тобол; кроме того, не получив с тылу до сих пор почти ни одной роты пополнения, мне приходилось тратить последние силы на выполнение второстепенной задачи.

Но в военном деле приказ выше всего; для солдата любого ранга — это святая святых. Донеся о серьезном положении в армии, о неполучении до сего времени пополнений и о разрушении плана операции, я быстро передвинул резервы к северу и ударил красных во фланг. Большевики отступили, 2-я армия получила возможность выйти на Тобол.

Зато наше собственное положение сделалось очень непрочным. 3-я армия занимала фронт по реке Тоболу около 200 верст. Из одиннадцати дивизий в армейский резерв было выведено шесть, а остальные пять дивизий могли, понятно, охранять реку на этом пространстве только тонкой цепью аванпостов. Успех нашего дела был

возможен при одном условии: усиление армии и немедленный переход снова в наступление по всему фронту.

Больше месяца я добивался этого безрезультатно. 13 октября мною была послана последняя телеграмма главковостоку (моя телеграмма главковостоку от 13 октября 1919 года № 05299); в ней я доносил, что красные вливают интенсивно пополнения в свои ряды, готовясь к активным действиям, и что положение создается крайне серьезное, критическое.

К несчастью, через день начались подтверждения этого, начались жестокие уроки за преступную небрежность тыла. Большевики перешли в наступление, начали форсировать переправы через реку Тобол. Три дня мы опрокидывали все их попытки, причем целый ряд официальных донесений и рассказов наших раненых подтверждал картину, что красные полки идут в атаку, буквально подгоняемые пулеметами и плетью комиссаров.

Надо сказать, что к этому времени организация Красной армии вылилась в такую форму: каждая армия состояла из нескольких дивизий, дивизия делилась на три бригады, каждая силой в три полка. Эта система тройных подразделений, взятая, очевидно, из германской армии, была проведена донизу. При каждой бригаде была еще четвертая часть, «интернациональный» отряд, состоявший из латышей, мадьяр, евреев, китайцев и небольшого числа русских, партийных фанатиков-коммунистов. Эти «отряды особого назначения», снабженные обильно пулеметами, располагались всегда в тылу, за войсками первой линии, и служили для специальной цели усмирения всякого неповиновения или восстания да чтобы подгонять свои войска вперед, в атаку. Они расправлялись беспощадно, сея без разбора и суда смерть.

К этому времени до того выявилось преступное отношение бывших союзников России к нашему национальному делу и к Белой армии, что всюду — и в армии, и в лучших общественных организациях, и среди отдельных деятелей — начала выбиваться наружу мысль: раз союзники в Версале вершат свой мир, то не лишне было бы и нам, национальной России, не признающей Брест-Литовска, войти в переговоры с Германией. На наших недавних и навязанных нам противников начинали смотреть не только с чувством миролюбивым, но с зарождающимся просветлением об общности судьбы, а следовательно, и интересов. Среди же народных масс никогда не было враждебного чувства, а тем более ненависти к германцам. Этому свидетелем те десятки тысяч военнопленных немцев, которые и тогда еще оставались в Сибири.

Мною был отправлен в Омск к Верховному Правителю мой помощник генерал-лейтенант Иванов-Ринов с докладом обо всем этом; также я доводил до его сведения мнение армии, что было бы очень полезно войти с германскими кругами в непосредственные переговоры, что этим путем мы, быть может, приобретем настоящее содействие и помощь в нашей священной борьбе. Адмирал ответил мне, что он разделяет этот взгляд, но запросит, прежде чем принять решение, генерала Деникина. Так вопрос этот и затянулся...

На четвертый день большевикам удалось переправиться через Тобол южнее города Кургана, прорвав растянутое положение Уральского корпуса. Несмотря на героическое сопротивление наших частей, которые несли огромные потери убитыми и ранеными, нечем было парализовать этого прорыва; большевики устремились в него, стараясь снова выйти к железной дороге, в тыл нашей армии.

Целую неделю продолжалось жестокое сражение по всему фронту армии. Многочисленные атаки большевиков отбивались нами всюду, где только были наши части. Но красные лезли в промежутки, шли степями, без дорог, выходили в тыл. Ижевская дивизия с 14 по 19 октября была отрезана совершенно и окружена большевиками; и не только пробилась сама, но нанесла красным несколько частных поражений и привела с собою свыше 200 пленных.

17 октября я поехал к Уральскому корпусу и там в деревне Патраково попал вместе со штабом корпуса в окружение большевиками; пришлось для контратаки деревни направить все силы до личных конвоев моего и командира корпуса включительно. В это же время большевики вышли другим направлением и грозили отрезать штаб корпуса от остальных частей армии и от железной дороги.

Нестерпимо мучительно было переживать эти дни, когда кучки храбрецов, только что совершавших победоносное движение к Тоболу, теперь были принуждены отступать из-за преступной инертности тыла. Были принуждены драться в бессмысленной и безнадежной обстановке, не имея возможности перейти в наступление самим, что только и могло дать нам новый успех и окончательную победу.

Красные за это время не потеряли ни одного дня подготовки, большевики влили в свои ряды пополнения, усилились свежими частями и были числом сильнее нас во много раз. 3-я же армия так и не получила обещанных пополнений, а от боев, от непрерывных операций сила ее таяла, таяла с каждым днем. Вот документальные цифры из сведений, представленных штабом 3-й армии главковостоку, о потерях убитыми и ранеными за время с 1 сентября по 15 октября 1919 года:

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

	Офицеров	Солдат и казаков
Уфимский корпус	480	8358
Волжский корпус	224	2960
Уральский корпус	227	4814
Степная группа	57	638
Итого	988	17770

Из наших полков выбывали лучшие, гибли храбрейшие русские офицеры и солдаты, цвет нашей армии. Но главное — всего хуже было то, что падала надежда на успех и вера в дело.

В 1915 году при натиске Макензена, после знаменитого Горлицкого прорыва, Русская Императорская армия отступала как затравленный лев, отбиваясь чуть не голыми руками. Преданная беспечным тылом, армия не роптала, несла неисчислимые жертвы и проявила силу величайшего подвига, большего, чем подвиг победы, — без надежды на успех, на скорое избавление от мук, без призрака славы — армия дралась день и ночь всю весну, лето и осень 1915 года на полях Галиции, Польши и прибалтийских провинций. И не было тени мысли о том, чтобы бросить тяжкий боевой пост, уйти из борьбы. Русская Императорская армия выполнила свой долг перед страной и союзниками, чтобы дать время им подготовиться и ударить по германо-австрийским силам с запада.

Аналогичный, но еще большей красоты подвиг был совершен Русской армией в 1919 году на полях холодной Сибири. Полуодетая, наполовину растаявшая, еще более преданная беспечным и преступным тылом, наша армия была снова подобна затравленному льву. Так же отходила она, огрызаясь на каждом шагу и не помышляя ни о чем, кроме выполнения своего долга. И так же с надеждой смотрела на запад, где теперь армии генерала Деникина были на пути к Москве. Рвались к ней. И ждали дня, когда святыни Кремля будут очищены от нечисти интернационала.

Предательство тыла

Со светлым ликом и ясными очами шел своим земным путем наш Господь; красота подвига слилась с силой духа; миру была явлена совершенная гармония, соединение начала Божественного с человеческим. В то время учение правды, любви и высшей справедливости достигло своего апогея. Но именно тогда-то, когда победа добра над злом казалась неминуемой и скорой, — в это время совершилась самая низ-

кая за всю историю человеческая подлость — Иуда Искариотский продал и предал Светлого Учителя... Крадучись и пряча в складках одежды темное лицо свое, пробиралась закоулками и задворками согнутая фигура к врагам Богочеловека. Торопливый воровской шепот, быстрый обмен косыми колючими взглядами, подлый звон отсчитываемого серебра, цены крови. И затем эта ужасная сцена в Гефсиманском саду. С одной стороны стоит на коленях и молится Отцу Христос, плачущий кровавыми слезами, но готовый на все жертвы для искупления мира, с другой — приближается предатель Иуда, идущий впереди вооруженной толпы, готовой по его знаку взять Иисуса. «Кого поцелую, того и берите. Это — Он», — исходит от него шепот, как свист ядовитой змеи.

И совершилась величайшая подлость на земле. Подстроили ее и провели в жизнь кучка людей, сборище книжников и мудрецов древнего Сиона; они сумели найти среди ближайших учеников Христа низкого предателя, завистника... А массы народные, так жадно внимавшие словам Святого Учителя на горе, так бурно-восторженно кричавшие Ему: «Радуйся, Царь Иудейский», ходившие за Ним огромными толпами, — эти массы, со свойственной толпе легкостью перемен в настроении, кричали теперь: «Распни, распни Его!» И даже ближайšie ученики, допущенные к общению с Божественным, просмотрели опасность, растерялись, проспали ее. Все это было давно, на заре культуры человеческого духа. Все это так же старо, как стар наш христианский мир.

Но вот в наши дни, в дни современности, проходит перед миром подобная же картина. Предан на распятие целый народ, великая христианская страна. Гибель ее предрешена была кучкой интернационалистов, иуды нашлись среди ее же сынов; а толпа, человечество, безмолвствовала или невольно помогала преступникам. Гефсиманский сад России был 1917 год. Голгофа ее длится и до сей поры. Но придет и воскресение. Так же неожиданно, таинственно и сияюще. И встанет Россия из гроба. Вера в это живет не только среди нас, русских, но среди всей лучшей части человечества...

В то время, когда белые русские армии, эти полчища новых крестоносцев, напрягали все усилия, несли в жертву кровь и жизнь, чтоб победить интернационал, вырвать из хищных когтей его Родину и христианскую культуру, — в это же время происходило новое Иудино дело, творилось новое предательство.

И заметьте, — Иудой Искариотским руководила только зависть и выросшая из нее темная подлая ненависть, — так и социалистами, всеми, начиная от их мессии Карла Маркса, двигает только это чувство. Зависть к чужому успеху, к сытой жизни других, к чужим спо-

собностям и талантам; их безграничная зависть переходит также в дьявольскую ненависть. Завистью и ненавистью пропитано все учение социализма, — а дела их показали себя на морях крови и страданиях распятой ими России.

В двух первых главах мы коснулись слегка, обрисовали общими чертами тот комплот, который был задуман эсерами. Когда они, эти младшие братья социалистов-большевиков, увидели русский народ идущим по пути национального возрождения вокруг своих народных вождей, то они поняли, что власти «интернационала» грозит гибель и безвозвратный конец. Тогда они, стоявшие под народными знаменами, боровшиеся против большевиков, решили соединиться с ними на защиту общих им идеалов социализма против национального движения народных масс. Но все эти социалисты различных толков и оттенков не могли и не смели выступить открыто, врагами. Они избрали путь скрытый, путь измены. Они повторили дело Иуды и дали России поцелуй предателя.

Притворяясь друзьями народа и вождей его, крича громко на весь мир о борьбе против большевиков, они в то же время сговаривались с ними, как лучше и вернее погубить дело восставшей России. Правительство адмирала Колчака настолько доверчиво относилось к ним, что допустило даже в состав кабинета министров партийных работников социализма; оно оказывало содействие кооперативам, захваченным к тому времени эсерами. Под покровительством иностранной интервенции, пользуясь незлобливой русской слабостью, социал-революционеры покрыли все пространство от района военных действий до океана сетью своих агентов, внедряя их для тлетворной работы не только в городах, но в селах и в деревнях. Всюду они вели скрытую, тайную пропаганду против правительства, используя для этого каждый его промах, каждую ошибку. Имея связь с Москвой, они получали оттуда деньги, агитаторов и... инструкции.

Не только открытый предатель В. Чернов, но даже такие «идеологи-народники», как Авксентьев, оказывались в связи с большевистской Москвой, действующими по строгой указке интернационального центра, этого современного синедриона. Скоро начали проявляться первые результаты этой предательской работы. В нескольких местах, в глубине тылу, вспыхнули восстания против власти адмирала Колчака. Главные очаги были: Тайшет и Мариинск, районы Красноярско-Минусинский, Нерченско-Сретенский и в Приморской области — Сучанские копи.

Крестьянская масса, ненавидящая интернационал всей силой, на какую способен простой, неисторченный народ, была, к несчастью,

заброшена омским министерством внутренних дел; она получала в то время все сведения о событиях только от социалистов (через сеть кооперативов) и начиналась самыми извращенными, лживыми известиями. Надо припомнить к тому же, что в это время и министрами (председателем и внутренних дел) были партийные социалисты. Из недели в неделю шла пропаганда и агитация, развращая темные массы и направляя их против собственной армии и против народных вождей. Не пренебрегали никакими способами, чтобы зажечь пожар восстаний. Наиболее яркий пример в этом отношении представляет их организация в Красноярско-Минусинском районе.

Полноводная, богатая рыбой и золотом река Енисей течет между скалистых гор, часто сдавленная ими с обеих сторон. В таких ущельях вода кипит и бьется о камни. Даже в самую холодную пору, в крещенские морозы, не замерзает здесь стремнина реки. Но вот горы раздвигаются, образуя широкую долину, подходят к Красноярску и кончаются. Дальше на много сотен верст тянется великая Сибирская равнина, покрытая местами лесом. По этой равнине, от Красноярска и выше, Енисей несет воды свои спокойно и величаво, затопляя весной огромные пространства. Здесь богатейшие пастбища, сенокосы, это один из самых хлебородных в России уездов — Минусинский. Население его сплошь — зажиточные крестьяне-староселы, живущие патриархальным укладом, очень религиозные и в высшей степени преданные идее Царской власти, а с нею и властям законным.

И вот здесь разгорается восстание против адмирала Колчака; начинается дело с небольших шаек, состоявших главным образом из пришлового элемента, но к осени 1919 года дело принимает огромные и организованные размеры. Сформирован целый корпус из 11 полков, введена правильная организация, создан штаб во главе с бывшим штабс-капитаном Щетинкиным. Минусинцы, крестьяне, давали не только людей для этого корпуса, они поставляли хлеб, мясо, одежду. Был даже открыт завод для снаряжения ружейных патронов и для приготовления пик, сабель и секир. Правительственные отряды и енисейские казаки не могли подавить восстания и занимали оборонительные линии, чтобы прикрыть с юга Красноярск и железную дорогу, единственную коммуникацию армии.

В чем было дело? Какая тайная причина создала и поддерживала успех интернационалистов-большевиков среди этого монархического, патриархального, крестьянского населения? Загадка разъяснилась просто. Контрразведка армии доставила в мой штаб ряд подлинных приказов и воззваний штабс-капитана Щетинкина. В них он писал: «Пора кончить с разрушителями России, с Колчаком и Деникиным,

продолжающими дело предателя Керенского. Надо всем встать на защиту поруганной Святой Руси и Русского народа. Во Владивосток приехал уже Великий Князь Николай Николаевич, который и взял на себя всю власть над Русским народом. Я получил от него приказ, присланный с генералом, чтобы поднять народ против Колчака... Ленин и Троцкий в Москве подчинились Великому Князю Николаю Николаевичу и назначены его министрами... Призываю всех православных людей к оружию. ЗА ЦАРЯ И СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ!..»

Все восстания направлялись и шли одним путем, применялась одна и та же общая программа. Приезжали из советского центра, из Москвы, агитаторы, снабженные большими суммами денег. Скрываясь в эсеровских организациях, они находили у них поддержку и начинали вести тайно пропаганду. В то же время они сорганизовывали из преступников и отбросов населения небольшие банды с целью нападения и разрушения железной дороги. Сжигали небольшие деревянные мосты, портили путь, устраивали крушения. Целыми десятками спускали под откос поезда, причем главная охота их была за поездами, везшими из Владивостока оружие, боевые припасы и снаряжение для армии.

Для поимки этих разбойников направлялись отряды наши или из чехословаков. Но трудно поймать их в беспредельных и густых, почти непроходимых дебрях сибирской тайги. Надо было вести систематическую и долгую кампанию, на что никто из иностранцев (а дорогу охраняли они) не имел охоты. Через несколько дней шайка выходила в другом месте, снова портила путь и устраивала крушение. Тогда, в попытках положить этому конец, неумелые руководители борьбы с этими бандами применяли самый легкий и несправедливый способ: возлагали ответственность за порчу железной дороги на местное население. Производились экзекуции деревень и целых волостей. Уже после конца борьбы на фронте, когда остатки нашей армии шли на восток, приходилось видеть несколько больших сел, сожженных этими отрядами почти дотла в наказание за непоимку разбойников-большевиков, производивших крушения на перегоне станции Тайшет—Клюквенная. Огромные, растянувшиеся на несколько верст села представляли сплошные развалины с торчащими кое-где обуглившимися полусторельми домами. Крестьянское население таких сел разбредалось и было обречено на нищету, голод и смерть. Понятно, такие меры только озлобляли население и давали опору и развитие большевистской и эсеровской деятельности, усиливая их преступную пропаганду. «Видите, — писали они, — видите, русские крестьяне, что такое Колчак и как он относится к народу. Он с шайкой капиталистов всего мира наняли чехов, чтобы жечь русские села и избивать

русских крестьян. Все за оружие, все в ряды Красной армии против мировой буржуазии...» И как у всех adeptов социализма, это новое воззвание заканчивалось крылатым лозунгом Карла Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

А в то же самое время те же люди, правильнее, отбросы человечества вели разрушительную работу среди чехов, этих quasi-славянских войск, сформированных из военнопленных, взятых Русской армией в Галиции и Польше; их развращали всячески, доводя до состояния людей, больных большевистским умопомешательством. Эту часть работы взяли на себя целиком социал-революционеры.

Бедное русское крестьянство было окончательно сбито с толку. Не знало, кому верить, за кем идти. Ненавидящие социалистов-большевиков, пошедшие так охотно под знамена Белой гвардии против красного интернационала, крестьяне были поставлены этими жестокими и неумелыми действиями между молотом и наковальней. И заметьте: чехи, отряды которых главным образом-то сжигали русские деревни, были всецело под влиянием и в услугах у эсеров, кричавших всегда о «демократии» и «демократичности». Почти все репрессии и экзекуции производились по скрытой указке этих социалистов, чтобы разжечь пожар восстаний в тылу Белой Русской армии. Это только и нужно было социалистам, это была их главная цель, в средствах же стесняться они не привыкли. В лагере устроителей нового рая на земле это проводилось последовательно в жизнь десятками лет. Насколько этот способ разжигания взаимной ненависти был ими излюблен, можно видеть из того, что один из самых крупных деятелей русской социалистической мысли, Михайловский, проповедовал еще в 1880 году «не протестовать против кнута и розог во имя лучшего социалистического будущего»...

Получалась ужасная картина. Русские народные массы, крестьяне и рабочие со своими офицерами и вождями вели беспощадную борьбу на фронте. А в тылу те же крестьяне и рабочие, под влиянием большевистской агитации, эсеровского предательства и неумелых действий местных властей восставали и становились против той же армии и против правительства адмирала Колчака.

Все больше и больше раздувалось пламя этого костра. Восстания редко где были подавлены целиком. Наоборот, появлялись новые районы, банды организовывались в полки, дивизии и корпуса. Вооруженная борьба с ними требовала все большего числа войск, в которых так нуждался боевой фронт, напрягавший героические усилия для окончательной победы русской народной и национальной идеи над кровавым враждебным интернационалом.

В этих условиях борьба становилась почти невозможной. Причины этого лежали, понятно, глубоко в самой системе организации антибольшевистского движения. Моря крови были пролиты и великая жертва была принесена — впустую, вследствие основной ошибки: не хотели признать социалистов-революционеров врагами народа, такими же, как большевики-коммунисты.

Не хватало прямоты действий, не было напряжения воли. Сила национальная недостаточно концентрировалась и кристаллизовалась. Огромный белый тыл в Сибири клубился вредными ядовитыми газами политиканства, с одной стороны, и бессилия в деле — с другой. Не только не могли добиться полного напряжения — все для фронта, для войны, для победы, не имели и тени диктатуры, а, допустив в свой стан врагов, успокоились на бумажном перепроизводстве, погрязнув в тихом и медленном отбывании номера.

К сожалению, у наших противников, у большевиков, было не так. Воля из Москвы, жестокая и упрямая воля, управляемая определенным желанием еврейского центра, заставила работать всех в советской России, вызвала настоящее напряжение и сумела держать это напряжение все время на должной высоте. Там работали не спустя рукава, не для отбывания номера и знали, что за плохую работу, за недостаточные результаты — расправа сейчас же; разговоры там короткие — смерть без суда. Полковник Котомин, перебежавший к нам из Красной армии с одиннадцатью офицерами под Челябинском, подробно обрисовал положение в советском тылу. «У них работа идет не так, как у вас, — говорил он, — там не считают часов, кипит дело, и если нужно, то все заняты по восемнадцать часов в сутки. Жиды-коммунисты следят не только за совестью и политическими убеждениями, но и за выполнением каждым его обязанностей. Чуть заметна в ком лень или халатность, — сейчас на сцену выступает обвинение в политическом саботаже и... расстрел. И знают все, от генерала до машиниста, что шутить не будут».

С целью разбудить нашу тыловую публику полковник Котомин прочел лекцию в Омске в городском театре (по поручению Верховного Правителя); на лекции произошел характерный инцидент. Котомин рисовал правдивую картину советского тыла, он будил чувства белых и призывал их к такой же работе, какую несут слуги Ленина и Бронштейна, к такой же отчетливости, добросовестности и энергии... Вдруг раздаются голоса из партера:

- Как Вам не стыдно хвалить их! А еще офицер...
- Довольно...
- Поезжайте тогда обратно к большевикам...

И с галерки одинокий крик:

— Правильно, товарищ, продолжайте.

Так поняли представители тыловых наслоений искренний и честный призыв Котомина, этого одного из лучших русских офицеров. На того это так подействовало вместе со всем пережитым за последние годы, что он слег больной и не мог уже оправиться. Болезнь унесла его в могилу. Моя армия лишилась в нем хорошего начальника дивизии, на что Котомин был мною предназначен.

* * *

Можно спорить и сомневаться во многом, но одно несомненно и ясно, что успокоение страны будет достигнуто лишь при наличии трех факторов: твердой власти, жизненной организационной работы правительства и самого живого участия в ней народных масс. Последний фактор является наиболее существенным и важным, ибо это, и только это, обеспечит закрепление порядка, принятие целесообразных реформ, возрождение разрушенной жизни.

Это сознавалось многими уже в то время, в самый разгар Гражданской войны. И надо отметить, что народные массы в течение всего периода не только сочувствовали новой власти, борьбе ее и стремлениям возродить страну, но сам народ добровольно нес всевозможные жертвы, давал сотни тысяч своих сыновей в армию, платил подати и налоги. И так естественно было бы использовать этот подъем народный, так просто и легко было бы наладить порядок, чтобы не было таких уродливых явлений, как восстания в тылу, нападения на железную дорогу, существование разбойничьих шаек...

Необходимо было сорганизовать народные массы и привлечь их лучшие слои к работе на местах, образовав сельскую полицию, сельские продовольственные органы, потребительские общества, органы по распределению и сбору налогов и податей, представителей власти по проведению мобилизации, местные осведомительные бюро, сельские суды и т. д. Необходимо было сплотить сельское население около лучшей его части. И без сомнения, здесь не только не место боязни, не должно быть и сомнений, так как вся борьба велась ведь за жизнь народа и страны, велась самим народом и для народа. Следовательно, народные массы не могли не оказать правительству могучую поддержку, которая обеспечила бы в полной мере успех армии.

К сожалению, ничего этого сделано не было. Почему? Были две главные причины. С одной стороны, бюрократические и нежизненные центральные аппараты министерств не знали, что и как надо

сделать в этой области, некоторые к тому же боялись — из-за того же незнания — народной массы и не умели подойти к ней. Задавшись обширными и громоздкими программами во всероссийском великодержавном масштабе, создавали на бумаге проекты их будущего выполнения и наряду с тем не делали маленького незаметного повседневного дела, необходимого для рядового обывателя, для семьи, для массы населения. Долго ждало оно, спокойное и безропотное, движения живой воды и не дождалось.

С другой стороны — социалисты всех толков, а главным образом эсеры, всеми способами препятствовали какому-либо проявлению такой работы. Они не допускали или всячески тормозили проведение в жизнь каких-либо мер по организации населения сел и городов. Им невыгодно было это, как и самое дело восставшего народа под Русским национальным знаменем. Ибо они знали, что народные массы не пойдут за ними, не будут вторично ломать своей жизни в угоду их книжным, искусственным теориям.

Один крестьянин-тоболяк, испытавший всю прелесть большевизма сначала в 1918 году и месяц теперь, пока мы не заняли их местности снова, так выразил своим простым языком мысль о социалистах — вывод, сделанный его здоровым умом:

— Был у нас Царь, было начальство, и жили мы — Бога благодарили, — все имели, а если чего и не хватало, то надежду всякий питал: коли есть голова да руки, то и для себя и для детей заработаешь. Был порядок, был и закон и справедливость. Теперь у нас комиссары-большевики, начальства есть много, ну а остального ничего нет — ни пищи, ни одежды, ни порядка, ни закона, ни справедливости. Можно сказать, не живет теперь народ, а только глядит, как бы не умереть. Да и то не знаешь, будешь ли жив от комиссара завтра. Да и надежды на лучшее при них никакой, прямо охота работать пропадает.

— Ну а при Керенском как было? Что скажешь об эсерах?

Крестьянин задумался, затем лицо его осветилось добродушной улыбкой, блеснули умные серые глаза.

— А так я скажу тебе, барин: бывает лето с плодами Господними, бывает зима с морозом, стужами, буранами. А между ними слякоть, распутица никчемная. Так нам и социалист, такая слякоть и Керенский был. Ни Богу свечка, ни черту кочерга...

Нежелание и неумение организовать жизнь страны, главным образом сельского населения, проходило всюду, по всем отраслям многоэтажных омских министерств. И если принять во внимание, что в состав кабинета министров входили социалисты, а во главе его стоял до самого последнего времени «vieux d'гареаи», старый социалист Вологод-

ский, то не трудно понять, какие помехи встречали все попытки и начинания в проведении организации сельского и городского населения.

Один из наиболее ярких, цельных и больших русских людей из всех, которых мне пришлось встречать за мою разнообразную жизнь, — это святитель русской церкви, архиепископ А. Он происходит от старинного благородного корня старого русского дворянства; он ушел в монастырь, посвятил себя чистому служению Богу и всего себя отдал на службу и работу человечеству. Этот пастырь являл всегда пример высокой личной жизни и горел любовью к своим ближним; взгляд архиепископа А. на церковь глубоко проникнут истинно христианским отношением. Его отправная точка, что религия должна быть руководящим стимулом моральной жизни, но не только схоластически, — она должна направлять жизнь личную, семейную и общественную соответственно учению Христа, этой высшей нравственности. А поэтому церковь есть не только убежище для души или хранилище религии, ее таинств и обрядов, но она есть и должна быть главным средством, чтобы помочь людям устроить их жизнь лучше.

Архиепископ А. еще до мировой войны проводил этот свой взгляд в жизнь и выполнял большую работу по организации церковных приходов в своей епархии. С большими трудностями, зачастую неправильно понимаемый, не имея достаточного числа хороших помощников, он шел к своей цели. И достиг многого. Он сумел сплотить около церкви людей разных положений, взглядов и даже политических убеждений своей проповедью истинной любви, своей неуклонной борьбой против ненависти. Он вызвал к жизни и деятельности лучшие силы в массах своей паствы. Отчасти потому-то так могуче и полно местные крестьяне откликнулись на борьбу за возрождение России, оттого-то так разумны и сдержанны были рабочие всех заводов этого района и самого города. Влияние святителя А. распространилось даже на мусульман, на татарское и башкирское население; муллы шли к нему за советом и проводили в своих селах его организацию — приход около мечети.

Теперь, когда революция сломала и разрушила нашу жизнь, исковеркала ее прежние условия, когда велась борьба за восстановление ее, — архиепископ А. весь обратился в порыв и еще больше отдался своей высокой миссии. Его идея была простая и великая. Его доводы были неотразимы и взяты из самой жизни. Он говорил: «Чем сильнее большевики, чем они держатся? Во-первых, твердая, ни перед чем не останавливающаяся власть. Во-вторых, и это главное, они сумели организовать всюду, в городах и селах, худшие, самые преступные элементы народа. Масса же, всегда инертная и неорганизованная, невольно подпадает в подчинение, идет в поводу этих разных сове-

тов и комитетов бедноты. Раз мы собираемся строить разрушенную жизнь, нам необходимо идти тем же путем, но надо организовать народ у другого полюса, вокруг лучших людей каждого села и города, вокруг самых честных, нравственных и трудолюбивых. И ходить далеко не надо; таких русских людей много, всюду они есть, в каждом церковном приходе. Дайте только возможность».

Архиепископ А. много раз и настойчиво обращался в Омск, и в министерства, и в высшее церковное управление, и к самому адмиралу Колчаку со своим планом организации на всем пространстве восточной России приходов, но встречал отказ, а подчас даже преследования. И это невзирая на то, что сам Верховный Правитель относился к нему с глубоким почтением. Так почти до самого конца и не удалось этому крупному русскому деятелю и патриоту найти применения своих сил. Вот выдержки из писем ко мне архиепископа А., писанных в ноябре 1919 года: «Ваше войско г. Неклютин (министр снабжения) оставил без снабжения, и войско победоносно настроенное принуждено было поэтому подвергнуться бедствиям отступления. Но у нас во всех областях имеются свои Неклютины, для дела решительно вредные, или своей бездеятельностью, или своею бездарною партийностью. В церковной области таков господин П., ничего не сделавший для Церкви. Между тем у него в руках был весь аппарат для организации народной жизни на церковных началах». В другом письме архиепископ пишет: «...Теперь организованы только злые, разрушительные элементы Руси, — нужно же кому-нибудь заняться организацией элементов патриотических». Вот выдержка из третьего письма: «...Я начал вторично объезд частей вверенной Вам армии. Ваше Превосходительство! Я с радостью могу сказать, что ни Вы, ни я — не ошиблись: солдатам нравится мысль об устройении православного прихода и об устройении около приходского самоуправления всей русской национальной жизни».

Так и канули в вечность все попытки дать русскому народу возможность сплотиться, организовать свою национальную силу и устроить свою страну. Канули потому, что центральная власть не только не поддержала, но ставила препятствия. Бездарная партийность одних да злонамеренная работа социалистов погубили и на этот раз эти начинания. А в то же время социалисты получали всевозможную поддержку в своих темных делах. Они-то поняли хорошо, что вся сила и успех задуманного ими плана лежит в организованности; но они не могли бы никогда провести эту организованность сами, в чистом виде, так как их идеология совершенно безжизненна и чужда русскому народу; она может только разрушать, никогда ничего не

созида. Поэтому эсеры в Сибири присосались к чужому телу и на нем повели свою работу.

Так на здоровый и сильный ствол могучей столетней липы пристает грибок паразита. Сначала в одном месте появится опухоль, вздуется кора и вырастет большой рыхлый нарост, имеющий вид, по внешности, части самой липы. Затем вредные споры паразита перекидываются по всем ветвям, по стволу и даже по корням дерева. И всюду вырастают уродливые опухоли-наросты. Липа останавливается в росте, чахнет и если не найдет достаточно сил в соках своих, чтобы перебороть разрушительную работу паразитов, то гибнет сама.

Эсеры присосались крепко к такому естественно-народному, нужному и выгодному делу, как кооперация. Об этом было вскользь сказано в предыдущих главах. Чтобы дополнить картину, надо посмотреть на условия внутренней торговли, как они стояли к тому времени. Еще война сильно повредила нормальные аппараты частной торговли; две революции, Февральская и Октябрьская, разрушили их совершенно. Население испытывало страшную нужду и терпело лишения. На этой почве талантливым, но вредоносным еврейским народцем было заложено начало спекуляции, и распустилась она пышным махровым цветком. Тогда для борьбы с нуждой и дороговизной начали образовываться, как естественный выход, общества потребителей, старая русская форма, или, как их называли по-новому, кооперативы. Цель их была: во-первых, дать по дешевой цене все необходимые товары широким массам населения; во-вторых, устроить возможность сбыта продуктов производства того же населения по наивыгоднейшим ценам; в-третьих, имелась в виду борьба со спекуляцией, которая с каждым днем углубления революции принимала все более уродливые формы. Естественно, что население стало организовываться, потребительские общества-кооперативы росли. Насколько эта организация была жизненна, показывает то, что вначале русские люди, образовавшие ее, не хотели втягиваться в политику, поставили себя и свое дело вне ее.

И вот в то же время попали сюда, на здоровый ствол этого могучего дерева, вредные поры паразита. На заре русской «бескровной» революции словоговорильные эсеры проникли всюду и затопили своими речами страну. Их словам тогда многие простые люди по наивности верили, ибо не знали дел их. Среди социалистов, как известно всем, свыше трех четвертей иудеев или их приспешников, отличающихся типичными свойствами всякого зловерного паразита: полная неспособность к животворной работе, наглое, быстрое распространение, приспособляемость ко всякой обстановке и безмерная живучесть, — раз эта гадость вошла в организм, не легко ее выгнать. В

числе других сторон народной жизни социалисты захватили и кооперативы.

Сначала они стали на общий путь с массой потребителей, заявив, что кооперация вне политики. Но в своей среде и в своих центрах они работали только для политики, для политики разрушения и ненависти, составляя и разрабатывая план, как лучше использовать для этого и кооперацию. А когда дело потребительных обществ развилось и упрочилось, социалисты же укрепили в них свои позиции, и, как и всюду за эти лихие годы, наверху почти всех кооперативов оказались юркие жидки, — тогда была выдвинута в открытую на первое место политическая деятельность. Так было летом и осенью 1917 года; определено сказано это уже к Московскому государственному совещанию. Когда разрушительная работа была паразитами выполнена, то большевики выгнали эсеров отовсюду; закрыли они и кооперативно-политическую кухню их. Антибольшевистские вожди и организации, к несчастью, этого сделать не удосужились. Причины — почему — обрисованы достаточно в предыдущих главах. Вследствие этого весь аппарат кооперации в Сибири, ее центры — ствол, все филиальные отделения — ветви, все дерево было захвачено социалистами. Шла двойная работа: население стремилось развить деятельность потребительских обществ, чтобы возродить торговлю, чтобы помочь возрождению страны; эсеры направили усилия к параличу этого — они всюду насаждали своих политических агентов, сводили все нити кооперации в своих центрах, во Владивостоке и за границей; они широко и последовательно вели пропаганду против правительства адмирала Колчака и против армии, и, как всегда и везде, эта пропаганда их была отравлена ядом клеветы, лжи, преувеличений и искажений. Работа их и здесь была тайная и скрытая. Как работа двенадцатого Господнего апостола Иуды, когда он подготавливал предательство и Голгофу.

В то же время эсеры, благодаря своим людям, стоявшим у центральной власти, могли не только пустить пыль в глаза простодушному, усталому обывателю, но и закупить внимание масс, затемнить свои изменнические махинации — они получали огромные средства, им отпускались из казны многомиллионные суммы, им давались не в очередь большие наряды на перевозки по железной дороге, льготный провоз; благодаря этому и в заграничных кругах выросло и увеличилось впечатление об их значении и фактической силе.

Кто станет спорить, что кооперация в чистом виде необходима в жизни государства, особенно в России, где частная инициатива всегда отставала от требований жизни. Потребительские кооперативы всегда

поощрялись в России и всегда существовали раньше, в период расцвета России при Царях. Кооперативы же промышленные только нарождались, причем исключительно по инициативе прежнего правительства сделана была громадная работа в устройстве и развитии целой сети элеваторов для ссыпки хлеба: этим вопрос самой главной хлебной торговли выводился из области частной спекуляции и недобросовестности, где хлебопашцы, от крупных и до самых мелких, при осуществлении правительственного проекта получили бы возможность продажи предметов производства без посредников. И не будь великого бедствия войны и страшного несчастья «великой, бескровной» революции, русская хлебная торговля была бы свободна от цепких лап злейшего паука-эксплуататора, от еврейского посредника-спекулянта.

В будущем, несомненно, кооперации и кооперативам принадлежит выдающаяся роль в русской жизни. Но надо помнить, во что обратили этот полезный инструмент в Сибири политиканствующие шулера, партия социалистов-революционеров. Надо помнить и на будущее время уберечь русскую жизнь от этих могильных червей.

Подводя итог сказанному, видим: уйдя в подполье, социалисты-революционеры вели неустанно работу: захваты аппаратов власти и проникновение в армию, постановка всяких препятствий здоровой организации жизни страны, обращение в средство для своих целей кооперации, пропаганда против армии и правительства, пожар частных восстаний и подготовка общего предательского удара всему Белому движению. И в то же время они притворялись друзьями народа, армии, правительства и даже самого адмирала Колчака.

Чтобы закончить этот краткий очерк деятельности этих иуд России, ниже приводятся выдержки из их главного современного печатного органа «Воля России», издающегося в Праге (Чехо-Славия). Вот что пишет в номере 75 от 10 декабря 1920 года Василий Сухомлин, «представитель центрального комитета партии эсеров за границей», в своем открытом письме Бурцеву, говоря о тактике всей этой партии: «Нет никаких оснований предполагать, чтобы позиция партии изменилась после падения барона Врангеля, против которого партия боролась так же, как и против Колчака и Деникина. Прага 9 декабря». А в номере 79 той же газеты от 15 декабря 1920 года приведен еще более официальный документ, в котором вся партия социалистов-революционеров признается в своем иудинском деле, открыто заявляет о предательстве народных армий и дела. Это — письмо и резолюция, принятые на конференции, происходившей 1—8 октября 1920 года в Москве: «13. Только замена диктатуры партии коммунистов народовластием (то есть властью эсеров. — К. С.) сможет вовлечь тру-

довые массы в работу по созданию нового социального порядка и послужить исходной точкой для восстановления производительных сил страны. 14. Демократия (опять читай — эсеры. — К. С.), как господство большинства, не только не может быть препятствием для осуществления социализма, но является единственной политической формой, гарантирующей успех социалистического переустройства. 16. Ныне, учитывая, что быстрая ликвидация Деникина и Колчака, не столько сраженных Красной армией, сколько обессиленных народными восстаниями в тылу... конференция признает наиболее целесообразной формой борьбы с контрреволюцией — метод восстания изнутри, с успехом применявшийся сибирскими организациями партии эсеров в деле ликвидации Колчаковского режима». Комментарии излишни...

* * *

Прежде чем перейти к дальнейшему хронологическому описанию событий осени 1919 года, необходимо остановить внимание и посмотреть, в каких условиях была в то время железная дорога, этот один из важнейших факторов жизни страны и армии.

В Омске было министерство путей сообщения с очень энергичным, способным и жизненно-практичным человеком во главе, инженером Уструговым⁸⁰. Отсюда шло управление дорогами, регулировка их службы и наилучшего использования. И надо отдать справедливость, что это министерство стремилось выйти из рутины и бюрократических нагромождений, старалось дать максимум работы и пользы. Однако обстановка и препятствия были настолько велики, что министр Устругов и его подчиненные буквально изнемогали от бесплодных подчас усилий. С самого начала создалось несколько факторов, которые разбивали все их старания, вводили импровизацию, нарушали стройность.

Во-первых, — и это было вполне естественно, — железные дороги на театре военных действий подчинялись командующим армиями, которым здесь принадлежало главное решающее слово. С этим министерство мирилось, так как видело, в большинстве, работу армейских железных дорог направленной к лучшей пользе. Кроме того, прифронтовая полоса не могла влиять сильно на жизнь страны. Гораздо важнее была магистраль от Владивостока до Омска. И вот здесь-то создалась главная помеха; почти с самого начала был образован из представителей всех «союзных» держав железнодорожный комитет, который взял на себя, явочным порядком, регулировку вопросов эксплуатации дороги и движения на всем участке от Омска до Влади-

востока. Главная роль в нем принадлежала американским и английским инженерам, и, хотя зачастую русские интересы, даже интересы фронта, приносились в жертву различным интернациональным целям, которыми была пропитана вся интервенция, русскому министру путей сообщения приходилось подчиняться.

Дело в том, что Сибирь не располагала ни одним заводом для постройки паровозов, вагонов и запасных частей. Все это, заказанное и оплаченное в большинстве еще Императорским правительством в Соединенных Штатах и в Канаде, теперь было обещано доставить и передать правительству адмирала Колчака; частью это было и выполнено. Но при каких каждый раз обстоятельствах?!

Припомним, как выдавалось военное снабжение, доставленное широким английским жестом на армию в 200 тысяч человек. Как всегда и систематически оказывалось при этом давление на Верховного Правителя, на его политику, как проглядывало желание давить даже на стратегические планы армий, как искусно и скрыто оказывалась этими «союзными благодетелями» поддержка эсерам. В области железнодорожной помощи все это приняло еще большие и уродливые размеры. Во Владивосток прибыло большое количество запасных частей, осей и колес, несколько паровозов; весь этот ценный груз союзные страны давали России, давали за ее жертвы кровью сынов ее и... за русское золото. Давали союзные страны, а их официальные представители требовали взамен почти полного себе подчинения, становились выше не только министра путей сообщения, но даже выше номинального диктатора. Понятно, это мешало работе, сильно затрудняло ее, а «союзникам» давало возможность проводить меры для своих, не всегда чистых целей.

На этой же почве наши бывшие военнопленные, составившие теперь, в 1919 году, «союзные» полки чехословацкие, польские, румынские и итальянские, захватили в свои руки огромное количество подвижного состава; так, за тремя чешскими дивизиями числилось свыше 20 тысяч вагонов. Польская дивизия, сформированная французской миссией генерала Жанена, также из бывших наших военнопленных, захватила свыше 5 тысяч вагонов; были собственные поезда у румын и итальянцев. Никакие силы не могли заставить этих «интервентов» вернуть вагоны и паровозы. Железнодорожной администрации приходилось принимать факт этого ограбления и изворачиваться ограниченным запасом подвижного состава, который остался в фактическом распоряжении русского министра путей сообщения.

Затем все интервенты-союзники, приезжая в Сибирь, чтоб спасти бедную, разоренную Россию, быстро входили во вкус; у всех их руко-

водителей были собственные поезда, составленные из лучших вагонов, с кухнями, ванными, электричеством. Поезда Жанена, Нокса, Павлу, разных «высоких комиссаров» (которые, увы, сыграли на руку невысоким советским комиссарам) поражали своей роскошью, незнакомой и недопустимой даже в их богатых странах. Дошли до такого нахальства, что распоряжение и распределение всеми салон-вагонами взял на себя штаб французского генерала Жанена, выдавая их почти исключительно иностранцам. Опять-таки справедливость требует сказать, что японцы вели себя и здесь всех скромнее, достойнее, и только они, представители Страны восходящего солнца, не имели в бедной России роскошных поездов.

Сибирская магистраль тянется на тысячи верст, проходит глухой тайгой или беспредельными степями. Большевики и эсеры, объединив свои силы, направили все внимание на эту важнейшую артерию, питавшую армию и страну, обеспечивавшую вывоз сырья из богатых губерний Сибири. И вот те шайки, которые были собраны социалистами, организовали планомерную кампанию нападений на железную дорогу.

Нападения проводились на наиболее трудные участки ее, с сильными закруглениями пути или с предельными подъемами и спусками. В таких местах банды разбойников разбирали путь, портили рельсы и стрелки, иногда взрывали мосты. Для этого ими выбиралось время, когда шли из Владивостока поезда с военным снабжением или направлялись ценные грузы. Глухой ночью совершалось покушение, поезд спускался под откос, разбивались вагоны; банда производила грабеж. Временами доходило до того, что мы прекращали ночное движение, пуская поезда только днем. Можно себе представить, какое затруднение в транспорте создавалось благодаря всему этому. Но отвлекать наши русские войска на службу обороны Сибирской магистрали было нельзя, и без того боевой фронт наш задыхался в неустанной борьбе из-за недостатка подкреплений с тыла.

Поэтому пришлось прибегнуть к милости интервентов, которые в своем междусоюзническом комитете (или совдепе, как его называли даже некоторые английские офицеры) решили разделить железную дорогу на участки и поручить охране иностранных войск. От Владивостока до Читы — японцы, около Байкальского озера — небольшой участок — американцы, далее немного — румыны, центр Иркутск — Омск — Томск — чехи, Алтайская железная дорога — 5-я Польская дивизия. Казалось бы, самая естественная вещь. Раз пришли помогать, если называются союзниками да вдобавок еще едят русский сибирский хлеб, то какие тут могут быть разговоры. Становись на работу и выпол-

ный ее честно и исправно по наряду русской власти. Так должно было бы быть при нормальном порядке. Так было бы, если бы мы, русские войска, пришли помогать кому-либо из союзников в их стране. Так и бывало не один раз, когда русскими боками спасали «союзников». Но здесь, в Сибири, опять-таки проявились, с одной стороны, наша русская стародавняя привычка взирать на иностранца снизу вверх, чуть не с подобострастной улыбкой, а с другой — их обычная самоуверенность и напыщенное самодовольство, чтобы не сказать более резкого слова.

Почти все иностранцы, взявшие на себя охрану Сибирской железной дороги, смотрели на это как на величайшее одолжение, как на благодеяние, которое они делают бедным русским; они исполняли только приказы своего «междусоюзнического комитета», не считались совершенно с русской властью и железнодорожной администрацией. При этом в оправдание приводилась все та же фарисейская увертка — «невмешательство в русские внутренние дела».

Сама служба охраны железной дороги неслась так. Начинают учащаться случаи нападения банд на железную дорогу, происходят покушения на отдельных интервентов, охраняющих данный участок. Тогда они решают действовать; усиливаются караулы, ловят нескольких разбойников, вешают их, отгоняют банды в тайгу и на этом успокаиваются. Когда им предлагалось довести дело до конца, преследовать банду и уничтожить ее с корнем, получался ответ:

— Это не наше дело!

Случалось, что такой способ не давал результатов, нападения на дорогу и иностранную охрану не прекращались. Тогда интервенты — особенно чехословаки и польская дивизия — устраивали карательную экспедицию. На опасном участке сжигались два-три богатых сибирских села за их будто бы отказ выдать преступников-бандитов.

Это вызывало страшное озлобление мирного, ни в чем не повинного населения, сыновья которого сражались за Русское национальное дело в рядах Белой армии. И естественно, что это озлобление переносилось, отражалось рикошетом на центральном правительстве адмирала Колчака, на русских властях. Таково было положение на железной дороге в то время, когда роль ее выдвигалась на первое место, вследствие того что новая неудача на фронте начала превращаться в катастрофу.

В самый нужный момент, когда необходимо было дать сверхсильное напряжение, чтобы в западном направлении подать армиям помощь снабжением и силами, а в обратном направлении — на восток — вести планомерную и безостановочную работу эвакуации, — оказалось, что русская власть бессильна использовать свою железную

дорогу. А вдобавок к этому тыловые органы, загроможденные бюрократическим бумажным строем и зараженные эсеровской тлей, упорно и беззастенчиво, приводя самые ребяческие отговорки и отписки, тянули время и занимались тем, что копили военное снаряжение в глубоких тыловых складах.

И армия, проявившая чудеса героизма и предел напряжения сил, добившаяся блестящей победы, была предана — она не получила ни пополнений, ни одежды, ни теплых вещей. А между тем наступала уже суровая сибирская зима.

Вот один из документов; телеграмма командующего Оренбургской армией: «1 ноября 1919 г. Кокчетав. Могу ли рассчитывать и когда на присылку теплой одежды, винтовок. Нужно на первое время 10 000 комплектов полушубков, валенок, шапок, теплого белья, рукавиц, брюк, особенно последних. Армия голая. Степной край не имеет дров, даже крыши не дают тепла. Тиф усиливается. Винтовок нужно на первое время 5000. Началась мобилизация уездов, для них нужно 7 тысяч теплого и винтовок. Прошу Вашего ответа. № 542. Генерал-лейтенант Дутов». И таких телеграмм получались десятки. Эти донесения поступали изо дня в день, начиная с середины августа. Но на русское горе, они оставались без ответа, без результата. И добро, если бы не было в тылу запасов, а то ведь в Красноярске, Томске, Иркутске были полные склады.

Совершалось еще более вопиющее. Когда тыл, его бюрократические органы увидели, что дело нешуточное, что на фронте положение принимает действительно катастрофические размеры, грозящие и их существованию, то там всколыхнулись и стали спешно собирать пополнения, грузить теплую одежду и обувь, направляя эшелон за эшелон в действующую армию. Все это принимало вид нерешительных, спешных и судорожных мер. Наши части были в непрерывном движении. Отступление протекало планомерно, с постоянными, ежедневными боями, чтобы парализовать новые стремления красного командования перерезать в тылу железную дорогу. В то же время шла напряженная работа по эвакуации раненых и больных, военных грузов и железнодорожного имущества. Шел непрерывный поток с запада в восточном направлении; поезда с пополнением и снабжением, врезаясь вне всякой системы навстречу этому потоку, простаивали неделями на станциях, не могли добраться до фронта или запаздывали и только мешали. Иное было бы две недели назад, когда все железные дороги были свободны, армия стояла на Тоболе, система транспорта и этапные линии были хорошо налажены. Естественно, что настроение в войсках падало все больше и больше.

Вот другой жизненный документ, крик армии — донесение командующего конной группой: «За последнее время все указывает на сильный упадок духа солдат вследствие все уменьшающегося численного состава частей и отсутствия пополнений. Волнуются и недоумевают, почему до сих пор ни один полк не пополнен, когда в некоторых ротах осталось около десяти человек. Такое положение создает благодарную почву для всякой пропаганды и агитации, чем несомненно воспользуется наш противник, хорошо осведомленный о том, что делается в наших войсках. Красные уже разбрасывают прокламации, призывающие наших солдат окончить войну, перебив своих офицеров и выдав красным адмирала Колчака, в свою очередь обещая перебить своих комиссаров и выдать нашим солдатам Ленина и Троцкого. Подобные прокламации, попадая в руки солдат, не могут не оказать влияния на менее сознательный элемент... Далее, в связи с наступившей холодной и сырой погодой и необходимостью часто ночевать в лесу под открытым небом развивается недовольство солдат отсутствием теплой одежды; солдатами указывается, что в тылу все одеты, и во все теплое... Мы рискуем потерять и оставшийся кадр ранее доблестно сражавшихся частей. 25 октября 1919 года. Генерал Волков. № 2642».

Ропот среди армии все усиливался. Тяжелое отступление полураздетых частей продолжалось без надежды остановить его, чтобы дать красным сильный отпор и снова перейти в наступление. Вместе с тем развилась до небывалых пределов и пропаганда в тылу. В результате всего падала сама вера в успех дела, исчезла надежда на скорую конечную победу, терялся смысл дальнейших жертв. В такой обстановке тыл начал теперь спешно подавать на фронт пополнения. Густыми массами шли маршевые роты, безо всякой системы, с нарушением самых примитивных требований порядка: так, зачастую поезда с пополнением простаивали сутками на станциях или разъездах, не получая ни пищи, ни кипятка для чая; люди волновались, верили самым вздорным слухам, легко поддавались обману и агитации. Наконец эти голодные и распропагандированные маршевые роты высаживали и передавали ближайшему строевому начальнику. Вначале пробовали их вливать в полки, которые таяли с каждым днем, пробовали и горько раскаивались, ибо произошли массовые предательства. Только что прибывшее пополнение, получив приказ идти в наступление, выбегало, подняв вверх винтовки, обращенные прикладами в небо, передавалось на сторону красных и открывало огонь по своим. Почти все офицеры в таких полках гибли...

Пал Петропавловск. Армии неудержимо катились на восток. Омск, где оставался до сих пор и Верховный Правитель, и все министерства, был уже под угрозой с фронта и с севера, от Тобольска. И не только под угрозой — Омск был уже обреченным, так как спасти его могло только чудо; человеческие усилия были не в состоянии этого сделать в той обстановке, которая создалась к этому времени. Нельзя выразить той горечи, какая охватила всех нас на фронте, всю армию. Сделанный ею подвиг, одержанная на Тоболе победа, сознание близкого и окончательного разгрома красных — все пошло прахом... И не было надежды на новое улучшение, на перемену...

3 ноября меня вызвал в Омск телеграммой адмирал Колчак. Когда на следующий день утром я подъезжал к его особняку, меня обогнал автомобиль главковостока генерала Дитерихса. Адьютант Верховного Правителя просил подождать в приемной. Большая комната с длинным столом, покрытым малиновым сукном, с высокими стульями, расставленными кругом, по-казенному; стол, за которым обыкновенно происходили заседания совета министров. Два больших венецианских окна выходили на Иртыш. Могучая, величавая река катила свои мутные воды, а за ней расстилалась бесконечная Сибирская равнина. Весной она зеленела и блестела молодыми всходами, обещая светлое будущее, как бы укрепляя надежду на наше возрождение к осени. Теперь, когда наступила эта осень, прошли месяцы упорной кровопролитной борьбы, когда было достигнуто многое и мы подошли почти к полной победе, — все начало рушиться. Какая-то темная сила сводила на нет великие жертвы, труды и усилия.

Мрачно становилось на душе. Преступным представлялось то, что сделали с армией, с этими сотнями тысяч лучших русских людей, беззаветно шедших на смерть, чтобы добиться жизни для своей страны. Невольно мысль возвращалась к тем минутам, когда в этом же зале адмирал напутствовал меня в армию последними словами: «Идите на боевое дело, о тыле не беспокойтесь, я сам справлюсь с ним...»

У стены, сзади большого стола, стояла синяя горка, вся уставленная блюдами, солонками, папками с адресами, подношениями разных городов, заводов и общественных организаций из местностей, освобожденных от большевиков. Так знаменательны и полны веры были надписи на них; какими жалкими и беспомощными, оставленными выглядели они теперь... Разговор в кабинете Верховного Правителя становился, видимо, все горячее; временами доносился его голос, доходящий до крика. Прошло минут сорок. Раздался звонок, пробежал через залу адъютант и вернулся с докладом, что адмирал просит меня войти.

* * *

Верховный Правитель и генерал Дитерихс сидели за столом, один против другого, с лицами, выразившими большие переживания, причем впервые за все время я видел в глазах адмирала такую сильную усталость, доходившую почти до отчаяния. Поздоровавшись, он попросил меня сесть и сделать подробный доклад о состоянии армии, о причинах неудач, о возможных видах на будущее.

Мой доклад был краткий, основанный на фактических и цифровых данных, отчет того, что сделала армия, что она готова была сделать для Родины и что сделала с армией преступная бездеятельность тыла. Армия дала высшее напряжение и победу; полуодетая, плохо снабженная, наша армия гнала красных на сотни верст и, если бы ее поддержали хоть немного, она рассеяла бы дивизии большевиков, отбросила бы их за Уральские горы. И тогда путь на Москву был бы чист, тогда весь народ пришел бы к нам и открыто стал под знамя адмирала. Большевики и прочая социалистическая нечисть были бы уничтожены светлым гневом народных масс — с корнем. Но, как будто нарочно, тыл не присылал ни одного вагона теплой одежды, ни пополнений, ни офицеров, даже хлеб и фураж доставлялись в армию нерегулярно, несмотря на большие запасы и обильный урожай, бывший в Сибири в том году.

Полки и батареи тают. Большинство лучших офицеров и солдат выбито. Армия отступает, как лев, отбиваясь на каждом шагу; ни одна пушка, ни один пулемет не брошен врагу. Но за что люди гибнут? Что в будущем? Вера в успех при настоящих условиях исчезает. Предательство, выразившееся в том, что правительство мирволило социалистам-революционерам, которые развалили тыл, погубило все дело и свело на нет все, сделанное армией, великий подвиг ее.

— К сожалению, в армии, начиная от стрелка и кончая ее командующим, нет теперь веры, что настоящее правительство способно исправить положение. Армия не верит ему...

Меня перебил генерал Дитерихс вопросом:

— Говоря о правительстве, Вы подразумеваете Верховного Правителя и совет министров или разделяете их?

— Армия по-прежнему предана Верховному Правителю, никто не сомневается, что не он виноват в том, что сделал тыл. Я говорил только о совете министров, который и до сих пор имеет в своем составе социалистов.

— Значит, Вы считаете, что Верховный Правитель должен остаться во главе?

— Более того, я считаю, что всякая перемена в командном составе, а тем более в верховном командовании, была бы гибельная для дела...

Адмирал глубоко вздохнул, тяжело повернулся в кресле и сказал, обращаясь ко мне, повышенным и дрожащим голосом:

— А Его Превосходительство генерал Дитерихс отказывается быть главнокомандующим и просил меня уволить его в отпуск.

Я всего ожидал, но не этого. В такую минуту, когда требовалось напряжение всех и каждого, этот пример дал бы самые плачевные результаты.

— Что Вы думаете? — спросил меня адмирал Колчак.

— Разрешите говорить откровенно: когда стрелок покидает свой пост в цепи, его предадут военно-полевому суду и расстреливают; то же самое, если офицер оставит свою роту, батарею или полк. Я считаю, что и главнокомандующий одинаково ответственен и не имеет права в трудную минуту покинуть свой высокий пост.

Адмирал волновался, видимо, все больше и начал объяснять причины, почему он считал себя обязанным согласиться на просьбу главнокомандующего. Оказалось, что генерал Дитерихс отдал приказ о выводе в тыл всей первой армии генерала Пепеляева, причем перевозка ее по железной дороге уже началась; этим обнажился весь правый фланг боевого фронта.

— В то время, когда я хочу все усилия бросить на защиту Омска, я считаю вывод армии Пепеляева безумным делом. Вопрос об уходе генерала Дитерихса мною уже решен, — закончил адмирал Колчак разговор, отпустив нас обоих.

Через час я был позван снова. Адмирал задал мне вопрос, кого я посоветовал бы ему назначить главнокомандующим. Трудно было ответить на это; я доложил мое мнение, что один из наиболее дельных помощников его был начальник штаба генерал Лебедев, которого и следовало бы вернуть на место. Верховный Правитель соглашался с этим, но заявил, что не считает это возможным, что, благодаря интригам, имя генерала Лебедева очень непопулярно в общественности.

— Да, генерал Лебедев был всегда открытым противником социалистов всех партий, почему им и надо было убрать его. Но это не причина...

Адмирал Колчак обратился ко мне:

— А Вы согласились бы занять пост главнокомандующего?

Я решительно отказался, ссылаясь на то, что я связан с 3-й армией, что мне дороги и эта связь, и самое дело, с которым я справляюсь.

Адмирал настаивал. Вечером он вызвал меня третий раз и заявил, что не может прийти к другому решению и приказывает мне принять пост главнокомандующего Восточным фронтом. Это он повторил и перед малым советом министров, собранным в тот же вечер в его доме для обсуждения тогдашнего чрезвычайно трудного и сложного положения. Мне пришлось подчиниться приказу. Нерадостные, черные были перспективы.

Армия неудержимо катилась на восток. Эвакуация была затруднена до невозможности, так как до самого последнего времени не было предпринято никаких шагов для вывоза огромнейших военных складов в Омске, наоборот, до конца октября все прибывали новые транспорты с различными снабжениями. Надо было собирать и эвакуировать огромные министерства, спасать раненых, больных и семьи военных.

Вдобавок ко всем трудностям прибавилась еще одна: в 1919—1920 году зима была исключительно теплая, сравнительно с обычной сибирской; в первой половине ноября морозы все время колебались между двумя-тремя градусами тепла и пятью мороза. По Иртышу шла шуга (мелкий лед); это лишало возможности не только навести мосты, но даже устроить паромные переправы. Наши армии надвигались к Иртышу и становились перед неразрешимой задачей, как совершить переправу через эту огромную реку. Какой-либо маневр под Омском был совершенно невозможен. И в то же время армия все более и более таяла, оставшись одетой по-летнему. А в тылу были накоплены колоссальные запасы, такие, что их не могла бы использовать вдвое большая, чем наша, армия!

На заседании совета министров я повторил мой доклад, обратил внимание на все эти трудноисправимые минусы, вызвавшие полнейший крах осенней операции, и предупредил, что на защиту Омска рассчитывать нельзя, что, может быть, удастся собрать резерв к востоку от Иртыша и там дать красным генеральное сражение.

Спасти общее наше положение было тогда еще возможно; понятно, не удержанием Омска, что являлось задачей невыполнимой, да и не самой важной; все силы надо было направить к двум главнейшим целям: спасти кадры армии и удержать ими фронт в дефиле примерно на линии Мариинска; в то же время сильными, действительными мерами, не считаясь ни с чем, надо было очистить тыл и привести его в порядок. Изгнать преступную бюрократическую бездеятельность и волокиту, совершенно искоренить возможность дальнейшего предательства социалистами; объявить партию эсеров противогосударственной, врагами народа; наладить жизнь населения в самых простейших и не-

обходимейших ее формах и обратить усилия всех и всего для боевого фронта. Работать зиму не покладая рук, и тогда к весне можно было рассчитывать на новое успешное наступление, особенно когда население Западной и Средней Сибири узнало бы на своих спинах всю прелесть большевизма.

Вот такой была общая программа, которая стояла передо мной и которая была набросана перед советом министров; это был единственный шанс на успех. При этом выдвигалось необходимым установление фактически военного управления вплоть до Тихого океана, выявление нового лозунга — движение для возрождения России по ее историческому пути с принятием правого курса политики внутри страны, а вместе с тем и направление внешней политики только в интересах дела возрождения России, вплоть до заключения, если понадобится, секретных договоров со странами, действительно дружески действующими по отношению к нашему Отечеству.

С другой стороны, настоятельно необходимо было отказаться раз навсегда от угодничества перед теми иностранцами, которые вели в Сибири политику «бельэтажа интернационала», оказывали поддержку эсерам, заставляли наше правительство плясать под их дудку, вредили национальному воскресению России.

Тяжелый был момент, но выход виделся, хотя и загроможденный гигантскими препятствиями, осложненный сверхчеловеческими трудностями, но все же выход прямой, вытекающий из сил и средств, которыми мы располагали. Только это одно, лишь сознание долга идти и вести к этому выходу заставили меня принять обязанность главнокомандующего и взвалить себе на плечи огромную, сверхсильную ношу.

В тот же день, когда я приехал в Омск, а генерал Дитерихс уезжал отдельным поездом во Владивосток, мне ясно представилось, как в случае не только неудачи, а временных неудач будут со всех сторон выдвигаться все новые и новые препятствия и врагами будут пущены в ход все средства. Особенно ввиду того, что проведение основного плана в его целом возможно было лишь при твердом, систематическом курсе, при суровых, а подчас и жестоких мерах. Как же иначе было бороться и желать победить еврейскую беспощадную диктатуру над русским народом, правящую под фирмой «большевиков-коммунистов».

Адмирал Колчак просил сделать все возможное, чтобы попытаться спасти Омск, и сейчас же отдал приказ о возвращении 1-й Сибирской армии на фронт. Когда на другой день по прибытии в эту сибирскую столицу я приехал вечером в особняк Верховного Правителя для обсуждения плана действий, в кабинете адмирала я застал командующего 1-й армией генерала Пепеляева. В первый раз я видел этого печально-

го героя контрреволюции. Широкий в плечах, выше среднего роста, с круглым, простым лицом, упрямыми, серыми глазами, смотревшими без особо яркой мысли из-под низкого лба; коротко стриженные волосы, грубый, низкий, сдавленный голос и умышленно неряшливая одежда — вот облик этого офицера, который был природой предназначен командовать батальоном, в лучшем случае полком, но которого каприз судьбы и опека социалистов выдвинули на одно из первых мест.

Адмирал встретил меня словами:

— Вот генерал Пепеляев убеждает не останавливать его армию, дать ей возможность сосредоточиться по железной дороге в тылу.

Я отвечал, что это невозможно, так как железная дорога нужна для эвакуации, а армия генерала Пепеляева необходима для операций на фронте. Генерал получит приказ и инструкции сегодня же вечером в моем штабе. Пепеляев поднялся во весь рост, посмотрел в упор из-под нависшего сморщенного складками лба на адмирала.

— Вы мне верите, Ваше Высокопревосходительство? — спросил он каким-то надломленным голосом.

— Верю, но в чем же дело?

Пепеляев тогда перекрестился на стоявший в углу образ, резко и отрывисто ударяя себя в грудь и плечи.

— Так вот Вам крестное знамение, что это невозможно, — если мои войска остановить теперь, то они взбунтуются.

Около двух часов шел спор. Пепеляев пускал все способы не доводов и убеждения, а прямо устрашения. В конце концов адмирал махнул рукой и согласился не останавливать армии Пепеляева, а направил ее в районы, указанные еще генералом Дитерихсом, то есть в города Томск, Новониколаевск и на восток до Иркутска. Этим решением выводилось из строя не менее четверти бойцов, правый фланг обнажался и на две остальные армии возлагалась задача непосильная.

Я доложил Верховному Правителю, что не могу при таком отношении к приказу оставаться главнокомандующим, и снова настаивал на возвращении меня в 3-ю армию. Адмирал, усталый и подавленный тем страшным бременем, которое он нес уже целый год, начал уговаривать меня и просил остаться, чтобы вместе выполнить общими усилиями главный план зимней работы.

Целый ряд сумбурных дней, полных неизвестности, полных работы среди каких-то диких невозможностей. Армия каждый день приближалась верст на 15—20. Опасность росла, а эвакуация затруднялась все сильнее. А тут надо было отправлять все иностранные, союзнические миссии, хотя бы главнейшие аппараты министерств. Иртыш не становился, продолжая ледоход. Предстояло, видимо, повернуть ар-

мию, не доходя до Иртыша, на юг с целью отвести ее затем в Алтайский район. Я сделал приготовления, чтобы ехать в армию и быть при ней. Адмирал колебался, то решая ехать со мной, то склоняясь на поездку в Иркутск, куда переезжали совет министров и главные аппараты управления. Кроме того, все время стоял трудный вопрос с золотым запасом, которого было 28 вагонов полной нагрузки, то есть 28 тысяч пудов.

Наконец, 10 ноября хватил мороз. Иртыш стал. Лед крепнул. Переправа для войск была обеспечена. Было решено закончить спешно эвакуацию, уничтожить все военные запасы в Омске и отводить армии на восток; собрать резервы на линии города Татарска или если не успеем, то на линии Томск—Новониколаевск, чтобы там дать сражение всеми силами, включая и армию генерала Пепеляева. Войска наши не разлагались, нет, они только безумно устали, изверились и ослабли. Поэтому отход их на восток делался все быстрее, почти безостановочным.

Пять литературных поездов, составлявших личный штаб Верховного Правителя (один из них был с золотым запасом), выехали из Омска 13 ноября; я дождался приезда командующих армиями генералов Каппеля и Войцеховского и 14 ноября, после совещания с ними, выехал из Омска с моим штабом. А 15 ноября утром красные с севера обошли бывшую столицу Сибирского правительства, и наши войска принуждены были оставить линию реки Иртыша. Омск пал...

На десятки верст слышались оглушительные взрывы, которыми уничтожали многотысячные омские запасы снарядов, патронов и пороха. Красные получили огромную добычу и заняли столицу. Перехваченные их радио торжествовали полную победу. Но это было не так. Перед нами лежал ряд задач, которые нужно было выполнить, и тогда положение было бы спасено. Борьба за Россию была бы доведена до конца, до нашей победы.

*Д. Филатьев*⁸¹

КАТАСТРОФА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ⁸²

Образование Директории

По инициативе Самарского, Екатеринбургского и Сибирского правительств были устроены два совещания: 23 августа — в Челябинске и 23 сентября — в Уфе. После бесконечных дебатов о приоритете наконец согласились на учреждении единой власти в лице пятичлен-